

ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Economics.
Management. Law”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2021

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Economics. Management. Law” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

08.00.00 Economics:

08.00.01 Economic theory

08.00.05 Economics and management of national economy

08.00.10 Finance, money circulation and credit

08.00.14 World economics

12.00.00 Jurisprudence:

12.00.03 Civil law, Business law, Family law

12.00.04 Financial law, Tax law, Budget law, International private law

12.00.10 International law, European law

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

tel: +7 (499) 973-40-96

e-mail: ynic2010@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.00 Экономика:

08.00.01 Экономическая теория

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит

08.00.14 Мировая экономика

12.00.00 Юриспруденция:

12.00.03 Гражданское право, Предпринимательское право, Семейное право

12.00.04 Финансовое право, Налоговое право, Бюджетное право,
Международное частное право

12.00.10 Международное право, Европейское право

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Тел: +7 (499) 973-40-96

электронный адрес: ynic2010@mail.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

N.I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*the first deputy editor-in-chief*)

S.N. Bolshakov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Nezamaikin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

L.B. Sadovnikova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, WSG University, Poznan, Poland

Veliko I. Zhekov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Institute of Stimulation of Economics, Varna, Bulgaria

P.I. Tolmachev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

V.M. Tumin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

O.A. Rouzakova, Dr. of Sci. (Law), professor, Committee apparatus of State Duma of the Russian Federation for state building and legislature, Moscow, Russian Federation

I.I. Rodionov, Dr. of Sci. (Economics), professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

K.V. Ekimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Н.И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*первый заместитель главного редактора*)

С.Н. Большаков, доктор экономических наук, профессор, АГОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Незамайкин, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Л.Б. Садовникова, доктор психологических наук, профессор, Высшая школа экономики, Познань, Польша

Жеков Велико Иванов, доктор экономических наук, профессор, Институт стимулирования экономики, Варна, Болгария

П.И. Толмачев, доктор экономических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Российская Федерация

В.М. Тумин, доктор экономических наук, профессор, Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

О.А. Рузакова, доктор юридических наук, профессор, Комитет Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, Москва, Российская Федерация

И.И. Родионов, доктор экономических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

К.В. Екимова, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Management

- Nadezhda I. Arkhipova, Pavel P. Shkarenkov, Vasilii I. Makolov*
The role of the humanities in the formation
of the advanced education model 8
- Kseniya A. Chistyakova, Oleg Yu. Artemov*
Ways of corporate business development based
on high-tech projects in an innovative economy 22

Economy

- Oleg S. Sukharev*
The accelerating of the economic growth of Russia
after the COVID-19 crisis 35
- Olga V. Morozenkova*
Digitalization in Russian exports of non-primary non-energy goods 55
- Alla Yu. Platko, Alla R. Mikhailova*
Enterprises of the hospitality industry in the conditions of uncertainty
of the external environment. Trends and prospects 69
- Evgenii F. Avdokushin, Elena G. Kuznetsova*
Ecosystems of the sharing economy 83
- Irina G. Pavlova*
Methodological aspects of studying innovation infrastructure 101
- Anna V. Osipovskaya*
Banking system of Russia. Regional aspect 111
- Antonina A. Seregina, Marta V. Ryabichenko*
Issues of single-industry towns development in the sphere
of ensuring the access to affordable, reliable, sustainable and modern
energy for all (SDG 7). Russian and Swedish best practice 123

Law

- Stanislav V. Timofeev*
Issues of delimitation and application of norms providing
for the implementation of the right to bank and commercial secrets 137

СОДЕРЖАНИЕ

Управление

Надежда И. Архипова, Павел П. Шкаренков, Василий И. Маколов
Роль гуманитарных наук в формировании
модели опережающего образования 8

Ксения А. Чистякова, Олег Ю. Артемов
Пути развития корпоративного бизнеса на основе высоко-
технологичных проектов в условиях инновационной экономики 22

Экономика

Олег С. Сухарев
Ускорение экономического роста России после «ковидного» кризиса 35

Ольга В. Морозенкова
Цифровизация в российском экспорте
несырьевыми неэнергетическими товарами 55

Алла Ю. Платко, Алла Р. Михайлова
Предприятия индустрии гостеприимства в условиях
неопределенности внешней среды: тенденции и перспективы 69

Евгений Ф. Авдокушин, Елена Г. Кузнецова
Экосистемы шеринговой экономики 83

Ирина Г. Павлова
Методологические аспекты изучения
инновационной инфраструктуры 101

Анна В. Осиповская
Банковская система России: региональный аспект 111

Антонина А. Серегина, Марта В. Рябиченко
Проблемы развития моногородов в сфере обеспечения
всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым
и современным источникам энергии для всех (цель № 7 целей
устойчивого развития): лучшие практики России и Швеции 123

Право

Станислав В. Тимофеев
Проблемы разграничения и применения норм, предусматривающих
реализацию права на банковскую и коммерческую тайну 137

УДК 378

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-8-21

Роль гуманитарных наук в формировании модели опережающего образования

Надежда И. Архипова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, arkipova.n@rggu.ru*

Павел П. Шкаренков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, shkarenkov.p@rggu.ru*

Василий И. Маколов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, makolov.v@rggu.ru*

Аннотация. В статье обоснована роль гуманитарных наук в формировании модели опережающего образования в интересах устойчивого развития в рамках глобальных трансформаций с учетом влияния современных угроз и вызовов (техногенных, биогенных, социокультурных и др.). В контексте современной образовательной политики России авторами представлены ключевые элементы гуманитарной составляющей рассматриваемой модели (профессионально-компетентностный, ценностно-мировоззренческий, духовно-патриотический и гуманитарно-экологический компоненты, цифровые компетенции и мягкие навыки).

Ключевые слова: образование, опережающее образование, устойчивое развитие, гуманитарное знание и образование, гуманитарная составляющая модели опережающего образования, глобальные угрозы и вызовы

Для цитирования: Архипова Н.И., Шкаренков П.П., Маколов В.И. Роль гуманитарных наук в формировании модели опережающего образования // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 8–21. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-8-21

The role of the humanities in the formation of the advanced education model

Nadezhda I. Arkhipova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
arkhipova.n@rggu.ru*

Pavel P. Shkarenkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
shkarenkov.p@rggu.ru*

Vasilii I. Makolov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
makolov.v@rggu.ru*

Abstract. The article substantiates the role of the humanities in the formation of a model for advanced education in the interests of sustainable development within the framework of global transformations, taking into account the influence of modern threats and challenges (technogenic, biogenic, sociocultural, etc.). In the context of the modern educational policy of Russia, the authors present the key elements in the humanitarian component of the model under consideration (professional-competence, value-worldview, spiritual-patriotic and humanitarian-ecological components, digital competencies and soft skills).

Keywords: education, advanced education, sustainable development, humanitarian knowledge and education, the humanitarian component of the advanced education model, global threats and challenges

For citation: Arkhipova, N.I., Shkarenkov, P.P. and Makolov, V.I. (2021), "The role of the humanities in the formation of advanced education model", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economy. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 8–21, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-8-21

Образование, являясь одним из основных прав человека, выступает важнейшим инструментом для достижения 17 целей устойчивого развития. В 2015 г. ООН утвердила повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Программа включает 17 целей, ориентированных на преодоление нищеты, сохранение ресурсов на планете, обеспечение качества образования и повышение благополучия людей. Достижение этих целей предполагает необходимые скоординированные действия органов власти, гражданского общества и бизнес-компаний.

Цель ООН в области устойчивого развития № 4 предусматривает «обеспечение всеобъемлющего и справедливого качественного образования и поощрение возможностей обучения на протяжении всей жизни для всех». В связи с этим необходимо отметить роль непрерывного образования, которое является ключевым направлением реформирования образовательной политики.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-2019, которая не затихает по всему миру до сих пор, оказала сильное влияние на все области экономической и социальной жизни, в том числе образование. Карантинные меры предъявляют к системе образования новые требования как по развитию ландшафта образовательного пространства, так и по его технологической составляющей, а также к социальному взаимодействию и коммуникациям¹.

Системные кризисы и глобальные вызовы, с которыми столкнулось человечество на рубеже XX–XXI вв. (техногенные, био-генные и социокультурные угрозы, терроризм, идеологический экстремизм и кибербезопасность), привели к иному взгляду на глобальный мир и осознанию важности устойчивого развития, которое возможно только при балансе трех важнейших элементов: экономического роста, социальной ответственности и экологического равновесия.

В докладе Г.Х. Брундтланд «Наше общее будущее» устойчивое развитие рассматривается как развитие, которое, соответствуя потребностям настоящего, не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять собственные потребности².

В ст. 1 «Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в.: подходы и практические меры» от 9 октября 1998 г. подчеркивается, что необходимо сохранять, укреплять и расширять главные задачи и ценности высшего образования, в частности в том, что касается его вклада в устойчивое развитие и совершенствование общества в целом, в том числе обеспечивать воспитание в духе гражданственности и подготовки к активному участию в жизни общества, придерживаясь глобального мировоззрения, а также с целью создания эндогенного потенциала и укрепления

¹ Концептуальная записка: Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период, август 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf (дата обращения 12 октября 2021).

² Brundtland G. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development, United Nations 1987 [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/> (дата обращения 12 октября 2021).

прав человека, устойчивого развития, демократии и мира в духе справедливости³.

В течение последних десятилетий внимание к вопросу о роли образования в обеспечении устойчивого развития неуклонно возрастает. Возникающие вопросы обсуждаются авторитетными экспертами, политиками, экономистами, представителями мира искусства, науки, бизнеса и образования. Исследователями разработаны различные модели образовательных инноваций и интеграции принципов устойчивого развития в компетентностные профили подготовки кадров [Segalàs Coral, Tejedor Papell 2016; Ahmad 2012].

17–19 мая 2021 г. в Берлине прошла всемирная конференция ЮНЕСКО по образованию в области устойчивого развития, на которой было отмечено, что устойчивое развитие не может быть достигнуто исключительно с помощью технологий, политического регулирования или финансовых механизмов⁴.

По мнению М. Кейнера, устойчивое развитие является ключевым принципом развития человеческого потенциала [Keiner 2005]. Д. Фостер (2002) обосновывает, что устойчивое развитие – это процесс улучшения результатов деятельности человека через образование [Segalàs Coral, Tejedor Papell 2016]. Х. Сингх считает, что в образовании основными направлениями деятельности в области устойчивого развития выступают: продвижение и улучшение базового образования, переориентация образования на всех уровнях для решения проблем устойчивого развития, рост уровня осведомленности и понимания идей устойчивости обществом, обучение и развитие соответствующих навыков для реальной работы [Singh 2010].

В рамках продвижения образования в интересах устойчивого развития в 2005 г. была создана Ассоциация за продвижение устойчивости в высшем образовании (AASHE), в которую на настоящий момент входят более 900 вузов из 20 стран мира. Цель данной Ассоциации – вдохновлять и стимулировать высшее образование, стать основой процветающего, справедливого и экологически здорового мира, потому что именно вузы являются проводниками изменений и движущими силами инноваций в области устойчивого развития.

³Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (Париж, 5–9 октября 1998 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=1496 (дата обращения 10 сентября 2021).

⁴Берлинская декларация об образовании в интересах устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/> (дата обращения 10 сентября 2021).

Учитывая важность и актуальность существующих проблем, многие университеты Европы и Северной Америки начали реализацию образовательных программ бакалавриата и магистратуры, разработанных с целью создания систем образования, ориентированных на интересы устойчивого развития.

Среди наиболее востребованных программ можно выделить следующие: «Лидерство в интересах устойчивого развития» (Södertörn University, Stockholm; Queen's University Belfast, UK); «Устойчивое предпринимательство» (University of Groningen – Campus Fryslan Groningen, the Netherlands); «Управление устойчивостью» (American University Washington DC, the USA); «Устойчивое управление и экологические инновации» (Institut Polytechnique UniLaSalle, France); «Устойчивое развитие и управление окружающей средой» (Coventry University, UK); «Политика в области устойчивого обеспечения продовольствием и развития сельского хозяйства» (Royal Agricultural University, UK); «Устойчивый бизнес и инновации» (Utrecht University, the Netherlands); «Лидерство и менеджмент устойчивого развития в международном измерении» (Academy of Leadership Sciences, Switzerland); «Креативная устойчивость» (Aalto University, Finland); «Устойчивое развитие, предпринимательство и дизайн» (Brunel University London, UK); «Экономика для устойчивого развития» (Tilburg University, the Netherlands); «Устойчивость и социальные инновации» (HEC Paris, France). В российских университетах также открыты подобные программы по образованию в целях устойчивого развития: «Управление талантами в интересах устойчивого развития» (РГГУ); «Международные программы устойчивого развития» (МГИМО МИД России); «Государственное управление устойчивого развития» (РАНХиГС); «Устойчивое развитие индустрии гостеприимства и туризма» (Финансовый университет при Правительстве РФ); «Экономика устойчивого развития» (РУДН); «Устойчивое развитие бизнеса: управление и современный маркетинг» (РГУ им. А.Н. Косыгина); «Стандартизация и устойчивое развитие в аэрокосмической отрасли» (МАИ); «Управление устойчивым развитием современной корпорации» (Южно-Уральский государственный университет); «Экологический менеджмент для устойчивого развития» (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского) и др.

Образование не только является процессом приобретения знаний, но и включает в себя все виды деятельности, направленные на то, чтобы дать людям всех возрастов возможность грамотно разбираться в проблемах устойчивого развития, профессионально участвовать в их решении и быть ответственными за будущее планеты.

Принципы социоцентризма, фундаментальности и прогностичности являются основой образования для устойчивого развития, предполагающей сбалансированное и комплексное развитие социума, экономики, культуры и экологии (Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации).

Высшее образование в России в последние десятилетия существенно изменилось. Стремительное развитие информационных и онлайн-технологий, расширение возможностей для мобильности студентов и преподавателей, повышение роли научных исследований, структурные трансформации в содержании образовательных программ, расширение спектра и моделей их реализации приводят к необходимости разработки новой модели опережающего образования. Важнейшая роль, на наш взгляд, в процессе формирования данной модели принадлежит гуманитарному образованию и знанию.

Гуманитарное знание в образовании человека имеет глубокие корни. Еще древнегреческому философу Платону принадлежит идея о том, что образование состоит в обучении общению, понимании смыслов и умении мыслить. По результатам исследования, проведенного в рамках проекта развития стратегического управления в российских университетах, был сделан вывод о выраженной потребности молодого поколения именно в социально-гуманитарных знаниях, расширении гуманитарного кругозора как основы становления личности будущего профессионала. Отмечается также важнейшая роль социально-гуманитарного знания как опережающей функции подготовки выпускников в эпоху кризисов, активных перемен и новых вызовов со стороны окружающего мира [Серебровская, Пец 2020].

Основной задачей системы образования является подготовка кадров, обладающих знаниями, компетенциями, ценностями и подходами для реализации концепции устойчивого развития. Это достигается путем разработки новых образовательных программ и модулей в области устойчивого развития, внедрения идей и принципов устойчивости в образовательный процесс и во внеучебную работу с обучающимися.

Успешная реализация концепции образования для устойчивого развития невозможна без опоры на ее гуманитарную составляющую как совокупность моральных, этических и эстетических норм и ценностей, составляющих основу как глобального культурного развития, так и национальной и личностной самоидентификации.

Гуманитарная составляющая устойчивого развития позволяет сформировать целостную картину мира, обеспечивающую интегративное восприятие человеком образа того мира, в котором

он существует. Как писал Л.С. Выготский, «обучение похоже на башню, нужно строить ее шаг за шагом», чтобы помочь человечеству найти конструктивные и креативные решения для настоящих и будущих глобальных проблем, а также повысить устойчивость и жизнеспособность общества.

На наш взгляд, необходимо понимать, что создание модели опережающего образования в интересах устойчивого развития предполагает не только включение новых дисциплин в образовательные программы, но и развитие ответственности у обучающихся за устойчивое развитие общества. На практике это означает включение в образовательный процесс таких аспектов устойчивого развития, как: гражданственность, мир, этика, ответственность в локальном и глобальном контексте, безопасность, права человека, здоровье, гендерное равенство, культурное разнообразие, модели производства и потребления, охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, биологическое разнообразие.

По мнению Э. Кортезе, «для достижения устойчивого будущего необходимо, чтобы университеты обеспечивали осведомленность, развивали знания, навыки и ценности, которые позволяют добиваться жизненных целей, поддерживая высокий уровень благополучия»⁵.

Гуманитарная составляющая модели опережающего образования представлена на рис. 1.

Представленная модель ориентирована на подготовку и воспитание социально-ответственной личности с системным мышлением, способной адекватно реагировать на глобальные вызовы в контексте гармоничного сосуществования в планетарной экосистеме. Гуманитарная составляющая станет основой для модели опережающего регенеративного образования будущего. С учетом приоритетов в российской образовательной политике нами определены наиболее актуальные инструменты реализации составляющих модели опережающего образования.

Профессионально-компетентный компонент, являясь «ядром» образовательной программы, обеспечивает встраивание «жестких навыков» (Hard Skills) в контексте современных условий развития экономики, общества и гармоничного сосуществования в планетарной экосистеме. К профессионально-компетентному элементу указанной модели мы относим:

⁵Цит. по: *Abdallah N. The Case for Advancing Sustainable Development in Higher Education: An Economic Perspective. 2008 [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 12 августа 2021).*

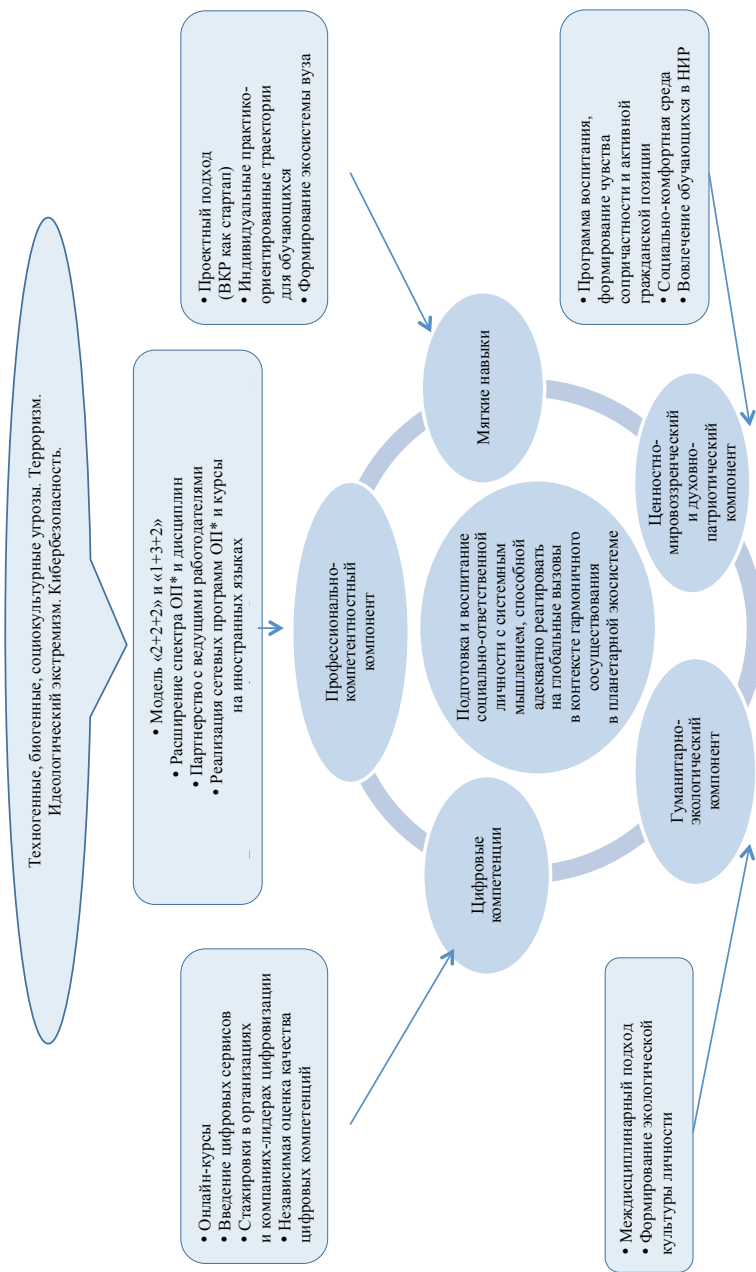

Рис. 1. Гуманитарная составляющая модели опережающего образования
* ОП – образовательная программа

- разработку новых, уникальных образовательных программ нового поколения, в том числе на иностранных языках, соответствующих требованиям российского и мирового рынков и предполагающих вариативность образовательных треков, мультидисциплинарность и дополнительные компетенции;
- проведение мероприятий по реализации образовательных программ, выстроенных в рамках модели «2 + 2 + 2», с обеспечением возможности выбора обучающимся профилизации (специализации) в процессе обучения не менее двух раз – на втором курсе обучения и после окончания бакалавриата;
- внедрение системы получения студентами, обучающимися по основным профессиональным образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, дополнительных компетенций через прохождение программ дополнительного образования параллельно с получением основного образования, в том числе повышения квалификации, профессиональной переподготовки;
- развитие новых форм стратегического взаимодействия с ведущими компаниями и госкорпорациями – лидерами цифровизации в контексте создания баз практик, прохождения стажировок и дальнейшего трудоустройства;
- расширение сетевых форм реализации образовательных программ и применение лучших практик подготовки специалистов, включая разработку совместных образовательных программ и модулей, стажировку, мобильность НПП и обучающихся, разработку международного digital-бренда вуза.

Гуманитарно-экологический компонент включает реализацию междисциплинарного подхода и формирование экологической культуры личности.

Ценностно-мировоззренческий и духовно-патриотический компоненты призваны формировать современное миропонимание на основе ценностно-онтологической и методологической ценности всех элементов, таких как культурное разнообразие, гендерное равенство, социальная справедливость, защита окружающей среды, развитие личности и т. п. Воспитательная функция включает приверженность к общенациональным ценностям; гражданственности; готовности к социальному партнерству, негативному отношению к любым формам неравенства (экономическое, гендерное, расовое, возрастное, образовательное) с соблюдением экологической законности путем формирования широкого спектра компетенций, включая межличностное, коммуникативное, командное сотрудничество, координацию, сочувствие, ориентацию на разрешение конфликтов, взгляд на перспективу. Социализация обучающихся

достигается формированием у них активной жизненной позиции по включению в решение задач устойчивого развития на основе гражданского согласия, демократических форм согласованных форм действий по решению комплексных проблем развития цивилизации. Ценностно-мировоззренческий и духовно-патриотический компонент может включать следующие приоритетные направления:

- разработку программ воспитания, формирования чувства сопричастности и активной гражданской позиции;
- формирование социально-комфортной среды;
- повышение вовлечения обучающихся в НИР;
- развитие механизма наставничества, тьюторства, менторства, в том числе цифрового;
- создание адаптивных образовательных модулей, дисциплин и курсов в цифровом формате для инвалидов и лиц с ОВЗ по осваиваемым программам.

«Мягкие навыки», или “Soft Skills”, предполагают развитие у обучающихся гибкости, творческого мышления, искусства делового общения и самоорганизации, эмоционального интеллекта, компетенций в области межкультурных коммуникаций, работы в команде, в том числе в процессе разработки и эффективной реализации проектов и т. п. «Мягкие навыки» имеют социально-гуманитарную сущность и важность их формирования у обучающихся всех направлений подготовки (специальностей) как стратегических компетенций, предопределяет развитие наиболее эффективных моделей и стратегий поведения в будущей профессиональной деятельности студента. Компонент, связанный с развитием «мягких навыков», акцентирует внимание на следующих направлениях:

- переход к проектным формам обучения, позволяющий студентам создавать собственные проекты, выполнять ВКР в форме разноформатных стартапов (в том числе социальной направленности);
- расширение возможностей реализации обучающимися индивидуальных образовательных траекторий с выбором пула майноров (дополнительных профилей обучения / циклов обучения), выстраивание индивидуальных практико-ориентированных и гибких образовательных траекторий для каждого обучающегося в рамках образовательных программ.

Развитие цифровых компетенций является одним из ключевых условий обеспечения конкурентоспособности выпускников образовательных организаций на рынке труда. Цифровые компетенции позволяют более эффективно развивать «профессиональное ядро» любой образовательной программы и «мягкие навыки»

(в частности, на основе интернет-технологий, обучающих онлайн-платформ и дистанционных курсов и т. п.). Среди дисциплин, обеспечивающих развитие цифровых компетенций в гуманитарной науке, можно отметить следующие: цифровая гуманитаристика; 3D-моделирование в гуманитарной сфере; принципы построения нейрокомпьютеров в гуманитарной сфере; технологии Big Data в гуманитарной сфере; облачные ресурсы и технологии в гуманитарной сфере; цифровые технологии в реставрации архивных документов; цифровой музей как образовательное пространство; стратегии представления музеев в виртуальном пространстве и др.

Компонент цифровых компетенций сфокусирован на реализации следующих приоритетов:

- развитие онлайн-технологий и автоматизированного прокторинга в образовательном процессе, в том числе внедрение в учебный процесс качественных онлайн-курсов;
- развитие цифровых компетенций обучающихся через усиление ИТ-подготовки;
- разработка и реализация мультимедийных офлайн- и онлайн-программ повышения квалификации преподавателей по освоению новых методов и технологий преподавания, актуальных в условиях цифровой экономики и сопряженных с процессами цифровой трансформации, в том числе для преподавания на иностранных языках;
- формирование цифрового профиля обучающегося, включающего цифровое портфолио, рейтинг и индивидуальный образовательный трек и имеющего сквозной характер с учетом получения дополнительного образования;
- внедрение цифровых сервисов по всем образовательным программам (навигатор по образовательному пространству, «цифровой тьютор» для создания индивидуальной образовательной траектории, управление индивидуальным расписанием, научно-исследовательской и проектной деятельностью, обратной связью с преподавателями и администрацией вуза и т. п.);
- создание новых цифровых моделей взаимодействия с выпускниками, позволяющих учитывать их образовательные потребности после окончания вуза и гибко реагировать на них, внося изменения в существующие образовательные программы;
- развитие, комплексное использование и хранение общедоступных цифровых коллекций учебных, учебно-методических материалов, инструментов и сервисов для использования в учебном процессе по реализуемым образовательным программам;

- формирование цифрового профиля преподавателя, повышение квалификации НПП по использованию цифровых компетенций в образовательной деятельности;
- формирование культуры работы с данными у студентов (Data Culture) и культуры проектной работы (Project Culture), обучение навыкам коммуникации и этики работы в цифровой среде;
- развитие учебной аналитики – системы мониторинга и поддержки образовательной деятельности с использованием больших данных, цифровых следов студентов и преподавателей; формирование системы цифровых валидных контрольно-измерительных инструментов и сервисов для независимой оценки качества образования; контроль качества образования с помощью систематического проведения мониторинга с использованием цифрового следа;
- внедрение современных методов дизайна и продвижения уникальных образовательных программ бакалавриата, специалитета и магистратуры с использованием современных информационных ресурсов на ведущих цифровых платформах, включая англоязычные (иноязычные) версии, в том числе в странах СНГ.

В современных условиях глобальных угроз и рисков данные модели и стратегии, по нашему мнению, должны учитывать все аспекты устойчивого развития. И очень важно обеспечить непрерывность образовательных программ разного уровня: начинать формирование данных навыков уже на этапе обучения в системе общего и продолжать их развивать в системе среднего профессионального и высшего образования.

С учетом рекомендаций Берлинской конференции мы полагаем, что современные концепции и технологии устойчивого развития целесообразно ввести в образовательные программы всех уровней в качестве универсальной компетенции. Дисциплины и модули, формирующие гуманитарную составляющую устойчивого развития с опорой на развитие новой философской и культурной концепции, должны быть расширены и представлены отдельным образовательным блоком (по сравнению с действующими образовательными стандартами). Перспективным направлением является сетевое взаимодействие вузов и других заинтересованных сторон, которое будет способствовать эффективному обновлению образования на основе принципов и целей устойчивого развития. Для решения этой задачи необходимо наличие преподавателей, способных работать в новой парадигме, что потребует значительного повышения их профессионального уровня.

Важнейшим условием построения рассматриваемой модели выступает наличие необходимых компетенций у педагогических работников, имеющих комплексное видение трендов устойчивого развития и понимающих его социальные, экологические, экономические и культурные аспекты. Они являются реальной движущей силой перемен, способной средствами образования содействовать реализации целей в области устойчивого развития. Решение данных задач потребует внедрения принципов устойчивого развития в систему подготовки и переподготовки самих преподавателей.

Образовательные программы всех уровней должны пересматриваться и обновляться на основе междисциплинарного подхода с учетом глобальных изменений и их локальных проявлений, что будет придавать новый смысл процессу обучения и способствовать межпоколенческому диалогу в условиях постоянно обновляющегося мира.

Результаты внедрения представленной модели гуманитарной составляющей опережающего образования предполагают готовность и способность к культурному развитию, базируясь на современном историческом и социальном опыте устойчивого образа жизни, нравственно-этическому оцениванию последствий своих действий в социально-природной среде, исходя из принципов обеспечения межпоколенческой и глобальной справедливости.

Литература

- Серебровская, Пец 2020 – *Серебровская Н.Е., Пец О.И.* Социально-гуманитарное образование как важнейший ресурс российской высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 136–144. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-136-144
- Ahmad 2012 – *Ahmad S.* Internationalization of Higher Education: A Tool for Sustainable Development // OIDA International Journal of Sustainable Development. 2012. № 4 (12). P. 79–89.
- Keiner 2005 – *Keiner M.* Re-emphasizing sustainable development // The concept of 'Evolutionability'. Environment, Development and Sustainability. 2005. Vol. 6 (4). P. 379–392.
- Segalàs Coral, Tejedor Papell 2016 – *Segalàs Coral J., Tejedor Papell G.* The role of transdisciplinarity in research and education for sustainable development // *Research and Innovation in Education for Sustainable Development. Exploring collaborative networks, critical characteristics and evaluation practices* / Ed. by W. Lambrechts, J. Hindson. Vienna, 2016. P. 197–210.
- Singh 2010 – *Singh H.* Education for sustainable development in 21st century // Sodh Sanchayan. 2010. № 1 (1). P. 1–3.

References

- Ahmad, S. (2012), "Internationalization of Higher Education: A Tool for Sustainable Development", *OIDA International Journal of Sustainable Development*, no. 4 (12), pp. 79–89.
- Keiner, M. (2005), "Re-emphasizing sustainable development", *The concept of 'Evolutionability'. Environment, Development and Sustainability*, vol. 6 (4), pp. 379–392.
- Segalàs Coral, J., Tejedor Papell, G. (2016), "The role of transdisciplinarity in research and education for sustainable development", Lambrechts, W., Hindson, J. (eds.), *Research and Innovation in Education for Sustainable Development. Exploring collaborative networks, critical characteristics and evaluation practices*, Vienna, Austria, pp. 197–210.
- Serebrovskaya, N.E. and Pets, O.I. (2020), "Socio-humanitarian education as the most important resource of the Russian higher school", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, no. 2, pp. 136–144. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-136-144
- Singh, H. (2010), "Education for sustainable development in the 21st century", *Sodh Sanchayan*, no. 1 (1), pp. 1–3.

Информация об авторах

Надежда И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; arkhipova.n@rggu.ru

Павел П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; shkarenkov.p@rggu.ru

Василий И. Маколов, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; makolov.v@rggu.ru

Information about the authors

Nadezhda I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; arkhipova.n@rggu.ru

Pavel P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; shkarenkov.p@rggu.ru

Vasilii I. Makolov, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; makolov.v@rggu.ru

Пути развития корпоративного бизнеса на основе высокотехнологических проектов в условиях инновационной экономики

Ксения А. Чистякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, upr-kafedra@yandex.ru*

Олег Ю. Артемов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, upr-kafedra@yandex.ru*

Аннотация. В статье подчеркивается необходимость развития корпоративного бизнеса на основе высокотехнологических проектов с целью создания продукции завтрашнего дня, широко востребованной рынком и конкурентоспособной в глобальном масштабе. Отмечается возросшая сегодня роль предприятий, занимающихся внедрением инноваций, которые представляют фундаментальную основу экономики нового типа, называемой «умной», «инновационной», «научоемкой», «разумно управляемой». В данных обстоятельствах важнейшей компетенцией становятся знания.

Для адаптации к вызовам XXI в. компаниям необходимо раскрытие интеллектуального потенциала персонала, предполагающего принципиально иные количественные и качественные характеристики. Это, в свою очередь, напрямую сказывается и на дальнейшей оптимизации их организационной архитектуры. Ее изменение связано также с развитием искусственного интеллекта и IT-технологий, что доказывается на примере рассмотрения пятиуровневой комплексной модели производительности и зрелости.

Авторы отмечают актуальность разработки и реализации для России проектов, основанных на автоматизации отслеживания событий, цифровых двойниках и других инновациях IV промышленной революции.

Ключевые слова: бизнес-процессы, высокотехнологические проекты, инжиниринг, инновации, искусственный интеллект, IT-технологии, конкурентоспособность, корпоративный бизнес, организационные изменения, промышленная революция, умная экономика, цифровизация, цифровые двойники

Для цитирования: Чистякова К.А., Артемов О.Ю. Пути развития корпоративного бизнеса на основе высокотехнологических проектов в условиях инновационной экономики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 22–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-22-34

Ways of corporate business development based on high-tech projects in an innovative economy

Kseniya A. Chistyakova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
upr-kafedra@yandex.ru*

Oleg Yu. Artemov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
upr-kafedra@yandex.ru*

Abstract. The article emphasizes the need to develop corporate business based on high-tech projects in order to create products of tomorrow that are widely in demand by the market and competitive on a global scale. There is an increased role of enterprises engaged in the introduction of innovations, which represent the fundamental basis of a new type of economy, called today “smart”, “innovative”, “knowledge-intensive”, “reasonably managed”. In these circumstances, knowledge becomes the most important competence.

To adapt to the challenges of the 21st century, companies need to disclose the intellectual potential of personnel, assuming fundamentally different quantitative and qualitative characteristics. That, in turn, directly affects the further optimization of their organizational architecture. Its change is also associated with the development of artificial intelligence and IT technologies, which is proved by the example of considering a 5-level integrated model of productivity and maturity.

The authors note the relevance for Russia of the development and implementation of projects based on the automation of event tracking, digital twins and other innovations of the IV Industrial Revolution.

Keywords: business processes, high-tech projects, engineering, innovations, artificial intelligence, IT technologies, competitiveness, corporate business, organizational changes, industrial revolution, smart economy, digitalization, digital twins

For citation: Chistyakova, K.A. and Artemov, O.Yu. (2021), “Ways of corporate business development based on high-tech projects in an innovative economy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 22–34, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-22-34

Руководство Осло положило конец многочисленным дискуссиям, обобщениям и интерпретациям в отношении определения дефиниции «инновация». Согласно официальной формулировке, под ней понимается

...введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связей¹.

Постулируется, что

...инновационной деятельностью являются все научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью... Инновационная деятельность включает также исследования и разработки, не связанные напрямую с подготовкой какой-либо конкретной инновации. Общим признаком инновации является то, что она должна быть введена в употребление².

Предприятия, занимающиеся внедрением инноваций, представляют фундаментальную основу экономики нового типа, называемой сегодня «умной», «инновационной», «наукоемкой», «разумно управляемой» и т. п. В данных обстоятельствах важнейшей компетенцией становятся знания. Для адаптации к вызовам XXI в. компаниям необходимо раскрытие интеллектуального потенциала своего персонала, предполагающего принципиально иные количественные и качественные характеристики. Это, в свою очередь, напрямую сказывается и на дальнейшей оптимизации их организационной архитектуры.

Теорема Р. Коуза гласит, что если права собственности четко специфицированы и транзакционные издержки равны нулю, то структура производства будет оставаться неизменной независимо от изменений в распределении прав собственности. Предполагается, что чем выше внешние транзакционные издержки, тем выгоднее расширение компании, а если выше внутренние, то предпочтительнее – сокращение ее размеров [Капелюшников 2006, с. 32].

¹Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. М.: Совместная публикация ОЭСР и Евростата, 2010. С. 6.

²Там же. С. 6–7.

Анализ корпораций показывает, что в XX в. превалировали крупные предприятия с точки зрения численности персонала, а в XXI в. наблюдаются тенденции его уменьшения. Проиллюстрируем данную тенденцию на примере компании IBM (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей развития компании IBM
за 2013–2020 гг.³

Год	Доход, в млн долларов США	Чистая прибыль, в млн долларов США	Общие активы, в млн долларов США	Цена за акцию, в долларах США	Работники
2013	98,367 ▼	16,483 ▼	126,223	163,30	431,212
2014	92,793 ▼	12,022 ▼	117,271	156,69	379,592
2015	81,741 ▼	13,190 ▲	110,495	137,27	377,757
2016	79,919 ▼	11,872 ▼	117,470	138,09	380,300
2017	79,139 ▼	5,753 ▼	125,356	149,76	366,600
2018	79,591 ▲	8,728 ▲	123,382	113,67	данных нет
2019	77,147 ▼	9,431 ▲	152,186	134,04	данных нет
2020	73,620 ▼	5,590 ▼	155,971	134,45	345,900

Сокращение численности сотрудников может иметь различные причины, включая отторжение непрофильных бизнесов, реструктуризацию обязательств, стремление к адаптивности и др. В этом отношении интересен опыт Кремниевой долины, где вокруг Стэнфордского университета были сконцентрированы небольшие научные лаборатории, оснащенные «по последнему слову техники». Уже в 1950–1960-е гг. стало понятно, что они лучше в сравнении с крупными компаниями приспособлены к воплощению рискованных проектов. Вот почему сегодня мы можем говорить о двух приоритетных направлениях развития корпоративного бизнеса [Тумин, Костромин, Тумин 2021, с. 54].

Первое из них связано с тем, что процесс может быть корпоративным, когда компания выделяет бизнес в отдельную рисковую дочку. Эти процессы отмечаются в таких секторах экономики, как

³IBM. Материал из Википедии. Раздел «Финансы» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/IBM> (дата обращения 25.08. 2021).

энергетика, промышленность, телекоммуникации и др. Подобные реорганизации были проведены ПАО «Мобильные Телесистемы», ПАО «Банк ВТБ», ООО «Газпром энергохолдинг», РАО «ЕЭС России» для решения различных бизнес-задач.

Второй вариант возможен тогда, когда процесс становится межкорпоративным в отношении, как правило, дорогостоящих работ с целью разделения рисков и расходов. В качестве примера приведем инвестиции фармацевтической компании R&D, диверсифицированные в биотехнологии, программное обеспечение, электрооборудование, промышленное строительство, производство химических изделий, товаров для отдыха и прочей продукции.

Изменение организационной архитектуры корпораций связано также с развитием искусственного интеллекта и IT-технологий. Интересно в этой связи рассмотреть пятиуровневую комплексную модель производительности и зрелости (Capability Maturity Model Integration). Ее появление было связано с решением проблемы повышения качества программного обеспечения, разрабатываемого по заказу Министерства обороны США. В этой связи проводился анализ влияющих на данный процесс ключевых активностей, а также изучались существующие практики, позволяющие успешно избегать или смягчать те или иные риски, приводящие к снижению качества, срыву установленных сроков и превышению утвержденных бюджетов. Для каждого варианта предлагался ряд альтернатив, снимающих или существенно уменьшающих вероятность наступления критических событий. Выявленные таким образом положительные и негативные активности были сгруппированы в отдельные процессные области. Для их фиксирования в 1987 г. появилась специальная анкета, включающая более ста вопросов в областях «Менеджмент требований», «Планирование, мониторинг и контроль проекта», «Менеджмент договоров с поставщиками», «Измерение и анализ», «Оценка гарантирования (качества) процессов и товаров», «Конфигурационный менеджмент», «Интеграция продукта», «Верификация», «Валидация», «Фокусирование на процессах компании», «Организационный тренинг», «Менеджмент рисков» и др. Ответы на них дали возможность отнести оцениваемые процессы компании к одному из пяти уровней ее зрелости при условии, что в ней преобладают процессы⁴:

- 1) непредсказуемые и слабо контролируемые;
- 2) возникающие при выполнении проектов и появляющиеся, как правило, в ответ на определенные события;

⁴Модель СММИ [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/post/79130/> (дата обращения 2 сентября 2021).

- 3) общеорганизационные, исполняемые заблаговременно;
- 4) управляемые посредством количественного измерения и четкого алгоритмизированного контроля;
- 5) имеющие тенденцию к совершенствованию или оптимизации в связи с изменившимися условиями.

Так, первые два уровня связаны со стихийным менеджментом, в котором изменения внедряются не структурно, процессы не повторяются, они не стандартизированы, что не позволяет их измерить, внедрить улучшения, применить искусственный интеллект. На уровнях 3–5 бизнес-процессы повторяются много раз и выстраиваются по алгоритму при помощи искусственного интеллекта и IT-технологий, что позволяет эффективно ими управлять, быстро окупить затраты, избежать стихийного менеджмента вне зависимости от формы собственности. Естественно, переход на более высокие позиции требует соответствующих компетенций занятых в данной области.

Использование модели СММІ позволяет организации оценить эффективность процессов, установить приоритетные направления их усовершенствования, а также внедрить их при необходимости. При этом уточним, что основными проблемами в программных разработках являются проблемы управления, а не технические вопросы. Вот почему требуется обеспечить стабильно высокое качество разработок и освоить процессы, которые могут служить основой для повышения конкурентной способности и дальнейшего развития и расширения компании.

В основе СММІ лежит понятие процесса. Принятие этой концепции помогает избежать естественной для многих корпораций тенденции винить в неудачах людей. Увольнение сотрудников – не решение проблемы. За последние десятилетия произошли революционные изменения в технологии, однако проблемы успешного выполнения проекта остались. В этом аспекте технология также не решение проблемы. Ценность процесса в том, что он помогает уловить и использовать наивысшие достижения в будущих проектах.

Для нашей страны данная модель не менее актуальна. Министрство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций на своем сайте опубликовало перечень программ, входящих в состав крупного национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», созданного для решения схожих задач. Среди них – «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Искусственный ин-

теллект»⁵. Учитывая данную тенденцию, можно ожидать формирование соответствующего правового поля и дальнейшее инвестирование данных направлений. Наиболее приоритетными из них являются проекты, основанные на автоматизации отслеживания событий, цифровых двойниках и других инновациях.

Профили потребностей в новых инновационных производственных технологиях отечественных предприятий в 2019–2020 гг. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Перечень потребностей
в инновационных технологиях отечественных предприятий
на 2019–2020 гг.⁶

Потребности	Процент от общего числа выявленных приоритетных потребностей отечественных предприятий	Основные стейкхолдеры
Математическое моделирование (СУПЕР), компьютерный инжиниринг (CAE/НРТС)	14,14	56 предприятий, в том числе Роскосмос, Севмаш, ОДК
Технологии управления жизненным циклом изделий (PLM)	11,11	44 предприятия, в том числе Транснефть, Транс Холдинг, КМПО
Цифровые двойники “Digital Twins”	10,10	40 предприятий, в том числе ОАК, ТВЭЛ
Технологии компьютерной оптимизации (CAO)	9,34	37 предприятий, в том числе РЖД, Центротех
Компьютерное проектирование (CAD)	8,33	33 предприятия, в том числе Ростех, Вертолеты России
Технологическая подготовка производства (CAM)	7,83	41 предприятие, в том числе Ростех, ЛокоТех

⁵ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения 18 июля 2021).

⁶ Цифровые двойники в высокотехнологичной промышленности. Экспертно-аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: <https://technet-nti.ru/article/ekspertno-analiticheskij-doklad-cifrovye-dvojniki-v-vysokotekhnologichnoj-promyshlennosti> (дата обращения 28 июля 2021).

Окончание табл. 2

Потребности	Процент от общего числа выявленных приоритетных потребностей отечественных предприятий	Основные стейкхолдеры
Платформенные решения для инжиниринга, производства и логистики (platform solutions)	5,81	23 предприятия, в том числе Северсталь, Роскосмос, Группа компаний «Композит»
Технологии разработки и производства материалов с заданными свойствами (New/advance materials)	5,56	22 предприятия, в том числе АвтоВАЗ, Техноникол
Аддитивные технологии 3D- и 4D-печать	5,05	20 предприятий, в том числе Роскосмос, Вертолеты России, АК Барс Холдинг
Технологии управления данными о продукте (PDM)	4,04	16 предприятий, в том числе Газпром, PLM Урал
Технологии автоматизации и контроля (MES/SCADA/PLC/CAO)	3,79	15 предприятий, в том числе Роснефть, Вертолеты России
Материалы и сырье для новых производственных технологий	3,28	13 предприятий, в том числе ССИ, Тиокомполит
Умные производственные линии (SMART production)	2,53	13 предприятий, в том числе КАМАЗ
Цифровые технологии, менеджмент качества (CAQ)	2,53	13 предприятий, в том числе Центротех, Роснефть
Прецизионные технологии изготовления (Precision manufacturing)	2,02	8 предприятий, в том числе Сатурн, ОДК, Хроматэк
Гибкие производственные линии, быстрое масштабирование (Flexible Production Lines & Rates)	1,77	8 предприятий, в том числе ОДК, ЛокоТех, Транснефть

Рассмотрим более подробно такую инновационную технологию, как цифровые технологии (digital twins). В 2019 г. инфраструктурным центром по развитию направления «Технет» в партнерстве с Центром компетенций НТИ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) был подготовлен экспертно-аналитический доклад «Цифровые двойники в высокотехнологичной промышленности». В нем, в частности, отмечается, что основные положения digital twins появились еще в начале 2000-х гг., но направление не получило широкого распространения из-за своей сложности и высокой стоимости. Ситуация радикально изменилась в 2010-х гг. Благодаря смещению «центра тяжести» в глобальной конкуренции на этап проектирования, стремительному развитию технологий компьютерного и суперкомпьютерного инжиниринга, разработки новых материалов, аддитивного производства, интернета вещей, машинного обучения, больших данных и облачных вычислений искусственного интеллекта цифровые двойники стали претендовать на ключевую роль в новой IV промышленной революции. По мнению специалистов, разработка изделий и продукции на их основе в сравнении с традиционными подходами позволяет обеспечивать серьезное снижение (до 10 раз и более) временных, финансовых и иных ресурсных затрат⁷.

Характерные особенности цифровых двойников описал директор по перспективным проектам СПбПУ А.И. Боровков в своем выступлении на первом заседании Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: digital twins представляют собой

...математические модели высокого уровня адекватности, которые позволяют нам описывать с высокой степенью точности поведение объекта во всех ситуациях на всех этапах жизненного цикла, включая аварийные ситуации; указывают нам, соответственно, критические зоны... У мировых лидеров, с которыми мы работаем более десяти лет, – половина бизнеса в цифровых двойниках. То есть выходит продукт, материализуется за 3–4 месяца тогда, когда требует конъюнктура рынка. Это резко меняет структуру интеллектуальной собственности, она уходит в интеллектуальные ноу-хау и хранится в цифровых двойниках... Соответственно, происходит цифровая трансформация бизнес-процессов и бизнес-моделей...⁸

⁷Цифровые двойники в высокотехнологичной промышленности. Экспертно-аналитический доклад [Электронный ресурс]. URL: <https://technet-nti.ru/article/ekspertno-analiticheskij-doklad-cifrovye-dvojniki-v-vysokotehnologichnoj-promyshlennosti> (дата обращения 28 июля 2021).

⁸Там же.

Перевод в цифровую форму результатов физических экспериментов и натуральных испытаний (разработка математических моделей высокого уровня адекватности позволяет наряду с классической цепочкой «*физические испытания – стендовая база – натуральные испытания*» дополнительно применить подход «*виртуальные испытания – виртуальные испытательные стенды – виртуальные испытательные полигоны*». Это делает возможным организовать бизнес-процесс, основанный на тысячах виртуальных испытаний как отдельных компонентов, так и всей системы в целом, направленный на балансировку конфликтующих между собой целевых показателей и ресурсных ограничений. Подобный подход позволяет предприятиям развивать инновационную деятельность, облегчая этап проектирования.

Высокая эффективность является причиной того, что, по мнению специалистов, в течение последних лет продукты, сформированные на основе технологий digital twins, стали предлагать компании IBM, Oracle, SAP, специализирующиеся на IT-решениях для промышленных предприятий, а крупные корпорации General Electric, Siemens, Boeing, Airbus активно поддерживать и развивать их. В России, к примеру, данный процесс происходит на предприятиях автомобилестроения, машино-, авиастроения, нефтегазового и энергетического секторов. Поскольку рынок еще формируется, то такого рода проекты иницируются прежде всего государственными корпорациями, в том числе ПАО «КАМАЗ», ПАО «Газпром нефть», ГК «Росатом», ГК «Ростех» и некоторыми другими.

Генеральный директор и главный коммерческий директор General Electric Digital в Европе Дебора Шерри отмечает, что GE

...внедряет технологию «цифровых двойников» и на производстве: от отдельных линий до целых заводов или фабрик... (их) важным достоинством является потенциал для моделирования. Если вы определите, как должен выглядеть процесс ремонта, вы можете смоделировать его с помощью цифрового двойника, чтобы убедиться, что результаты ремонта будут успешными. И тогда вы направите нужного специалиста в нужное время с нужными инструментами⁹.

Если проследить дальнейшее развитие данных процессов, то можно отметить, что уже в 2020 г. GE объявляет о сокращении 25% глобального штата своего авиационного подразделения.

⁹ Компания General Electric (GE) GE Exec on Predix Platform, Digital Twins and Diversity [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F:General_Electric_\(GE\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F:General_Electric_(GE)) (дата обращения 23 сентября 2021).

Согласно другому отчету, подготовленному специалистами известной международной компании Boston Consulting Group от 15 декабря 2020 г., 12% рабочих мест к 2030 г. могут исчезнуть в связи с активно наращиваемыми темпами диджитализации, а 30% рабочих функций будут требовать совершенно новых навыков, которые сегодня еще неизвестны на рынке труда. Кроме того, более 10% сотрудников в мире перейдут на постоянную удаленную работу, а среди офисных сотрудников их процент вырастет до 30¹⁰.

Основатель и исполнительный директор DaVinci Institute (США), обучающего предпринимателей и изобретателей навыкам прикладного организационного проектирования, Томас Фрай в своем докладе на конференции TEDxReset, проходившей в г. Стамбуле (Турция), озвучил также неутешительный прогноз по трудовой занятости в мире. Он предсказал, что более 2 млрд рабочих мест (что составляет около 50% от их общего числа в мире) исчезнут к 2030 г.¹¹

Так, к примеру, в области энергетики нарастает тенденция перехода от национальных сетей энергоснабжения к микросетям, которые масштабируются от одного дома до города. В результате исчезнет необходимость в сервисных инженерах, ремонтниках и монтажниках энергоузлов. Однако возникнет потребность в новом инженерно-техническом персонале, который должен быть более высококвалифицированным и универсальным, что несколько компенсирует уменьшение рабочих мест.

На автомобильном транспорте в течение следующих 10 лет мы увидим первую волну автономных транспортных средств. К примеру, компания Toyota заявляет, что начиная с 2032 г. она не выпустит ни одного автомобиля, который должен физически управляться человеком. В этой связи сократится численность водителей, транспортных регулировщиков и инспекторов, которая сбалансируется аварийными бригадами, инженерами-проектировщиками транспортных систем и операторами систем управления.

В 2001 г. в сфере образования появилось движение Open Course Ware, ориентирующееся на учебные курсы, которые выкладываются в свободном доступе и являются бесплатными для всех, кто хочет их изучить. А значит, отпадает необходимость в большом

¹⁰ Отчет Boston Consulting Group от 15 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/242382038> (дата обращения 24 сентября 2021).

¹¹ Фрай Томас. Более 2 млрд рабочих мест исчезнет к 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://earthz.ru/catalog/Bolee-2-mlrd-rabochih-mest-ischeznet-k-2030-godu> (дата обращения 18 сентября 2021).

количестве преподавателей, нужен только профессорский состав, который будет создавать и перерабатывать нужные людям образовательные программы.

Еще один наглядный пример связан с 3D-принтерами, «выращиваемыми» объекты нужной формы по аналогии с промышленным производством заготовок и деталей. Новая технология не требует специального дорогостоящего и сложного оборудования, а следовательно, обходится дешевле и менее затратно по ресурсам. Напечатать можно все – и одежду, и обувь, и строительные... Появится необходимость в таких профессиях, как дизайнер, ремонтник и инженер 3D-принтера.

Как известно, у любого прогресса есть две стороны. Одна представляет выигрыш в чем-либо, а другая – какие-либо связанные с его достижением побочные результаты. Очевидно, что с переходом на цифровизацию бизнес получает значительную экономию материальных, временных, человеческих ресурсов, потребители получают необходимые им товары и услуги, инновационные технологии упрощают жизнь, появляются способы решения принципиально иных задач, соразмерные открывающимся рыночным возможностям или даже превосходящие последние. Человеческая цивилизация движется вперед, делая одно открытие за другим. Машины и технологии заменяют труд людей, выполняя все более сложную работу и производственные операции. Новое время требует меньшее количество рабочих рук, но предъявляет более серьезные требования к профессионально-квалификационному уровню сотрудников. Даже простая рабочая профессия в перспективе нуждается в дополнительных знаниях, умениях и навыках (или, как их сегодня называют, профессиональных компетенциях). А это, в свою очередь, предполагает пересмотр многих корпоративных программ по обучению и развитию персонала. Не случаен поэтому становящийся сегодня популярным лозунг: «Качаем не нефть, а качаем людей!».

Резюмируя отмеченное выше, еще раз подчеркнем, что использование для достижения данной цели искусственного интеллекта, IT-технологий, моделирование бизнес-процессов и другие инновации позволяют эффективно управлять, быстро окупить затраты, избежать стихийного менеджмента. Именно реализация высокотехнологичных проектов становится эффективным решением для корпораций в создании продукции завтрашнего дня, широко востребованной рынком и конкурентоспособной в глобальном масштабе.

Литература

- Капелюшников 2006 – *Капелюшников Р.* Теорема Коуза // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 32–36.
- Тумин, Костромин, Тумин 2021 – *Тумин В.Н., Костромин П.А., Тумин В.В.* О проектах, проектной деятельности и их роли в экономике предприятий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 1. С. 46–61.

References

- Kapelyushnikov, R. (2006), “Coase’s Theorem”, *Otechestvennye zapiski*, no. 6, pp. 32–36.
- Tumin, V.M., Kostromin, P.A. and Tumin, V.V. (2021), “About projects, project activities and their role in the economy of enterprises”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*. no. 2, pp. 46–61. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-46-61

Информация об авторах

Ксения А. Чистякова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; upr-kafedra@yandex.ru

Олег Ю. Артемов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; upr-kafedra@yandex.ru

Information about the authors

Kseniya A. Chistyakova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; upr-kafedra@yandex.ru

Oleg Yu. Artemov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; upr-kafedra@yandex.ru

УДК 330.35

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-35-54

Ускорение экономического роста России после «ковидного» кризиса

Олег С. Сухарев

*Институт экономики Российской академии наук,
Москва, Россия mail@osukharev.com*

Аннотация. Целью исследования выступает решение проблемы ускорения экономического роста в России, которая была актуальна и до «ковидного» кризиса экономики, сохраняя свое центральное значение и после этого кризиса. Анализу подвержены различные подходы, позволяющие обозначить возможности в достижении цели по ускорению роста. Методологию исследования составляет макроэкономический и структурный анализ роста, применение которых позволяет выявить наличие не только проблем нехватки инвестиций для новой модели роста, но и проблем нехватки совокупного спроса, что видно по увеличению социального расслоения и росту бедности в России.

Рассматриваются различные варианты макроэкономической политики, которые могут быть использованы для преодоления «ковидного» экономического кризиса с оценкой предполагаемой результативности их применения.

Осуществлен структурный анализ ВВП по расходам, выявляющий то, как распределился кризис 2020 г. (по кварталам) по компонентам создаваемого продукта. Это позволяет обнаружить силу влияния кризиса на экономику, что требуется учитывать при формировании политики экономического роста с решением задачи его ускорения после «ковидного» кризиса. Анализ структуры роста ВВП дает четкое представление о коренных причинах вялой докризисной динамики российской экономики. С устранения или элиминирования этих причин и следует заниматься организацией новой модели роста в России. Предлагаемые на сегодняшний день рецепты макроэкономической политики и прогнозы лишь отражают сложившееся положение вещей, никак не продвигая указанную проблему.

Аналитическая перспектива решения видится в подчиненной цели ускорения роста коррекции структуры и регулирующих экономику институтов. Только так удастся обеспечить не только темп, но и качество будущего роста.

© Сухарев О.С., 2021

Ключевые слова: экономический рост, ускорение темпа, «ковидный» кризис, макроэкономическая политика, инвестиции, компоненты ВВП, эффективность, социальные проблемы роста

Для цитирования: Сухарев О.С. Ускорение экономического роста России после «ковидного» кризиса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 35–54. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-35-54

The accelerating of the economic growth of Russia after the COVID-19 crisis

Oleg S. Sukharev

*Russian Academy of Sciences Institute of Economics,
Moscow, Russia, mail@osukharev.com*

Abstract. The purpose of the study is a solution in the issue of accelerating economic growth in Russia, which was relevant even before the “covid” economic crisis, retaining its central importance after it. Various approaches are analyzed to identify opportunities to achieve the goal of accelerating growth. The research methodology is a macroeconomic and structural analysis of growth, the application of which makes it possible to identify the presence of not only the lack of investment for the new growth model, but also the lack of aggregate demand, which is evident from the increase in social stratification and the growth of poverty in Russia.

The article considers various options of macroeconomic policy that can be used to overcome the “covid” economic crisis with an assessment of the expected effectiveness of their application.

It also carries out a structural analysis of GDP by expenditures revealing how the 2020 crisis was distributed (by quarters) by the components of the product being created. That makes it possible to reveal the extent of the impact of the crisis on the economy, which must be taken into account when formulating a policy of economic growth with a solution to the issue of accelerating it after a “covid” crisis. Analysis of the structure of GDP growth gives a clear idea of the root causes of the sluggish pre-crisis dynamics of the Russian economy. It is only after the elimination of those reasons one should be engaged in organizing a new growth model in Russia. The recipes for macroeconomic policy and forecasts proposed today only reflect the current state of affairs, without in any way advancing the above issue.

The analytical perspective for the solution is seen in the subordinate goal of accelerating the correction growth of the structure and institutions regulating the economy.

So and in no other way one can ensure not only the pace, but also the quality of future growth.

Keywords: economic growth, acceleration of the pace, “covid” crisis, macroeconomic policy, investments, components of GDP, efficiency, social issues of growth

For citation: Sukharev, O.S. (2021), “The accelerating of the economic growth of Russia after the COVID-19 crisis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economy. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 35–54, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-35-54

Введение

Необходимость ускорения экономического роста в России возникла отнюдь не по причине «ковидной» атаки в 2020 г. Эта проблема стала острой при исчерпании темпа роста в период 2010–2014 гг. и после рецессии 2015–2016 гг., когда экономический рост, по существу, не смог превзойти отметку по темпу в 2,3% – наивысший показатель темпа в 2019 г. перед «ковидным» кризисом 2020 г. Потребность в совершенно иной модели экономического развития обсуждается в России не одно десятилетие [Абалкин 2005; Анисимов и др. 2014; Глазьев 2017], однако это не приводит к ее формированию на практике.

Постановка задачи роста в виде опережающего инновационного развития и выбор для этого инструментов в виде стратегии развития страны 2020 г. или национальных проектов до 2024 г. не приводят к измеримому успеху. Одна из весомых причин в том, что указанные инструменты проектируются без учета результатов предшествующего развития страны, а также полученных экономической наукой (эволюционной теорией), показывающих, что попытки увеличить инновации и число новаторов оборачиваются в силу созданных институциональных препятствий обратным эффектом [Сухарев 2006]. Экономика впадает в стагнацию или кризис, а устойчивый рост становится целесообразно обеспечивать именно за счет консервативной, а не инновационной модели развития [Сухарев 2003].

Такой исход задается сложившейся экономической структурой и институтами, причем выправление ситуации не будет обеспечено за счет улучшений в работе судебно-правовой системы, создания лучшего бизнес-климата, конкурентной и инвестиционной среды, приватизации, разных форм поддержки малого и среднего бизнеса и иных сопряженных действий, неоднократно предлагавшихся отдельными консультантами и экспертами. Причина низкой эффективности перечисленных мер, применяющихся с разным

масштабом в течение не одного десятка лет в России, состоит в том, что структура экономических видов деятельности и правил хозяйственного поведения трансформировалась и указанные меры укладывались именно в эту базисную модернизацию. Отсюда вытекала и низкая продуктивность проводимой экономической политики, пренебрегающей складывающимися хозяйственными пропорциями, перемещением ресурсов между секторами экономики и видами труда. Именно указанные пропорции обладали большей силой влияния на экономику, нежели все остальное, являющееся лишь отдельным способом незначительного оживления динамики, – и то в избирательных случаях и ограниченных отрезках времени. Инерция структурной и институциональной трансформации оказалась настолько сильной, что свертывала инновационный процесс, поскольку происходила утрата капитала, квалификации труда, что сокращало инновации. Срабатывал порочный круг: сокращение капитала снижало возможности для инноваций (меньший объем капитала не способствует повышению прибыли), а низкое число инноваций не стимулировало накопление капитала, так как не позволяло увеличить предельный продукт капитала.

Возможности для инноваций – их появления и восприятия в экономике – определяются величиной и качеством капитала. В связи с этим раздельное представление влияния инноваций и накопления капитала на рост для отдельных стран совершенно не находит подтверждения [Aghion, Howitt 2017]. Можно отметить, что величина накопления капитала является всего лишь предпосылкой или условием долгосрочного роста, предопределяя его траекторию, но инновационная модель роста всецело детерминируется преобладанием технологических и продуктовых инноваций, которые без капитала, по сути, блокируются. Поэтому отсутствие обновления капитала, эффективной амортизационной политики, низкий уровень инвестиций в основной капитал и технологии приводят к закономерному торможению роста. Исходя из этого положения следует наделять меры экономической политики, включая планы развития, воздействием на обновление фондов и технологий. Если это не присутствует как задача в рамках реализуемых проектов или программ, то автоматически снижается сила их влияния на экономическую динамику, по крайней мере перспективно ориентированную.

Проблема источников экономического роста, а также тормозящих рост факторов представляет для макроэкономической политики основную предметную область. Причем структура экономики, в частности секторальная, предопределяет возможность обеспечить темп роста. Это видно даже при сравнении российской и китайской

экономики последних десятилетий начиная со второй половины 1990-х гг. [Zhao, Tang 2018]. В России происходила трансформация в пользу сектора услуг, причем при значительной деградации производственных секторов. В Китае, несмотря на некоторое развитие услуг, именно производственные секторы стали базой экономического роста. Ускорение роста в Китае в 2000-х гг. относительно второй половины 1990-х гг. доказательно связывают с вкладом в темп именно обрабатывающих секторов, а не услуг [Zhao, Tang 2018]. Как правило, услуги растут медленнее, чем производство продуктов различного назначения. В России, как показывают авторские исследования, основной вклад в темп давали транзакционные секторы (услуги), затем сырьевые виды деятельности и только потом – переработка. Этот тезис подтверждают и исследования китайских специалистов [Zhao, Tang 2018].

Однако с их общим выводом, что тем самым китайская и российская экономики дополняют друг друга, нельзя согласиться.

Во-первых, Россия ищет возможности другой модели роста, поскольку услуги не дают должной динамики, следовательно, остается модель индустриального роста, по которой придется конкурировать с Китаем.

Во-вторых, дополнение же приведет к закреплению сырьевой модели, абсолютно без значимых перспектив для экономической динамики, при доминировании услуг и, тем более, для качества роста.

Таким образом, задачу ускорения роста в России можно и нужно видеть только как развитие обрабатывающих секторов и высоких технологий, взнос которых в темп роста следует планомерно увеличивать. Это возможно осуществить за счет инвестиций в основной капитал и технологическое обновление. Одновременно следует вводить меры структурной политики, обеспечивающие указанное развитие обработки и наполнение ее ресурсами, что приведет к формированию модели роста нового качества. Обозначенный стратегический подход позволяет не только ускорить рост, но и создать его модель, обеспечивающую решение социальных проблем развития – бедности и неравенства.

«Ковидный» кризис 2020 г., с одной стороны, ухудшил возможность решения сформулированной задачи, но, с другой стороны, дал и возможность коренных структурных изменений, которой можно воспользоваться. Если будет сохранена прежняя макроэкономическая политика, фиксирующая развитие в рамках сложившегося валютно-процентного рычага, то она как раз воспроизведет тот порочный круг «капитал – инновации», который не позволит ни значимо ускорить рост, ни создать новые его источники и качество.

Рассмотрим некоторые наиболее важные особенности кризисной динамики 2020 г., а также предшествующих лет и перспективы политики экономического роста. Социальные проблемы роста на первом этапе будут ощутимым ограничением для возникновения режима экономического роста на базе инвестиций, так как придется решать задачу увеличения спроса и доходов населения (при кризисе они сильно понизились) и одновременно наращивания инвестиций в основной капитал с акцентом на обрабатывающие секторы. Последнее справедливо только в том случае, если Россия не вынашивает планы просто дополнять Китай, как ратуют отдельные китайские представители в своих научных статьях [Zhao, Tang 2018].

Экономическая динамика при вирусной атаке

Кризис 2020 г. является особым видом кризиса. Полагаю, что его нельзя называть социальным или структурным только по той причине, что он вызывает резкое ухудшение показателей социального развития и приводит к изменению хозяйственной структуры. Одни виды деятельности закрываются на карантин, на другие ограничивается спрос, иные получают добавочную нагрузку в виде повышенного спроса, который требуется быстро удовлетворить в связи с пандемией (медицина, фармацевтика, коммуникация, логистика). В принципе, прошлые финансовые и экономические кризисы обычно приводили к ухудшению социальных показателей и, конечно, как итог вызывали изменение структуры. Однако они возникали либо вследствие спекулятивного обвала финансового рынка (или ипотечного), либо по причине шока спроса и предложения. Причем шок предложения происходил в силу изменения цены на энергоносители, т. е. был связан с резким скачком по затратам производства.

В случае пандемии 2020 г. шок предложения происходил вследствие прямой остановки производства – как исходной главной причины. Это приводило к росту дефицита производимых благ и, передаваясь по мультиплицирующей цепочке, разворачивало широкий спад производства продуктов и услуг. Причем первым сектором, который был подвержен такой остановке, явились услуги, вносящие главный вклад в экономическую динамику. Именно по этой причине во втором квартале 2020 г. наблюдался резкий провал в этой динамике по ВВП и другим показателям. Кстати, добывающая отрасль довольно быстро среагировала также падением, превышающим темп падения ВВП, а обработка снизилась на величину, меньшую, чем ВВП.

Однако весьма сдержанная динамика наблюдалась и в первом квартале 2020 г. по базовым макроэкономическим параметрам. Казалось бы, первый квартал не является показательным, но если динамика становится хуже того же квартала предыдущего года и сильно уступает четвертому кварталу, то можно обозначить это как проблему развития. Особенно если экономика не показывает той динамики, которую ожидали после рецессии 2015–2016 гг. в течение трех лет подряд.

Таким образом, не перегрев финансового рынка или экономики, не сформировавшийся пузырь на ипотечном или фондовом рынке, не кризисы платежных балансов и девальвации или шоки в силу снижения цены на нефть для одних стран и повышения цены на нефть для других государств спровоцировали мировой кризис 2020 г. Причиной стала политика самоограничений вследствие вирусной атаки, проводимая по причине необходимости спасения населения. Такой источник кризиса в экономике в современной истории наблюдается впервые, поэтому справедливым ему титулом будет «вирусный кризис». То обстоятельство, что он не только ухудшает социальные параметры развития, увеличивая бедность и неравенство, понижая доходы и спрос, останавливая производства, разрушая малый и средний бизнес, но и порождает особую форму социального взаимодействия и контрактации в виде сетевых взаимодействий агентов, подтверждает необходимость выделения этого кризиса в особый тип. Вполне обоснованным с точки зрения таксономии представляется подход, позволяющий по источнику кризиса определить его тип. Иные варианты по социальной компоненте и структуре не отграничивают специфические черты этого кризиса от иных возможных и наблюдавшихся в экономической истории вариантов.

На рис. 1, 2 показаны эмпирические данные, характеризующие развертывание «ковидного» кризиса (на момент проведения анализа данные по четвертому кварталу 2020 г. пока отсутствовали).

По индексу-дефлятору (рис. 1), а также по индексу физического объема ВВП следует отметить, что уже в первом квартале наблюдалось снижение валового продукта России. Во втором квартале происходит обвальное его сокращение, и только третий квартал характеризуется некоторым возвратом индексов. В постоянных ценах видно увеличение ВВП в третьем квартале (рис. 1). Хотя реальные располагаемые доходы населения, сократившиеся почти на 12% во втором квартале 2020 г., в третьем квартале уже показывают некоторое улучшение (снижение спада – рис. 2), тем не менее к кварталу предыдущего года это абсолютное падение.

Рис. 1. Динамика ВВП по индексу-дефлятору, 2012–2020 гг.¹ (*сверху*)
и ВВП в постоянных ценах 2016 г.
с исключением сезонного фактора (*снизу*), млрд руб.²

¹*Источник:* построено по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 12 сентября 2021).

²График дается по данным Росстата. Оценка данных о производстве ВВП с исключением сезонного и календарного факторов осуществляется в программном продукте “JDEMETRA+”. Выбор оптимальных параметров модели сезонного сглаживания осуществляется автоматически, фиксируется в начале года и не меняется на его протяжении. Для учета календарных эффектов в программе используется актуальный российский

Рис. 2. Реальные располагаемые доходы населения России, 2014–2020 гг.³

Обратим внимание, что наметился спад по указанным параметрам (рис. 1, 2) уже в первом квартале, т. е. до ввода карантинных мер. Это связано не только с нисходящей динамикой цен на нефть – такое объяснение стало стереотипным уже давно, но и с инерцией рецессионных проблем России, преодоление которых по части социальной политики шло до «ковидного» кризиса весьма тяжело.

Рисунок 3 отражает измерение в структурной динамике ВВП России за предшествующие годы и на участке трех кварталов кризисного 2020 г. Анализ поведения компонент ВВП представляется важной составляющей докризисной и кризисной динамики, порождая задачи в области макроэкономической политики в посткризисный период, когда масштаб пандемии сокращается.

календарь и задается параметр, учитывающий влияние количества рабочих дней (происходит деление на выходные и будние дни) и високосного года. В качестве исходной информации для осуществления сезонно-календарной корректировки применяются квартальные значения индексов физического объема ВВП в процентах к значению условного среднего квартала 2016 г.

³*Источник:* Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Уровень жизни» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397/> (дата обращения 12 сентября 2021).

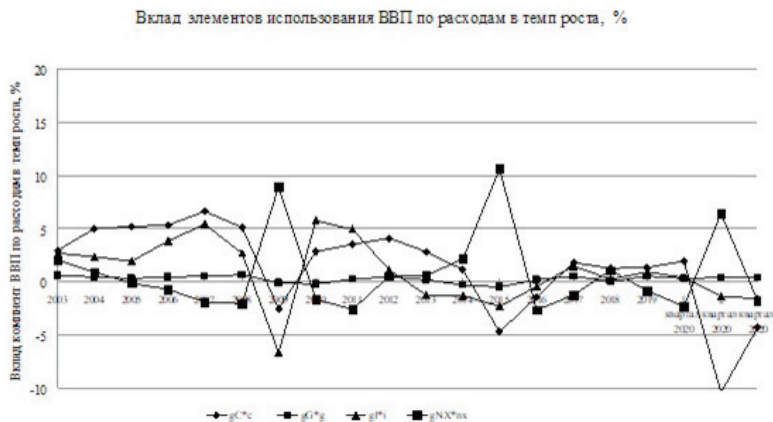

Рис. 3. Структурная динамика ВВП России, 2002–2020 гг. (три квартала 2020 г.)⁴

Как следует из рис. 3, уже с 2013 г. российская экономика показывает весьма вялую динамику. Из рецессии 2015–2016 гг. эта динамика возвращается в 2017–2019 гг. Доминирует по вкладу в темп роста валовое потребление, вклад инвестиций и правительственных расходов весьма невысокий, а чистый экспорт в 2019 г. и первом квартале 2020 г. оказывает на рост скорее тормозящее действие. Во втором квартале 2020 г. проседает валовое потребление, инвестиции вносят отрицательный вклад в темп роста и только чистый экспорт противостоит увеличению спада. Таким образом, со второго квартала 2020 г. можно констатировать ухудшение структурной динамики ВВП по расходам. При этом важно ответить, что эта динамика была вялой и в 2019 г.

Притом, что Россия после рецессии 2014–2016 гг. не сменила исчерпывающую силу модель роста. Она основана на доминировании потребительских расходов, при низкой динамике инвестиций, откровенной слабости по влиянию на темп роста правительственных расходов. На графике (рис. 3) видно, что 2013 г. является своеобразным водоразделом в двух видах динамики, являющихся атрибутом одной и той же модели роста, – ведущая роль валового потребления при резко возрастающем значении чистого экспорта в кризисные годы, сопровождаемые девальвацией.

⁴Источник: расчет автора по данным Росстата [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 2 сентября 2021).

Первый режим динамики этой модели роста обнаруживает относительно высокий темп роста (был выше среднеевропейского). Он связан с повышательной динамикой цен на мировых рынках и расширением потребления, усилением позиции транзакционного и сырьевых секторов в экономике России. Второй режим динамики – когда данная модель роста исчерпана (с 2013 г.) и экономика, очевидно, входит в рецессию, выход из которой так и не сопровождался до «ковидного» кризиса никакими кардинальными изменениями в структуре роста и хозяйственного развития. Второй режим динамики характеризуется пониженным средним темпом роста, стабилизацией параметров инновационного развития (при снижении уровня технологичности и инновационных процессов) и снижением показателей социального развития – реальных располагаемых доходов на душу населения. В этот же период наравне с кризисом доходов возникает инвестиционный кризис (отрицательный темп роста инвестиций и их вклада в общий рост экономики). Возникновение второго режима ставит на повестку дня вопрос как о его смене, по крайней мере невозврате к нему, так и, что более важно, – о смене модели роста. Ведь она, по существу, не изменяется, так как возникает только иной режим динамики (по темпу) в силу смены ее причин.

Происойдут ли структурные изменения, будут ли предприняты усилия по формированию новой модели роста экономики России в посткризисный период, зависит от макроэкономической политики, общий контур которой просматривается исходя из плановых заявлений и требует подробного анализа. Проведем ряд полезных обобщений точек зрения по этому поводу, включая авторскую позицию, в следующем параграфе.

Источники экономического роста и задачи макроэкономической политики

Исходя из различных аналитических документов⁵, включая отдельные доклады, можно заключить, что формируемый набор мер экономической политики направлен на возрождение уже имевшей место модели роста. Более того, поскольку первый режим этой модели вернуть проблематично в силу сжатой ценовой динамики и рецессионных явлений в мировой экономике («ковидный» кризис

⁵Заявление правительства и прогнозистов-экспертов, работающих в рамках секции экономики РАН, готовящих свои рекомендации для правительства, а также публичных докладов, в частности академика РАН А.Г. Аганбегяна.

обеспечит одновременное восстановление отдельных экономических регионов мира), постольку весьма вероятен сценарий выхода на наибольший темп роста 2–3% в ближайшие два года, при условии соответствующей элиминации «вирусного» кризиса. В этом случае российская экономика будет реализовывать скромные инвестиционные ресурсы. Кроме того, она будет пытаться восстановить уровень докризисного потребления. При этом следует принимать во внимание хронический характер социальной проблемы – отсутствие роста реальных располагаемых доходов в течение пяти–семи лет подряд. Это изменило структуру спроса, снизив потенциал его роста, обнажив задачу увеличения доходов и спроса.

Существующие прогнозы сценарного типа, к сожалению, не могут учесть усиливающих друг друга негативных накопленных эффектов предшествующего развития. Они создают завышенный оптимизм, ориентируясь на количественный показатель темпа роста. Важно то, что именно будет расти, сколько по времени, насколько исчерпаем этот рост до следующего кризиса, особенно если меры экономической политики возобновляются прежние. Последнее обстоятельство подтверждается документально. Так, Центральный банк России уже заявил⁶ о рисках инфляции и невозможности снижения ставок, дав четкий сигнал субъектам финансового рынка о повышении процентных ставок в будущем⁷. Уже это заявление, сводимое к перспективному отказу от мягкой денежной политики и постепенному переходу к нейтральному варианту этой политики, способно повлиять на инвестиции и их структуру. Агенты финансового рынка, банки, ориентируясь на такое заявление, вполне могут придержать свои инвестиционные планы, если они были, в ожидании повышения процента. Такая реакция подчиняется «золотому правилу инвестирования» – продавать, когда дорого, покупать, когда дешево. Вот предоставление кредитов и получит отсрочку по времени до повышения их стоимости.

При выходе из экономического кризиса не важно, что он вызван вирусной атакой, тем не менее такие заявления монетарного

⁶Заявление Председателя ЦБ РФ от 12 февраля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=9577> (дата обращения 14 сентября 2021).

⁷Это объяснялось в основном тем, что экономика России якобы хорошо восстанавливается. Используется термин «восстанавливается», характеризующий четкий возврат к прежней модели роста, включая поведение регулятора, что видно по заявлению. Обратим внимание, что в заявлении отсутствует даже намек на то, что задача ускорения роста – это «доковидная» задача и ЦБ РФ по идее обязан реагировать в рамках комплекса мер по ее решению, в том числе изменяя подходы, корректируя свои знания об

регулятора, как и анонсы сдерживающей макроэкономической политики, недопустимы. Это верно, несмотря на оговорки о постепенном пересмотре смягченной монетарной политики. Именно такое поведение денежных властей можно трактовать как возврат к политике валютно-процентного рычага, когда на высоком проценте строился механизм отмывания и вывода капитала из России за рубеж. Затем капитал отчасти возвращался под высокий процент, растекаясь исключительно в секторы услуг и сырьевые виды деятельности, при обеднении обрабатывающих секторов. В итоге поддерживается потребление, инвестиции сжаты, а российская экономика развивается от кризиса до кризиса в точности так, как указывали китайские специалисты, уповая на ресурсное дополнение российскими возможностями китайского развития. При этом экономика показывает определенный рост ВВП и доходов.

Представленная модель развития, построенная на перекачке ресурсов России за рубеж и обогащении очень узких слоев населения, не может быть признана удовлетворительной. Обсуждаемые в сфере аналитических дискуссий варианты представляют собой паллиативы и совсем не новые рецепты развития. Назовем три базовых подхода⁸, которые видны в обсуждениях «ковидного» кризиса и проводимой антикризисной политики.

экономике. Однако именно этого не наблюдается. Сохраняется позиция таргета в 4% по инфляции как основная задача, которую видит ЦБ РФ. Повышение инфляции до 5,2% в 2020 г. воспринимается как нежелательное, требующее мер по подавлению, хотя это закономерный кризисный исход для экономики. Потенциал для мягкой денежно-кредитной политики исчерпан, как будто ее диктовал только «ковидный» кризис, а не проблема ускорения роста экономики, которая была остра и до него. Называется базовая причина ликвидации мягкой монетарной политики – это возможный рост проинфляционных рисков. Дословно эта фраза звучит так: «Ее дальнейшее смягчение могло бы привести к дополнительному росту проинфляционных рисков». При этом, справедливости ради, вариант относительно мягкой монетарной политики на 2021 г. ЦБ РФ в среднем сохраняется. Переход к нейтральной политике привязывают целью выхода на инфляцию в 4%. При этом не исследуется и не показывается никакая связь монетарной компоненты и инфляции.

⁸ Конечно, они условны, не исчерпывают весь набор мнений, но отражают главные аналитические усилия, показывая их высокую близорукость. Чтобы не обидеть аналитиков, коллег по цеху, я даю ментальные сгустки применяющихся в дискуссии конструкций специально без конкретных отсылок, так как исследовательская среда является высокообидчивой и часто не воспринимающей аргументированные возражения.

Во-первых, на базе отраслевого и макроэкономического анализа динамики освещаются проблемы развертывания кризиса и докризисной рецессии российской экономики. Акцентируются нехватка инвестиций и острая необходимость их инициации. Проводимый в рамках этого направления анализ является весьма глубоким и интересным с точки зрения сбора данных о кризисе и об экономической динамике России. Однако из него не вытекает конкретных рекомендаций, способных увести российскую экономику от прежней модели роста. К сожалению, это характерно и для двух следующих вариантов анализа. Можно отметить, что акцент на инвестиции важен, но без учета кризиса потребления, который одновременно с инвестиционным кризисом несколько лет подряд развертывался в России до вирусной атаки, он будет бесполезен. Можно перечислять известные источники инвестиций – Фонд национального благосостояния (до 11 трлн руб.), валютные резервы страны (600 млрд долл.), активы банков (до 85–90 трлн руб.⁹). Кроме этих очевидных источников имеется еще возможность увеличить государственный долг. Но проблема состоит в том, что внешние возможности крайне ограничены по причине общей рецессии в мире и санкционной политики, а внутренние – детерминируются низкими доходами населения. Хотя в игру с ГКО могут быть втянуты наиболее богатые слои населения, чьи доходы либо снизились несущественно, либо не снизились вообще или даже возросли (финансово-банковский сектор). Так или иначе, но финансовый ресурс сосредоточен в банковском секторе, плюс тот или иной вид резервов, имеющихся у государства. К тому же неплохо было бы решить, наконец, проблему развития за счет кредитования, а не собственных средств субъектов (как это происходит многие годы, особенно в обработке).

Остается нерешенным самый важный вопрос о связи этих потенциальных инвестиций с потреблением и о том, кто именно и куда будет вкладывать эти финансовые ресурсы. Кто получит этот ресурс из резерва и как именно. Помимо их наличия требуются мотивы и желание осуществлять вложения, как и отвечать за такую инвестиционную политику. Именно ответственность, определяемая во многом эффективностью вложений, неспособной быть сразу высокой, становится центральным условием для такой экономической политики. Определяющими становятся привлечение имеющихся ресурсов в частном банковском секторе, а также рассредоточение ресурса из Фонда национального благосостояния и привлечение некой части валютных резервов. Разумеется,

⁹ Инвестируют банки всего около 2 трлн руб.

подобные предложения должны сопровождаться оценками по изменению налоговой структуры, что обычно не учитывают. Требуется принимать во внимание и структуру владения объектами, где сосредоточены финансовые ресурсы, а также объектами, которые потенциально могут получить их для освоения. Для решения таких задач потребуются явно расширить возможности бюджетного механизма как инструмента, способного использовать именно указанные резервы, кроме частных возможностей банков, на которые следует влиять в понуждающем режиме. Много лет назад автором для этой цели предлагался «процентный портфель», а позже были предложены математические обоснования¹⁰.

Бюджетный механизм не может играть столь пассивную роль, как это наблюдалось до «ковидного» кризиса и даже в условиях кризиса. Чтобы вести речь о новой модели роста для России, требуется на порядки изменить роль и возможности бюджета как главного инструмента распределения ресурсов в экономике. Удивительно, но банальная вещь улетучивается из сферы высоколобных дискуссий о новой модели роста и преодолении кризиса 2020 г. в России. Хотя по инструментальным характеристикам она не является столь уж банальной, поскольку требуется обосновать как величину отвлекаемых из резервов ресурсов, так и их распределение в рамках бюджета и отдельно предложить мотивационную шкалу для привлечения банковского ресурса и средств населения. Как видим, к первой группе аналитиков есть масса вопросов, точнее, они не дают конкретных ответов даже на собственные постановки. Перейдем к следующей группе аналитических обобщений.

Во-вторых, на основе межотраслевого баланса оцениваются текущие действия в кризисной ситуации по поддержке совокупного спроса и отдельных отраслей, видов деятельности. Даются сценарные кратко- и среднесрочные прогнозы. Это направление в дискуссии о росте и антикризисной политике во многом перекликается с первым, но детализирует отдельные его моменты, применяя прогнозные оценки, в итоге сводя все к имеющимся резервам и оценкам текущей реакции властей на кризис. Никакого горизонта действий по изменению экономики оно не дает, как и первый вариант выступлений, охватывающих логику указанных выше аналитиков. Оценки в рамках этого направления дискуссии касаются определения величины допустимой девальвации, которая бы не вызвала сильный шок по инфляции, аккумулируют данные по

¹⁰ Первое предложение по процентному портфелю относится примерно к 2007–2010 гг. В 2016 г. в книге «Теория реструктуризации экономики» было дано развернутое математическое представление этой идеи.

отдельным экономическим сферам и ресурсные текущие возможности. При тех или иных сценарных условиях даются некие оценки роста и выхода из кризиса в привязке к исходным позициям. Однако это не позволяет такой аналитической работе увидеть корень проблем с замедляющимся ростом накануне «ковидного» кризиса.

А многофакторный, системный аспект роста в таком поверхностном анализе уходит из области внимания. Кроме того, отсутствуют сомнения в правильности отдельных целей макроэкономической политики, а также аналитические усилия по коррекции этих целей. Например, пересмотр таргетирования инфляции, цели структурного развития и качества роста, совмещенные с его ускорением, и т. п. Более того, при оценке влияния национальных проектов ничего не говорится о добавочном ресурсе, рубежных показателях, о том, как изменить подходы по планированию приоритетных направлений. В частности, как требуется учесть обновление фондов, инновации и технологичность, как скоординировать все национальные проекты в едином плане с обоснованием выделения ресурсов по ним, причем превышающим сегодняшние назначения. Возникает устойчивое ощущение боязни изменить даже аналитические подходы, не говоря уже о рекомендательной части. Представители этой аналитической группы движутся также в критическом русле, но весьма взвешенно, как бы стесняясь поколебать базовые устои, неправота которых делает и движение экономики, и сам этот анализ абсолютно бесполезными. Точнее, экономика возвращается к прежней модели, а вот анализ успешности модели и ее изменения детерминирована исходными целями. Иными словами, занимаются поиском решений в заведомо ненужных и неэффективных границах без учета главного, например структуры владения собственностью в экономике.

В-третьих, рассматриваются институциональные реформы и условия изменения институтов в докризисной экономике. Приводятся примеры «экономического чуда», т. е. рывков в экономическом развитии. Однако без глубокого анализа основных движущих факторов и условий, которые их вызвали. Причины успеха сводят только к институциональным изменениям. Для России при этом не предлагается институциональных изменений, способных вывести страну на новую траекторию роста. Более того, акцент делается на заимствовании институтов и технологий для преодоления технологического отставания, что в принципе выглядит слабо обоснованным. Пропагандируется ввод региональных агентств развития, без учета того, что многие функции в регионах и на федеральном уровне уже имеются, а неучет дисфункции этих функций как раз и говорит о том, что новые организации не будут спасительными для

разрешения указанной проблемы, как и заимствование институтов и даже технологий.

Таким образом, обобщая, можно сделать вывод, что аналитические предложения для развития российской экономики на рубеже 2020–2021 гг. являются весьма усеченными по смыслу и своему содержанию. Они подстраиваются под исходные цели, без вариантов их изменения. В этом случае научная и аналитическая работа становится ведомой, а не ведущей. Она не может изменить ситуацию, в лучшем случае способна рекомендовать возврат к каким-то потерянным при кризисе позициям. Особо опасной, в психологическом плане, выступает положительная оценка успехов, которые имеются всегда даже в самой отсталой экономике. Информационная концентрация таких успехов может привести к фиксации справедливости научных рекомендаций и подтвердить «правоту» аналитической работы в то время, как реально подобные характеристики правоты и научности отсутствуют.

Перечисление ресурсов на развитие, сосредоточенных исключительно в финансовых областях и резервах, – это паллиатив, так как самый большой ресурс концентрируют виды деятельности, экономические секторы. Одни из них разбухают как на дрожжах во многом за счет других. Именно это и исчерпывало рост вместе с внешней ценовой динамикой, но после ослабления силы последней стало самым главным фактором торможения.

Ускорение экономического роста требует привлечения именно указанного «структурного ресурса». Новая модель роста не должна строиться из полумер перекидывания финансов под некие схемы их размещения, даже без однозначных ответов по тому, как изменится бюджетный механизм и как понудить банки кредитовать то, что нужно экономике, а не только то, что нужно ради прибылей и вывода капитала из страны самим банкам.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, дадим два базовых вывода.

Во-первых, ускорение экономического роста в России возможно только при изменении институтов, структуры экономики и иного распределения ресурсов, а также при смене аналитического содержания применяемых к подготовке государственных решений подходов. Перечисленные в докладе подходы, наиболее адекватные из них (два первых), могут быть только вспомогательными методами при подготовке решений, так как они не касаются оценки

адекватности целеполагания и не направлены на формирование новой модели роста, ее обоснование и доказательство. Максимум эти аналитические заключения описывают status quo и в самом лучшем случае способны вернуть прежний «рост без развития», что абсолютно не является аналитически оригинальным результатом, тем более если он делается коллективом, а озвучивается обычно представителем руководства.

Во-вторых, ускорение роста не может быть самоцелью, без оценки качества роста и перспективных изменений в социальных показателях и структуре развития, которые вместе с ним должны возникнуть, что и требуется сделать ориентиром проводимой макроэкономической политики.

Тем самым аналитический поиск требуется проводить в направлении придания иного темпа и качества развития обрабатывающим секторам (на основе российской технологической базы), с организацией перемещения ресурсов из других секторов экономики под главную задачу (в случае ее такой формулировки, так как она отсутствует пока в соответствующих документах экономической политики).

Благодарности

Доклад на Чайановские чтения РГГУ (март 2021 г.) подготовлен в рамках темы государственного задания Центру институтов социально-экономического развития ИЭ РАН. Доклад написан в январе-феврале 2021 года по предварительным итогам развития экономики России в 2020 году.

Acknowledgements

The report for the Chayanov Conference of the Russian State University for the Humanities (March 2021) was prepared within the framework of the state assignment to the Center for Socio-Economic Development Institutes of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The report written in January-February 2021 is summarizing the early results of the Russia economy performance in 2020.

Литература

- Абалкин 2005 – *Абалкин Л.И.* Россия: поиск самоопределения. М.: Наука, 2005. 464 с.
- Анисимов и др. 2014 – *Анисимов А.Н., Воронин Ю.М., Лабзунов П.П., Островский А.В., Сухарев О.С.* России нужна другая модель развития. М.: Ленанд, 2014. 144 с.

- Глазьев 2017 – *Глазьев С.Ю.* Битва за лидерство в XXI веке. Россия, США, Китай: Семь вариантов ближайшего будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с.
- Сухарев 2003 – *Сухарев О.С.* Эволюционная макроэкономика в Шупетерианском почтении (к новой системе взаимодействия «новатора» и «консерватора») // Вопросы экономики. 2003. № 11. С. 41–52.
- Сухарев 2006 – *Сухарев О.С.* Эволюционная макроэкономика в постановке и решении проблем экономической политики (модель взаимодействия «новаторов» и «консерваторов») // Информационная экономика и концепции современного менеджмента: Материалы первых Друкеровских чтений. М.: Доброе слово, 2006. С. 158–178.
- Aghion, Howitt 2017 – *Aghion P., Howitt P.* Some Thoughts on Capital Accumulation, Innovation, and Growth // *Annals of Economics and Statistics*. June 2017. № 125/126. P. 57–78.
- Zhao, Tang 2018 – *Zhao J., Tang J.* Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison // *China Economic Review*. 2018. Vol. 47. P. 219–233.

References

- Abalkin, L.I. (2005), *Rossiya: poisk samoopredeleniya* [Russia. The search for self-determination], Nauka, Moscow, Russia.
- Aghion, P. and Howitt, P. (2017), “Some Thoughts on Capital Accumulation, Innovation, and Growth”, *Annals of Economics and Statistics*, no. 125/126, pp. 57–78.
- Anisimov, A.N., Voronin, Yu.M., Labzunov, P.P., Ostrovskii, A.V. and Sukharev, O.S. (2014), *Rossii nuzhna drugaya model' razvitiya* [Russia needs a different development model], Lenand, Moscow, Russia.
- Glaz'ev, S.Yu. (2017), *Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya, SShA, Kitai. Sem' variantov blizhaishego budushchego* [The battle for leadership in the 21st century. Russia, USA, China. Seven options for the near future], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.
- Sukharev, O. (2003), “Evolutionary Macroeconomics in Schumpeterian Perusal (on a New System of Interaction between ‘Innovator’ and ‘Conservator’)”, *Voprosy Ekonomiki*, no. (11), pp. 41–52. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-11-41-52>
- Sukharev, O.S. (2006), “Evolutionary macroeconomics in the formulation and solution of economic policy issues (a model of interaction between ‘innovators’ and ‘conservatives’)”, *Informatsionnaya ekonomika i kontseptsii sovremennogo menedzhmenta: Materialy pervykh Drukerovskikh chtenii* [Information economy and the concepts of modern management. Proceedings of the first Drucker Conference], Dobroe slovo, Moscow, Russia, pp. 158–178.
- Zhao, J. and Tang, J. (2018), “Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison”, *China Economic Review*, vol. 47. pp. 219–233.

Информация об авторе

Олег С. Сухарев, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 32; mail@osukharev.com

Information about the author

Oleg S. Sukharev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia; 117218; mail@osukharev.com

Цифровизация в российском экспорте несырьевыми неэнергетическими товарами

Ольга В. Морозенкова

Институт экономики РАН, Москва, Россия,

molga3@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время цифровизация является одним из главных залогов успешного развития в бизнесе, она приводит к росту, увеличению прибыли и повышению имиджа компании. В статье приводятся примеры цифровых продуктов, которые применяются в бизнесе, в том числе и в компаниях, ориентированных на экспорт. Показано, что любой экспортер, даже небольшая компания, может получить доступ к передовым технологиям и расширить свои конкурентные преимущества на мировых рынках. Рассматриваются цифровые инструменты поддержки в информационной системе «Одно окно», с помощью которой правительство планирует создать комплексную систему поддержки российских экспортеров. Отмечается важность развития экспорта через Интернет, значительное увеличение в 2020 г. объема выручки российского розничного онлайн-экспорта. Наблюдается рост экспортеров, которые стремятся осуществлять свои продажи через электронные торговые площадки.

Ключевые слова: цифровые технологии, несырьевой неэнергетический экспорт, цифровые инструменты поддержки экспорта, российский бизнес, торговые электронные площадки

Для цитирования: Морозенкова О.В. Цифровизация в российском экспорте несырьевыми неэнергетическими товарами // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 55–68. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-55-68

Digitalization in Russian exports of non-primary non-energy goods

Olga V. Morozenkova

*Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia,
molga3@yandex.ru*

Abstract. Currently, digitalization is one of the main keys to successful business development, it leads to the growth, increased profits and improved company image. The article provides examples of digital products that are used in business, including in export-oriented companies. It is shown that any exporter, even a small company, can get access to advanced technologies and expand its competitive advantages in world markets. It considers digital support tools in the “One Window” information system, with the help of which the government plans to create a comprehensive system of support for Russian exporters. The importance of developing exports via the Internet is noted, as well as a significant increase in the revenue of Russian online retail exports in 2020. There is an increase in exporters who seek to carry out their sales through electronic trading platforms.

Keywords: digital technologies, non-primary non-energy exports, digital export support tools, Russian business, electronic trading platforms

For citation: Morozenkova, O.V. (2021), “Digitalization in Russian exports of non-primary non-energy goods”, *RSUH/RGGU Bulletin “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 55–68, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-55-68

Введение

Интенсивное внедрение цифровизации в разных сферах экономической деятельности является одним из основных факторов, влияющих на рост мировой экономики. Мировой рынок цифровой трансформации в 2019 г. составил 1,18 трлн долл., в 2023 г. предполагается, что он достигнет 2,3 трлн долларов. У 68% самых успешных бизнес-компаний в мире главным преимуществом в деятельности является цифровая трансформация¹.

В России, как и в ведущих странах, лидерами по цифровизации являются крупные компании. Напротив, малые и средние предприятия отстают по темпам внедрения новых цифровых решений. В на-

¹Клейменова Л. 20 фактов о цифровой трансформации: статистика, прогнозы, опросы [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ece23569a79479c90f3377b> (дата обращения 26 июня 2021).

стоящее время 46% руководителей российских компаний рассчитывают увеличить использование цифровых технологий, каждый третий – в течение ближайших пяти лет². По данным на 2021 г., так же в мире думают 56% топ-менеджеров больших компаний³.

Использование цифровых технологий в бизнесе считается необходимым условием для обеспечения высокой эффективности и увеличения производительности труда, в том числе и в компаниях, занимающихся экспортной деятельностью.

В настоящее время в России существует широкий выбор цифровых продуктов для экспортоориентированных компаний, развивается доступ к современным технологиям не только у крупных компаний, но и у малого бизнеса, что значительно упрощает их выход на зарубежные рынки.

Одной из главных задач экономики России является развитие несырьевого неэнергетического экспорта. Для реализации этой цели правительство активно формирует для экспортеров единое информационное пространство в цифровом формате. Предполагается, что новые цифровые сервисы привлекают новые компании к экспортной деятельности и способствуют в достижении целей по развитию неэнергетического экспорта.

В связи с этим становится актуальным исследование о применении современных цифровых технологий в российском бизнесе и развитии цифровых инструментов для раскрытия отечественного экспортного потенциала.

Цифровые технологии в российском бизнесе

Цифровые технологии совершенствуют работу бизнеса, благодаря чему он становится более эффективным и масштабируемым. За счет перехода компании к цифровой стратегии ведения бизнеса она приобретает существенные выгоды перед конкурентами. Стратегия цифровой трансформации приводит к росту компании, уве-

² Согласно результатам опроса руководителей 1784 организаций из 30 регионов России, проведенного ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

³ Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: доклад к XXII Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 / Рук. авт. колл. П.Б. Рудник. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 239 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf> (дата обращения 28 июня 2021).

личению прибыли и повышению имиджа, и для нее открываются новые возможности.

К плюсам цифровизации бизнеса можно отнести:

- автоматизацию процессов – с помощью системы информация собирается и обрабатывается, что уменьшает воздействие человеческого фактора и повышает темп работы;
- повышение производительности – повышается уровень обслуживания, клиенты оперативно получают ответы на свои запросы, экономят время и приобретают качественную продукцию;
- сокращение расходов – благодаря рационализации процессов появляются время и потенциал для роста и внедрения нововведений. Это вложения в будущее.

В то же время переход компании в цифровую среду обозначен не только плюсами, но и рисками:

- компании необходимы радикальные преобразования, касающиеся многочисленных бизнес-процессов, которые работали годами. Появляются современные методы ведения дел. Достаточно непросто быстро искоренить десятилетиями устоявшиеся способы работы;
- важно обучение сотрудников и руководителей бизнеса, которое окажет им поддержку в управлении современными бизнес-процессами. Это совсем не быстрый процесс⁴.

Компаниям требуется по крайней мере минимум знания технологий, для того чтобы понять преимущество, которое они способны дать. В выигрыше останутся компании, намеренные вкладываться в обучение сотрудников новым технологиям, причем развивать необходимо не только технологические навыки, но и решимость пойти на риск и терпеливость к неудачам [Петрова, Кузнецова 2020, с. 82–83].

За первое полугодие 2020 г. индекс цифровизации малого и среднего бизнеса в России вырос с 45 до 50 (шкала от 0 до 100). Это значит, что компании начали чаще применять цифровые технологии, а также интернет-инструменты в работе⁵. Например, больше компаний создали собственные сайты – 75% в 2020 г. против 54% годом ранее. Выросло количество предпринимателей, которые

⁴Как цифровая трансформация помогает расти бизнесу [Электронный ресурс]. URL: <https://wezom.com.ua/blog/cifrovaya-transformaciya-pomogaet-rasti-biznesu> (дата обращения 10 июня 2021).

⁵Исследования банка «Открытие» и Московской школы управления «Сколково», основанного на опросе 598 руководителей предприятий в восьми регионах страны.

считают, что цифровизация развивает клиентский сервис – с 15 до 22%, повышает скорость работы – с 33 до 53% и увеличивает удобство ведения бизнеса – с 34 до 57%⁶.

Пандемия ускорила цифровизацию российского бизнеса, однако пока остаются серьезные барьеры для этого процесса. По мнению предпринимателей, главные барьеры цифровизации бизнеса – бюджетные ограничения, нехватка средств, недостаточный уровень знаний и опыта в цифровой среде у руководителей компаний и их незаинтересованность в цифровизации⁷.

Компании используют цифровую трансформацию бизнеса по крайней мере в следующих сферах: внутренних процессах и рыночных возможностях.

Внутренние процессы. Цифровая трансформация способствует организации работы среди команды, при этом улучшается производительность. А также предоставляет возможность разрабатывать планы развития и прослеживать выгоды компании.

Рыночные возможности. Цифровое преобразование содействует более быстрому решению вопросов с клиентами. Менеджеры по продуктам сумеют легко применить инструменты современных технологий для управления продуктами и их развития. Данные инструменты обеспечивают связь с клиентами фактически в автоматическом режиме. В связи с этим значительно легче собирать отзывы, исследовать отношение к выпускаемой продукции. Далее, целесообразно проводить усовершенствование самого цифрового продукта. Например, современные виды презентаций, которые будут способствовать выходу на рынок новому продукту компании. При этом открываются новые рыночные возможности⁸.

Ниже представлены некоторые примеры цифровых решений для бизнеса.

CRM (customer relationship management) – система для управления контактами с клиентами. Данная система облегчает регистрацию обращений покупателей, автоматически проводит систематизацию данных о сделках и клиентах, что в итоге позволяет продавать больше продукции и услуг. Благодаря внедрению системы сотрудники перестают забывать о делах и срывать сроки.

Облачные сервисы. Используются в настоящее время для многих задач бизнеса: обмен письмами, хранение данных, про-

⁶ Российский бизнес готов к цифре только наполовину – опрос [Электронный ресурс]. URL: <https://uldelo.ru/news/2020/07/08/b-rossiiskii-biznes-gotov-k-tsifre-tolko-na-polovinu--b-opros> (дата обращения 10 июня 2021).

⁷ Там же.

⁸ Как цифровая трансформация помогает расти бизнесу...

ведение сложных расчетов, доступ к ресурсам искусственного интеллекта.

Корпоративные мессенджеры с чатами, с помощью которых персонал может быстро общаться и обмениваться необходимой информацией, ботами, которые автоматически рассылают данные, и возможность использовать для удаленных контактов с сотрудниками видеоконференцсвязи.

ERP (enterprise resource planning) – управление ресурсами предприятия. Имеется в виду всё: от персонала и финансов до оборудования и материалов. ERP – это программное обеспечение, через которое можно координировать бизнес-процессы, управлять финансами, производством, цепочками поставок, операциями, отчетностью, кадрами⁹.

Современные цифровые решения помогают организациям быть быстрее и эффективнее: они упрощают документооборот, внутреннюю работу с файлами, управленческий учет¹⁰.

Применение цифровых технологий в российском экспорте

На современном рынке любой экспортер может получить выгоду от применения цифровых технологий – простых решений, которые позволяют экономить драгоценные ресурсы и помогают развивать бизнес. Цифровизация – это новая «ставка» для предпринимателей, особенно тех, кто стремится к экспорту¹¹.

Для увеличения присутствия на международном рынке экспортеру важны три области, в которых применение цифровых технологий оказывает самое большое влияние на развитие бизнеса, независимо от размера компании и отрасли.

⁹ Цифровизация бизнеса: блажь или необходимость [Электронный ресурс]. URL: <https://dasreda.ru/learn/blog/article/988> (дата обращения 25 июня 2021).

¹⁰ Цифровые идеи для бизнеса и страны [Электронный ресурс]. URL: <https://uldelo.ru/articles/2020/08/20/b-tsifrovye-idei-b-dlya-biznesa-i-strany> (дата обращения 17 июня 2021).

¹¹ Цифровые технологии помогут развить ваш бизнес в экспорте [Электронный ресурс]. URL: <https://freshcraft.ru/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B5/> (дата обращения 19 июня 2021).

1. *Улучшение покупательского опыта клиентов.* Для многих экспортеров это означает, что предложение своего продукта онлайн является обязательным. Если компания не может организовать розничную торговлю через Интернет полностью, все равно целесообразно использовать цифровые технологии, чтобы оптимизировать взаимодействие с клиентами и их взаимодействие с бизнесом. В зависимости от отрасли и уникальности бизнес-предложения это может означать перемещение части процесса продаж в Интернет, или послепродажную поддержку покупателей, или любой другой элемент жизненного цикла обслуживания клиента. Цифровизация открывает большие возможности на всех этапах жизненного цикла поддержки клиента, включая его привлечение. Для оптимизации работы с клиентами на всех рынках важно развитие стратегии цифрового маркетинга, с помощью которого можно наладить присутствие на нескольких торговых платформах, повысить эффективность электронных писем и обзоров.

2. *Повышение эффективности и предсказуемости.* Наряду с улучшением качества обслуживания клиентов на протяжении всей пандемии ускорялась цифровизация цепочек поставок. При небольших начальных инвестициях для экспортеров есть огромные возможности для сокращения расходов бизнеса на стороне предложения – начиная с того, как компания привлекает своих поставщиков до того, как платит им. Также при использовании цифровых технологий в экспорте предприниматель может сэкономить средства и повысить эффективность в других внутренних процессах. На сегодняшний день доступно программное обеспечение для поддержки любых бизнес-процессов компании, от CRM – управления взаимоотношениями с клиентами – до бухгалтерского учета, и многие из них имеют интегрированные функции, такие как расширенная безопасность для управления рисками и даже способность прогнозирования. Для того чтобы использовать инструменты прогнозирования, которые появляются в программном обеспечении, компании не нужно иметь в своем штате специалиста по данным, потому что сами разработчики программного обеспечения фактически начинают внедрять это в свои готовые решения. Например, если у компании есть разрыв в оплате, который наступит через 90 дней, правильное программное обеспечение может само определить, где у компании могут быть риски в денежных потоках. Что касается продаж, большая часть доступного программного обеспечения CRM сможет сообщить, каким клиентам могут вскоре потребоваться поставки, чтобы компания могла управлять своими запасами и сосредоточить усилия на международных продажах.

3. *Устранение барьеров для экспорта на международном рынке с помощью облачного программного обеспечения.* Внедрение CRM, бухгалтерского учета, логистики и других решений ранее требовали многомиллионных инвестиций. Теперь облачное программное обеспечение, предлагаемое за ежемесячную плату, уравнивает правила игры – любой бизнес может получить доступ к передовым технологиям. Это значительно расширяет возможности некрупных экспортеров, потому что вместо того, чтобы заранее делать действительно серьезные вложения в программное обеспечение, компания делает выбор необходимых ей программ, а затем не покупает их, а оплачивает ежемесячно их использование¹².

Для использования цифровых инструментов необязательно быть технически подкованным, и экспортерам надо смелее подходить к применению данных инструментов, которые стали намного шире и доступнее. Только за последние пять лет доступность и функциональность продуктов SaaS, предназначенных для малого бизнеса, значительно возросла¹³.

Экономическая ситуация с начала глобальной пандемии формирует перед большинством российских экспортеров и производителей серьезные вызовы по увеличению объема несырьевого неэнергетического экспорта отечественных товаров на зарубежных рынках. Согласно скорректированному национальному проекту «Международная кооперация и экспорт», поставлена задача добиться к 2030 г. повышения объема несырьевого неэнергетического экспорта в денежном выражении на 70% по сравнению с 2020 г.¹⁴ В настоящее время при содействии ряда государственных и общественных институтов формируется единое цифровое пространство поддержки экспорта, предусматривающее объединение инструментов поддержания и продвижение товаров отечественных производителей.

¹² Цифровые технологии помогут развить ваш бизнес в экспорте [Электронный ресурс]. URL: <https://freshcraft.ru/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B5/> (дата обращения 19 июня 2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Международная кооперация и экспорт: Нац. проект [Электронный ресурс]. URL: https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docVersions/601d0e6114c62/actual/NP_Mezhdunarodnaya_kooperaciya_i_eksport_compressed.pdf (дата обращения 19 июня 2021).

Цифровая поддержка развития экспортного потенциала российских предприятий

Одной из главных составляющих в поддержке развития несырьевого неэнергетического экспорта России является цифровая платформа «Мой экспорт» – информационная система «Одно окно». Она была подготовлена Российским экспортным центром (РЭЦ) и открыта 26 ноября 2020 г. Также в создании данной системы совместно с РЭЦ принимали участие федеральные органы исполнительной власти, профильные министерства и деловые объединения¹⁵.

Данная система призвана обеспечивать поддержку экспортноориентированным компаниям: от подготовки к выходу на международные рынки до расширения деятельности уже состоявшихся экспортеров. Система «Одно окно» освобождает экспортеров от многочисленного бумажного документооборота, позволяет наладить электронную связь с различными государственными ведомствами и организациями, предоставляющими услуги по экспортной деятельности, тем самым значительно сократив время и финансовые издержки компаний¹⁶.

В рамках деятельности цифровой платформы правительство планирует создать комплексную систему поддержки экспортеров России. В системе объединены сервисы по разным направлениям: меры господдержки, государственные сервисы, аналитическая поддержка деятельности экспортеров, бизнес-сервисы – доступ к этим сервисам можно получить из личного кабинета экспортера в режиме онлайн¹⁷.

На первом этапе в системе «Одно окно» стали доступны наиболее востребованные услуги для экспортеров. Например, 26 ноября 2020 г. начали работать два суперсервиса¹⁸: «Подтверждение нулевой ставки НДС» и «Таможенное декларирование». По подсчетам РЭЦ, перевод таможенного декларирования в

¹⁵ РЭЦ запустила информационную систему для экспортеров «Одно окно» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10109349> (дата обращения 28 июня 2021).

¹⁶ Цифровизация дошла до экспорта. Доступ ко всем мерам поддержки объединен в систему «одного окна» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4627514> (дата обращения 28 июня 2021).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Название «суперсервисы» возникло в связи с тем, что они объединяют сразу несколько сервисов, дополняющих друг друга.

цифровой формат позволяет бизнесу ежегодно экономить около 2 млрд рублей¹⁹. Если при непосредственном контакте с таможенным органом, например, на запрос дополнительных документов отводится 10 дней, то при декларировании через «Одно окно» этот срок будет сведен к нулю, поскольку система сама подготовит пакет запрошенных документов, получив их из системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ²⁰). По такому же принципу предполагается действие сервисов по валютному контролю, получению сертификатов, лицензий, подтверждению нулевой ставки НДС²¹.

Для того чтобы процессы предоставления данных экспортерам были более понятными и прозрачными, над улучшением функционирования сервисов работали свыше десяти ведомств, которые совместно прорабатывали модель обеспечения информацией через Систему межведомственного электронного взаимодействия²². Например, Торгово-промышленная палата (ТПП) РФ уже закончила деятельность по подключению к системе межведомственного электронного взаимодействия. И теперь данные из сертификатов о происхождении товара могут непосредственно получать органы власти, которые ранее запрашивали их у бизнесменов. Происходит интеграция сервиса «Одно окно» и сервиса «Электронная ТПП», так как ТПП с 2013 г. занималась предоставлением информационных услуг через собственную цифровую платформу. Теперь у предпринимателей есть возможность получать информацию как с сайта ТПП РФ, так и через систему «Одно окно» – это идентичная информация из общей базы данных²³.

Кроме государственных сервисов в рамках системы 26 ноября 2020 г. предпринимателям предоставили бесплатный доступ к аналитическим отчетам, созданным на основе международных баз

¹⁹ Цифровизация дошла до экспорта...

²⁰ Обмен данными между платформой «Одно окно» и государственными сервисами осуществляется через систему межведомственного электронного взаимодействия.

²¹ «Одно окно» РЭЦ обретает форму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osfts.ru/meropriyatiya/2020/odno-okno-rets-obretayet-formu> (дата обращения 28 июня 2021).

²² Цифровизация дошла до экспорта...

²³ ТПП России подключилась к системе межведомственного электронного взаимодействия. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/community/45106388-tpp-rossii-podklyuchilas-k-sisteme-mezhvedomstvennogo-elektronnogo-vzaimodeystviya/> (дата обращения 21 июня 2021).

данных и аналитики РЭЦ. Достоверная аналитическая информация о наиболее привлекательных экспортных рынках очень важна и востребована экспортерами²⁴.

В 2021 г. предполагается, что система «Одно окно» в основном будет пополняться сервисами по выдаче разрешительных документов – например, по предоставлению разрешений на вывоз результатов интеллектуальной деятельности или культурных ценностей. Также компании смогут получить услуги по получению сертификатов на свою продукцию и субсидий на сертификацию²⁵. Планируется, что инструменты поддержки экспорта будут дорабатываться с учетом текущих реалий и функциональность сервисов будет формироваться согласно запросам экспортеров. В результате платформа станет полноценной экосистемой поддержки для экспорта, которая будет гибко налаживаться в зависимости от мировой конъюнктуры и предпочтительности государственной поддержки.

В настоящее время большое развитие в реализации товаров на международных рынках получает торговля онлайн, которая является драйвером потребительского спроса во многих странах.

Развитие трансграничной электронной торговли, в том числе розничного онлайн-экспорта, представляет предпринимателям новые возможности для расширения сбыта продукции, привлечения новых клиентов и может являться наиболее эффективным механизмом для роста несырьевого неэнергетического экспорта [Морозенкова 2020, с. 86].

Согласно совместному исследованию агентства Data Insight и eBay, в 2020 г. рынок российского розничного онлайн-экспорта товаров достиг 1,16 млрд долл., что показывает рост на 42% относительно 2019 г. Большая доля объема экспортной выручки – 723 млн долл. (62%) – приходится на торговые площадки с внешней логистикой, в основном на международные маркетплейсы²⁶.

Электронные торговые площадки стремительно продолжают доминировать в мире электронной коммерции. Действительно, ожидается, что к 2022 г. выручка онлайн-рынка удвоится. В перспективе можно ожидать только дальнейший рост и развитие такой формы торговли, как маркетплейсы, причем как в России, так и по всему миру [Литвинов, Савинов, Тарановская 2021, с. 77].

²⁴ Цифровизация дошла до экспорта...

²⁵ Там же.

²⁶ Розничный экспорт товаров через интернет 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_eBay_Export2020 (дата обращения 9 августа 2021).

Самым известным экспортным маркетплейсом в России является eBay, с помощью него каждый пятый экспортер осуществляет онлайн-продажи за рубеж. Также популярными среди других каналов для экспортной торговли являются мобильное приложение или собственный сайт, а также аккаунт в Instagram. По опросу клиентов транспортных компаний, продающих за рубеж, каналы экспортных онлайн-продаж распределяются следующим образом: собственный сайт и/или мобильное приложение – 58%, Instagram – 38%, eBay – 21%, Etsy – 11%, В Контакте – 7%, Amazon – 6%, Площадки Alibaba Group – 5%, Wildberries – 3%²⁷.

Количество заказов онлайн-экспортеров из России растет – численность посылок, отосланных за рубеж, составляет 27,4 млн, что на 75% выше по сравнению с прошлым годом. Среди стран ближнего зарубежья по распределению экспортной выручки отечественных предпринимателей в лидерах находятся: Беларусь – 22,3%, Казахстан – 17,7% и Украина – 5,6%. Среди стран дальнего зарубежья лидерство сохраняется за США, где доля оборота составляет 17%, на втором месте находится Западная Европа – 10,8%, далее располагается Израиль – 3%²⁸.

В общем российские экспортеры рассчитывают на поддержание положительной динамики и повышения роста онлайн-продаж за рубеж на 39% в 2021 г. Такие ожидания повышают заинтересованность экспортеров из различных российских регионов к данному виду продаж. В 2020 г. число регионов, где доля экспортеров eBay выше средней по России, достигла 17 субъектов, в 2019 г. их было 11. Наиболее активные из них – Санкт-Петербург, региональный экспортный индекс которого равен 169, Москва – 169 аналогично, Республика Башкортостан – 164²⁹.

В 2020 г. самый большой рост выручки розничного онлайн-экспорта показали категории «Товары для спорта, отдыха и досуга» (+101%) и «Товары для дома и интерьера» (+215%). Первое место от общей выручки онлайн-экспорта заняла категория «Одежда и обувь» – 40%, второе место – «Коллекционные товары» – 10%, третье место делят «Товары для дома и интерьера» – 9% и «Электроника» – 9%, затем следует категория «Товары для спорта, отдыха и досуга» – 7%³⁰.

²⁷ Розничный экспорт товаров через интернет 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/DI_eBay_Export2020 (дата обращения 9 августа 2021).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Благодаря государственной поддержке экспорта, стараниям логистов в появлении современных логистических продуктов, активности компаний-посредников, помогающих начать продажи за рубеж, разъясняющей и обучающей активности электронных площадок все больше экспортеров стали осуществлять онлайн-продажи за рубежом. За период с марта по ноябрь 2020 г. на площадке eBay зарегистрировалось более 12 тыс. новых продавцов, которые начали продажи за границу в поиске новых рынков сбыта³¹. Помимо этого, российские товары становятся более востребованными за границей – в «черную пятницу» 2020 г. их продажи показали рост более чем на 50% относительно 2019 г.³²

Выход на экспорт через электронные торговые площадки позволяет предпринимателям уменьшить издержки, увеличить оборот, а также предоставляет доступ к максимальному числу направлений сбыта и быть меньше зависимыми от колебаний спроса в отдельных странах.

Развитие онлайн-экспорта и расширение всевозможных мер по поддержке экспортеров с помощью новых цифровых технологий создает для российских предпринимателей уникальную возможность начать экспортировать товары в самое ближайшее время.

Заключение

В современных условиях цифровизация предприятий и онлайн-торговля становятся одними из основных драйверов развития несырьевого неэнергетического экспорта. Современные информационные технологии помогают управлять бизнесом, привлекать новых клиентов и повышать качество их обслуживания, обрабатывать большой объем информации, увеличивать прибыль компании.

Внедрение новых цифровых технологий является необходимым условием для передового развития и роста компаний, особенно если компания стремится к экспортной деятельности. В настоящее время за счет широкого выбора цифровых продуктов и их использования даже небольшой экспортер сможет получить доступ к новым технологиям и выгоду от их применения, что значительно расширит его возможности.

³¹ Там же.

³² Там же.

Литература

- Литвинов, Савинов, Тарановская 2021 – *Литвинов Е.А., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В.* Современное состояние и перспективы международной торговли на маркетплейсах // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 5. С. 67–79. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-5-67-79
- Морозенкова 2020 – *Морозенкова О.В.* Развитие рынка розничного онлайн-экспорта в России // Вестник РГГУ. Серия: «Экономика. Управление. Право». 2020. № 4. С. 73–87. DOI:10.28995/2073-6304-2020-4-73-87
- Петрова, Кузнецова 2020 – *Петрова Л.А., Кузнецова Т.Е.* Цифровые технологии в экономике и бизнесе // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2020. № 2. С. 74–89. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10014

References

- Litvinov, E.A., Savinov, Yu.A. and Taranovskaya, E.V. (2021), “Current State and Prospects of International Trade on Marketplaces”, *Russian Foreign Economic Journal*, no. 5, pp. 67–79. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-5-67-79
- Morozenkova, O.V. (2020), “Development of the online retail export market in Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 73–87. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-4-73-87
- Petrova, L.A. and Kuznetsova, T.E. (2020), “Digital technologies in the economy and business”, *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, no. 2, pp. 74–89. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10014

Информация об авторе

Ольга В. Морозенкова, кандидат экономических наук, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 32; molga3@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Morozenkova, Cand. of Sci. (Economics), Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117218; molga3@yandex.ru

УДК 640.4

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-69-82

Предприятия индустрии гостеприимства
в условиях неопределенности внешней среды:
тенденции и перспективы

Алла Ю. Платко

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, platko@yandex.ru*

Алла Р. Михайлова

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, a.mihaylova@linguanet.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые показатели индустрии гостеприимства в период пандемии, проводится PEST-анализ отечественной туристической отрасли, определяются направления диверсификации деятельности предприятий сферы гостеприимства.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства, управление предприятием гостиничного бизнеса, неопределенность внешней среды, диверсификация услуг в гостиничной отрасли

Для цитирования: Платко А.Ю., Михайлова А.Р. Предприятия индустрии гостеприимства в условиях неопределенности внешней среды: тенденции и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 69–82. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-69-82

Enterprises of the hospitality industry
in the conditions of uncertainty
of the external environment. Trends and prospects

Alla Yu. Platko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
platko@yandex.ru*

Alla R. Mikhailova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
a.mihaylova@linguanet.ru*

Abstract. The article considers the key indicators of the hospitality industry during the pandemic, conducts a PEST-analysis of the Russian tourism

© Платко А.Ю., Михайлова А.Р., 2021

industry, characterizes the directions for diversification of the activities of the hospitality enterprises.

Keywords: hospitality industry, hotel business enterprise management, uncertainty of the external environment, diversification of services in the hotel industry

For citation: Platko, A.Yu. and Mikhailova, A.R. (2021), "Enterprises of the hospitality industry in the conditions of uncertainty of the external environment. Trends and prospects", *RSUH/RGGU Bulletin "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 69–82, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-69-82

Темпы развития индустрии гостеприимства в 2018 г. были рекордно высоки [Рекордные показатели... 2019, с. 23]. Прогнозировался дальнейший рост основных экономических показателей отрасли и на ближайшие годы. Планировалось увеличить долю отрасли в ВВП страны с 2,2 до 18,86% к 2025 г. [Шапкин 2019, с. 14]. Были разработаны и приняты стратегические документы в области туризма, такие как Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г., План мероприятий по реализации Стратегии развития экспорта услуг до 2025, государственные программы: «Культура и туризм на 2019–2021 годы», программа туристического кешбэка, подпрограмма «Туризм» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика», созданы меры поддержки для въездного туризма¹. Но данные за 2019 и 2020 гг., установившиеся на фоне мировой пандемии, внесли корректировку в качественные и количественные показатели предприятий отрасли. Следует упомянуть, что, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 г. № 4341, наиболее пострадавшими отраслями экономики от пандемии признаны в том числе: туристические агентства и прочие организации, предоставляющие услуги в сфере туризма, а также гостиничный бизнес [Земцов, Царева 2020, с. 155].

Особенно в тяжелом положении оказались малые предприятия, сократившие свои обороты в период с 2018 по 2019 г. с 217,3 млрд руб. до 84,6 млрд руб., т. е. на 61%. Кроме того, в период с 2019 по 2020 г. было зафиксировано снижение данного показателя

¹Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/> (дата обращения 4 сентября 2021).

до 70,2 млрд руб. (еще на 17% меньше по сравнению с предыдущим периодом)².

Прогнозы развития эпидемиологической ситуации пока не носят оптимистического характера, специалисты предполагают обострение пандемии осенью–зимой 2021 г., несмотря на усиленную вакцинацию в 25 регионах страны³.

Ситуация в среднесрочной перспективе для предприятий гостиничной индустрии останется сложной, недостаточно предсказуемой, и, опираясь на вышеприведенные данные, актуальной и объективно необходимой становится разработка рекомендаций по совершенствованию управления предприятиями гостиничного бизнеса в условиях неопределенности внешней среды.

Важным аспектом данной работы следует считать то, что ситуация неопределенности должна трактоваться как неполнота или недостаточная точность информации и не оцениваться как отсутствие какой бы то ни было информации о перспективах и возможностях функционирования организации или реализации проекта в течение определенного периода. Такая постановка вопроса позволяет вести учет имеющихся факторов с максимальной эффективностью и использовать информационные потоки как многоканальные источники формирования вариативного выбора поведения при планировании хозяйственной деятельности. Кроме того, в рамках данного исследования при оценке ситуации неопределенности предпочтительно абстрагироваться от понятия «риск», так как «риск» имеет субъективный характер и будет различен для каждого участника рынка в силу его индивидуальных особенностей и внутреннего потенциала⁴.

Изучению данной темы в последнее время были посвящены научные и методические работы таких ученых, как Д.В. Еремеев,

² Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы. Статистика малого бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/dpir/documents/statistika-malogo-biznesa/> (дата обращения 14 июля 2021).

³ Социальный банк вопросов по COVID-19. Инфекционист спрогнозировал новый пик заболеваемости COVID-19 в России [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/07/14/infekcionista-sprognoziroval-novuj-pik-zabolevaemosti-covid-19-v-rossii.html> (дата обращения 15 июля 2021).

⁴ Смоляк С.А. Учет специфики инвестиционных проектов при оценке их эффективности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfin.ru/press/afa/1999-3/05-6.shtml> (дата обращения 10 июня 2021).

А.В. Шабоха⁵, М. Агяд [Агяд 2021], А.Н. Ветохин, И.В. Силаева⁶, В.Е. Шкуро [Шкуро 2017] и другие.

Авторы сконцентрировали внимание на вопросах управления организациями индустрии гостеприимства в контексте изменчивости внешней и внутренней среды и их влияния на конкурентоспособность гостиничных предприятий. Современная конъюнктура и внешние условия ставят более глобальную задачу, которая сводится к повышению конкурентоспособности отрасли в целом и ее выживаемости в условиях жесткой реализации ограничительных мер по перемещению туристов и ограничению бизнес-коммуникаций.

В условиях данной ситуации Минэкономразвития РФ активно помогает гостиничному бизнесу с помощью доступных ему рычагов и вводит программы субсидирования и разносторонней поддержки [Рекордные показатели... 2019, с. 5], но лояльность и кредитные послабления не предусматривают выработку направлений проектных решений, которые помогут предприятию диверсифицировать свою деятельность и провести ресурсную ротацию.

В связи с этим можно определить цель исследования, которая сводится к обоснованию стратегически доступных направлений диверсификации деятельности гостиничных предприятий в современных условиях и задана неопределенностью внешней среды.

К решаемым задачам, ориентированным на достижение поставленной цели, можно отнести следующие:

- провести горизонтальный отраслевой анализ;
- провести PEST-анализ для индустрии гостеприимства и выявить наиболее значимые факторы внешней среды, оказывающие сдерживающий эффект на развитие отрасли в условиях пандемии;
- выявить комплекс направлений перспективного развития с учетом мировых тенденций.

В индустрии гостеприимства, как и в других сферах хозяйственного комплекса страны, не было переходного адаптационного этапа при введении эпидемиологических ограничений, отрасль не была

⁵Еремеев Д.В., Шабоха А.В. Факторы внешней и внутренней среды, влияющие на деятельность предприятий гостиничного бизнеса // Экономические исследования и разработки [Электронный ресурс]. URL: <http://ed.rj.ru/article/22-10-2017> (дата обращения 15 июля 2021).

⁶Ветохин А.Н., Силаева И.В. Математическое моделирование принятия решений в гостиничном бизнесе в условиях неопределенности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskoe-modelirovanie-prinyatiya-resheniy-v-gostinichnom-biznese-v-usloviyah-neopredelennosti> (дата обращения 15 июля 2021).

готова к структурным изменениям прежде всего в производственных отношениях, ни на законодательном, ни на организационном уровне. Это усилило предпосылки для экономического кризиса и снизило потенциальные возможности предприятий для своевременного антикризисного управления.

По данным официальной статистики⁷ (табл. 1), за период 2015–2020 гг. число въездных поездок иностранных граждан сократилось более чем на 20 млн ед., а возможности отечественных туристов сократились на 22 млн поездок. При этом объемы заселения в гостиницы, отели и другие средства размещения имели колебательный характер и планомерные темпы роста в период с 2015 по 2019 г. сократились до первоначальных значений по размещению российских граждан в 2020 г. до уровня 2015 г., размещение иностранных путешественников в 2020 г. по отношению к 2015 г. снизилось более чем в два раза, а по отношению к 2019 г. – более чем в пять раз. Все изменения связаны с нарушением транспортного сообщения, закрытием внешних границ и другими противоковидными ограничениями.

Следует отметить, что абсолютная динамика изменения площадей номерного фонда сохраняет высокие темпы роста и фиксирует прирост на уровне 8610,8 тыс. м² с 2015 г. (13 343,8 тыс. м²) по 2020 г. (21 954,6 тыс. м²)⁸.

По ряду ключевых показателей анализ ситуации возможен лишь до 2019 г. в связи с отсутствием официальных статистических показателей 2020 г., но тем не менее можно отметить, что инвестиционная активность, характерная для отрасли, остается высокой и сохраняется на уровне более 30 млрд руб. в год. Подтверждающим аргументом могут служить данные по увеличению числа коллективных средств размещения, которые имеют устойчивую тенденцию к росту. За период с 2015 по 2020 г. показатель увеличился с 20 135 до 27 328 ед.⁹

Менее обнадеживающими выглядят показатели по занятости лиц, задействованных в сфере гостиничного бизнеса. В рамках данного аспекта заметны существенные колебания числа работников как в туристических фирмах, так и в коллективных средствах размещения в исследуемый период (рис. 1)¹⁰.

⁷ Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/> (дата обращения 4 сентября 2021).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Число въездных и выездных туристических поездок, соотнесенное с численностью граждан, размещенных в средствах коллективного размещения на территории Российской Федерации в период 2015–2020 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число въездных туристических поездок иностранных граждан в РФ (единиц)	26 851 658	24 570 518	24 390 002	24 550 910	24 418 749	6 358 959
Число выездных туристических поездок граждан Российской Федерации за рубеж (единиц)	34 390 169	31 658 706	39 628 520	41 963 523	45 330 433	12 360 742
Численность граждан Российской Федерации, размещенных в коллективных средствах размещения (человек)	43 656 898	48 338 704	53 534 365	60 921 280	65 185 770	45 223 223
Численность иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения (человек)	5 627 311	6 092 227	8 028 839	10 616 801	10 855 969	2 159 235

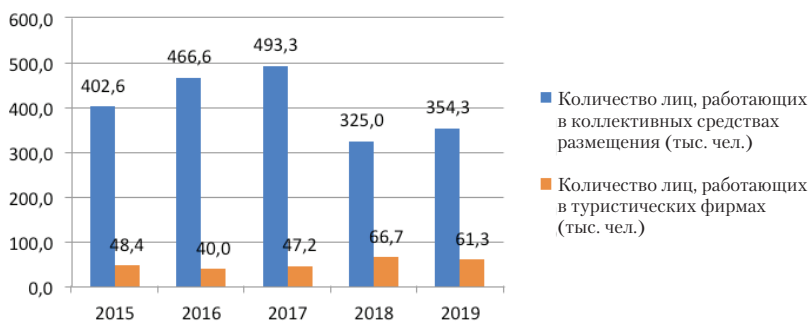

Рис. 1. Количество занятых в индустрии гостеприимства в 2015–2019 гг.

Несмотря на снижение числа работающих в отрасли, сохраняются положительные тренды по увеличению объемов оказания платных туристических услуг, предоставляемых населению, и услуг гостиниц, а также других средств размещения (рис. 2)¹¹.

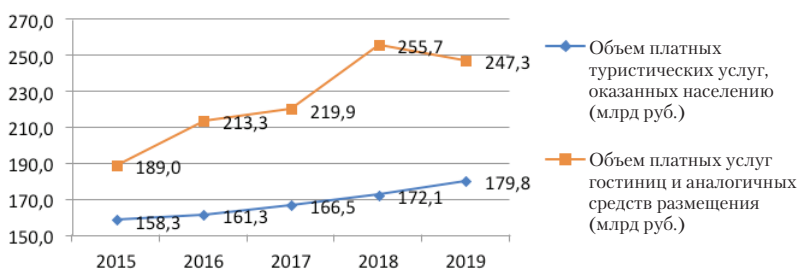

Рис. 2. Объемы платных услуг, оказываемых в гостиничной индустрии в 2015–2019 гг.

Анализ данных показателей свидетельствует о внутренней востребованности платных услуг сферы гостеприимства и их доступности для потребителей в нашей стране.

Немаловажными следует признать и показатели по числу санаторно-курортных организаций, а также численности потребителей, воспользовавшихся услугами данных организаций.

¹¹ Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/> (дата обращения 4 сентября 2021).

Количество мест в организациях санаторно-курортного типа снизилось с 2015 по 2020 г. на 7,2% и составило 1752 тыс. койко-мест. При этом количество проходивших лечение и отдыхающих сократилось значительно – на 44,6% и в 2020 г. составило 4479 тыс. человек¹². Судя по статистическим данным, направление имеет достаточный потенциал для реализации и обеспечения реабилитационных мероприятий для людей, перенесших тяжелые заболевания, в том числе COVID-19.

Восстановление индустрии гостеприимства положительным образом отразится и на количестве объектов общественного питания, темпы увеличения которых имеют постоянный, устойчивый и положительный характер, несмотря на ограничительные мероприятия. С 2015 по 2019 г. общее количество предприятий общепита в туристической отрасли возросло с 111 631 до 122 191¹³ ед.

Данные статистические материалы представляют информацию о большой внутренней емкости рынка туристических услуг и формировании на текущий момент отложенного спроса на услуги гостиничного сектора, а также потенциальных возможностях восстановления отрасли при нормализации туристических потоков и возобновления деловой международной активности.

При этом все многообразие факторов внешней среды, которое активным образом оказывает влияние на сферу гостеприимства, можно традиционно свести к политическим, экономическим, социальным и технологическим. Рационально оценить возможности и скрытые угрозы, оказывающие влияние на индустрию гостеприимства на современном этапе, для снижения неопределенности их проявления и осуществить сбор информации возможно через проведение PEST-анализа (табл. 2).

Опираясь на определение индивидуальной и суммарной степени влияния различных факторов на работу компании сферы гостеприимства, на установление среднего значения экспертной оценки по каждому фактору, определяющему вероятность колебания или изменения показателя, могут быть установлены итоговые весовые коэффициенты, отражающие реальную значимость соответствующего параметра¹⁴.

¹² Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/> (дата обращения 4 сентября 2021).

¹³ Там же.

¹⁴ Применима расчетная формула для оценки реальной значимости установленных параметров (р):

$$p = \frac{\text{степень влияния одного фактора}}{\text{итоговая сумма влияний}} \cdot \text{средняя арифметическая оценок экспертов}$$

(<https://soldimarketing.ru/analitika/pest-analiz/>)

Следует акцентировать внимание на том, что представленная в статье реализация PEST-анализа осуществлена с учетом установленных факторов, имеющих положительный (возможности) и отрицательный (угрозы) характер для развития отрасли. Этот подход не совсем традиционен, но позволяет более детально проработать сценарии развития от пессимистического (при превалированном влиянии негативных факторов) до оптимистического (при максимально благоприятном стечении обстоятельств). Такие разработки целесообразно проводить для конкретного предприятия. Параметрический расчет может сформировать основу для подготовки проработанных стратегий управления в условиях неопределенности внешней среды с учетом особенностей организационных процессов компании.

При этом в программу управления в условиях неопределенности внешней среды (стратегию кризисного менеджмента) можно включить дополнительные сервисы, ориентация на которые продиктована проведенным исследованием или базируется на общемировых тенденциях развития предприятий гостиничного бизнеса. Они призваны диверсифицировать сложившийся перечень услуг и расширить границы возможностей предпринимателей для привлечения новых сегментов потребителей.

Прежде всего важно сконцентрировать усилия на выборе типа управления. Традиционное управление опирается на работу собственной управляющей компании (команду, УК), но этот подход в ряде случаев весьма затратен и малоэффективен в силу высоких вложений в создание и поддержание УК, а также постоянного контроля уровня профессионализма персонала. Для решения данного вопроса существует альтернативный выбор, который способен осуществить собственник компании. На практике применимы следующие варианты: привлечение профессиональной управляющей компании, приобретение франшизы либо работа в составе гостиничной сети. Определяющими факторами для выбора типа управления должны стать маржиналистские методы анализа экономических показателей.

В зависимости от выбора типа управления станут доступными соответствующие информационные технологии и платформы, в том числе адаптированные приложения для мобильных устройств, которые используют возможности цифровизации для продвижения бизнеса. Обновление информационных и технических средств является общемировой тенденцией для отельных операторов, формирующих новые стандарты работы с клиентами. Отмечается также феномен, связанный с повышением ценности сервисов онлайн-бронирования и снижением эффективности ведения собственных сайтов, которые формируют неоправданные затраты по обновлению и содержанию.

PEST-анализ индустрии гостеприимства

PEST-факторы	Возможности	Угрозы
<p>Политические и правовые</p>	<p>Совершенствование законодательной базы, ориентированной на поддержку российских гостиничных предприятий и создание благоприятных условий для сохранения краткосрочной ликвидности организаций гостиничной сферы.</p>	<p>Нормативные изменения, принимаемые финансовыми институтами. Некорректность заполнения необходимой дополнительной документации по оформлению мер государственной поддержки предприятий гостиничной отрасли. Ограничение поставок специального оборудования для гостиничной сферы в связи с пандемией, вызвавшей снижение объемов производства зарубежных производителей.</p>
<p>Экономические</p>	<p>Благоприятная конъюнктура для развития внутреннего туризма.</p>	<p>Коллеблющийся характер ограничений, вызванных глобальной эпидемией COVID-19, в том числе ожидание следующей волны пандемии. Высокий уровень конкуренции на внутреннем рынке. Повышение цен на энергоносители. Закрытие границ: сокращение турпотока. Снижение оборотных средств предприятий гостиничной индустрии. Финансовые сложности при адаптации к новым технологиям. Снижение покупательной способности населения.</p>

<p>Социальные</p>	<p>Перспективные возможности развития туризма в РФ. Усиление внутренней клиентоориентированности. Возможность применения опыта и стандартов обслуживания ведущих мировых отельных сетей. Повышение уровня социальной защищенности персонала.</p>	<p>Повышение требовательности потребителей к уровню сервиса и качества услуг гостиничных предприятий. Пандемические ожидания (формирование отложенного спроса на услуги гостиничных предприятий). Снижение уровня доходов и платежеспособности населения. Сложности адаптации к новым технологиям со стороны персонала.</p>
<p>Технологические</p>	<p>Совершенствование технологических возможностей: создание и внедрение платформ туристической «экосистемы», в том числе с поддержкой блокчейна. Практическая доступность применения актуальных трендов технического и технологического оснащения отелей: использование высокотехнологичного, высокоэффективного и экономичного оборудования. Техническая и программная обеспеченность бизнес-процессов гостиничного сектора.</p>	<p>Отсутствие совместимости применяемых и внедряемых информационных систем. Временные лаги, возникающие при освоении новых технологий. Высвобождение производственных мощностей, оборотного капитала, персонала и т. п. Неконтролируемость возможностей использования конкурентами современных технологий (в том числе информационных).</p>
<p>Экологические</p>	<p>Формализация модных тенденций в туризме. Популяризация и применение экологически чистых технологий в деятельности гостиничных предприятий. Воспитание экологической и социальной ответственности. Включение принципов экологического менеджмента в систему менеджмента качества (СМК) управления предприятиями гостиничной сферы.</p>	<p>Недофинансирование экологических проектов в силу их высокой экономической затратности. Опережающие темпы развития зарубежных экотехнологий по сравнению с отечественными разработками: отсутствие альтернативных решений. Прогрессирующий рост трудо-, энерго-, материало-, ресурсо-, природоемкости процессов.</p>

Кроме того, создавая большую привлекательность средств размещения для путешественников, отельеры уходят от традиционной классификации номерного фонда и создают условия для бронирования с возможностью выбора отдельных опций при подборе номера. Популярностью пользуются апартаменты, кондо-отели. Многих клиентов привлекает подобная вариабельность, потому что по установленным тарифам они могут получить для себя максимально высокий уровень комфорта. Реализация данного подхода служит рациональный баланс между автоматизацией, в том числе использованием интеллектуальных технологий, и участием персонала в обслуживании. Отражением успешности проводимой сервисной политики становятся соцсети, значение которых в последние годы существенно возросло.

Нельзя также недооценивать особенности поколений Y и Z: их высокий уровень мобильности и владения современными технологиями. Такие путешественники способны самостоятельно оформлять необходимые для путешествия документы, продумывать маршрут, подбирать транспорт для перемещения, индивидуализировать потребление дополнительных услуг, например таких, как развлечения, экскурсии и другие. Следует признать, что развитие данной тенденции повлияет на количество турагентств, которое в таких условиях будет сокращаться, а также приведет к повышению социального взаимодействия внутри самих отелей, где будут стираться традиционные границы между гостями и персоналом. Общественные пространства отелей изменяются и преобразовываются в пользу открытых зон, доступных не только постояльцам отелей, но и окрестным жителям.

Эпидемиологическая стабилизация увеличит объем потребностей, связанных с реабилитационными мероприятиями, будут востребованы СПА-зоны, СПА-туры, санаторно-курортные программы, диетические меню. Данные направления не потеряют актуальности и в дальнейшем, в связи с приверженностью многих путешественников к здоровому образу жизни.

Заботясь не только о физическом здоровье туристов, но и об их психологическом комфорте, многие отели рассматривают возможность размещения постояльцев с домашними питомцами. В настоящее время в России разрабатываются общие правила посещения отелей и ресторанов для путешествующих с животными. Применение данных правил сгладит неудобства для других постояльцев, но при этом сформирует дополнительный пул гостей для отелей.

Рассмотренный дополнительный комплекс сервисов для отелей связан с совершенствованием системы продаж, он потребует продуманного отношения к технологиям ап-сейла (up-sale), кросс-сейла

(cross-sale) и даун-сейла (down-sale), которые смогут оказать стимулирующее действие на объемы реализации конечного продукта туристической индустрии.

В целом все выше представленные идеи формируют современную экосистему предприятия сферы гостеприимства и определяют устойчивость его позиций в постпандемический период.

Заключение

Анализ ключевых показателей индустрии гостеприимства указывает на снижение объемов оборотного капитала в период пандемии и сокращение трудовых ресурсов, задействованных в отрасли в настоящее время. Вместе с тем нельзя не отметить продолжающееся увеличение стоимости основного капитала предприятий отрасли, что создает условия для совершенствования технологических условий представления услуг потребителям, прежде всего на техническом и информационном уровнях.

Протекционистские меры государственной поддержки внутреннего туризма определяют базовые условия не только для сохранения отрасли, но и для ее стратегического развития, а возможности применения зарубежного опыта определяют новые стандарты представления услуг потребителям.

Индустрия гостеприимства имеет внутренний потенциал для роста экономических показателей.

Диверсификация услуг должна носить социальный характер и предполагать применение системы динамического ценообразования.

Литература

- Агяд 2021 – *Агяд М.* Обеспечение устойчивого развития гостиничных предприятий на основе повышения их конкурентоспособности: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2021. 28 с.
- Земцов, Царева 2020 – *Земцов С.П., Царева Ю.В.* Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. С. 71–82.
- Рекордные показатели... 2019 – Рекордные показатели мировой индустрии путешествий // Гостиничное дело. 2019. № 4. С. 23–25.
- Шапкин 2019 – *Шапкин О.* Государственная политика в сфере туризма: новые проекты и ориентиры // Гостиничное дело. 2019. № 8. С. 14–16.
- Шкуро 2017 – *Шкуро В.Е.* Управление организаций в условиях неопределенности: угрозы и безопасность: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 136 с.

References

- Agyad Makhlof, (2021), “Ensuring the sustainable development of hotel enterprises on the basis of increasing their competitiveness”, Abstract of Ph.D. Dissertation, Moscow, Russia.
- “Record indicators of the global travel industry” (2021), *Gostinichnoe delo*, no. 4, pp. 23–25.
- Shapkin, O. (2019), “State policy in the field of tourism. New projects and guidelines”, *Gostinichnoe delo*, no. 8, pp. 14–16.
- Shkuro, V.E. (2017), *Upravlenie organizatsii v usloviyakh neopredelennosti: ugrozy i bezopasnost'* [Management of organizations in conditions of uncertainty. Threats and security. Study guide], Ekaterinburg, Russia.
- Zemtsov, S.P. and Tsareva, Yu.V. (2020), “The development trends in the sector of small and medium-sized enterprises under the conditions of a pandemic and crisis”, *Economic development of Russia*, vol. 27, no. 5, pp. 71–82.

Информация об авторах

Алла Ю. Платко, доктор экономических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; platko@yandex.ru

Алла Р. Михайлова, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; a.mihaylova@linguanet.ru

Information about the authors

Alla Yu. Platko, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; platko@yandex.ru

Alla R. Mikhailova, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; a.mihaylova@linguanet.ru

Экосистемы шеринговой экономики

Евгений Ф. Авдокушин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, aef2005@yandex.ru*

Елена Г. Кузнецова

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, eez.elena@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются состояние и перспективы создания экосистем в модели шеринга – экономики совместного потребления и использования (ЭСП/ЭСИ). Авторы показывают, что создание экосистем наиболее перспективно в сегменте ЭСИ, хотя отдельные экосистемы могут формироваться и использоваться в сегменте ЭСП. Рассматриваются примеры зарубежного и российского опыта создания подобных экосистем. В статье дается критический анализ точек зрения зарубежных авторов на смешение принципов функционирования экономики шеринга и кооперационной, коллаборативной деятельности компаний. Шеринг во многих зарубежных публикациях часто коммерциализируется при игнорировании или затушевывании его социальной сущности. Шеринговые экосистемы приравниваются к экосистемам крупных корпораций (финансовых, бигтехов), которые, как свидетельствует практика их функционирования, ведут к монополизации. При этом модель шеринга, отождествляемая с простой кооперацией, коллаборацией, «вписывается» в модель современной рыночной экономики. В России экосистемы создаются чаще на базе крупных банков, а за рубежом – на основе бигтехов. Заметную роль в формировании экосистем играет модель маркетплейса. В России мало кому из компаний, действующих по модели шеринга, удастся создать свою экосистему, в особенности в сегменте ЭСП.

Ключевые слова: шеринг, цифровые платформы, экосистемы, цифровая трансформация, экономика совместного потребления/использования, рециркуляционная экономика, маркетплейс, модели маркетплейсов, сетевая экономика, платформенная монополия, коммерциализация, цифровые технологии

Для цитирования: Авдокушин Е.Ф., Кузнецова Е.Г. Экосистемы шеринговой экономики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 83–100. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-83-100

Ecosystems of the sharing economy

Evgenii F. Avdokushin

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
aef2005@yandex.ru*

Elena G. Kuznetsova

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
elez.elena@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the state and prospects of creating ecosystems in the sharing model – the economy of collaborative consumption (CCE) and sharing (SE). The authors show that the creation of ecosystems is most promising in the SE segment, although individual ecosystems can be formed and used in the CCE segment. Examples of foreign and Russian experience in creating such ecosystems are considered. The article provides a critical analysis of the points of view of foreign authors on the mixing of the principles of the functioning of the sharing economy and the cooperative, collaborative activities of companies. Sharing in many foreign publications is often commercialized while ignoring or obscuring its social essence. Sharing ecosystems are equated to the ecosystems of large corporations (financial, bigtechs), which, as the practice of their functioning testifies, lead to monopolization. At the same time, the sharing model, identified with simple cooperation, collaboration, “fits” into the model of a modern market economy. In Russia, ecosystems are created more often on the basis of large banks, and abroad on the basis of bigtechs. The marketplace model plays a significant role in the formation of ecosystems. In Russia, few of the companies operating according to the sharing model manage to create their own ecosystem, especially in the CCE segment.

Keywords: sharing, digital platforms, ecosystems, digital transformation, collaborative consumption/sharing economy, recycling economy, marketplace, marketplace models, network economy, platform monopoly, commercialization, digital technologies

For citation: Avdokushin, E.F. and Kuznetsova, E.G. (2021), “Ecosystems of the sharing economy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 83–100, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-83-100

Расширение сегмента цифровой экономики посредством нарастания процессов цифровой трансформации, оцифровки отраслей национальной и мировой экономики (глобальных цепочек создания стоимости) выдвинуло на первый план цифровые платформы. Цифровые платформы как в теории, так и на практике рассмат-

риваются как технология организации и ведения современного бизнеса, его модель, основанная на развитии цифровых экосистем, интегрирующих различные цифровые платформы. Цифровые бизнес-платформы, будучи результатом развития процесса цифровизации экономики, концентрируют значительный объем новых технологий, представляя ее участникам (владельцам платформ, поставщикам продукции и ее потребителям) доступ к массовому рынку, обеспечивая различными сервисами (фулфилмент, комплайнс) актуальную бизнес-информацию, способствуя снижению транзакционных издержек и повышая его эффективность [Авдокушин 2021]. Цифровые платформы, как правило, фиксируют и архивируют все сделки, проведенные на ней. Поэтому экономические процессы, осуществляемые на базе платформ, являются прозрачными и подверженными анализу.

Цифровая платформа становится новой ступенькой в процессе: информатизация – информационализация – цифровизация – платформизация современной экономики.

Цифровые платформы, как отмечает английский исследователь этих структур Н. Срничек, имеют «уникальные способности “сцепляться” вместе и приумножать сетевые эффекты» [Срничек 2020], образуя системы. Платформенные экосистемы цифровой экономики представляют собой партнерства компаний, осуществляющих тесное взаимодействие принадлежащих им цифровых платформ, интегрируя различные системы, базы больших данных о потребителях и клиентах, деятельности организаций государственной власти. Следует отметить, что платформенные экосистемы могут стать ступенью к этапу перерастания к цифровой монополии, если не осуществлять их соответствующего регулирования. Об этом свидетельствует опыт функционирования экосистем крупных компаний за рубежом и в России (прежде всего финструктур и бигтехов). Тенденция к монополизации, как свидетельствует Н. Срничек, «встроена в ДНК платформ» [Срничек 2020] и тем более заметна в их концентрации в виде экосистем.

Бурное развитие в начале XXI в. платформенной организации экономики способствовало появлению ряда исследований проблемы формирования и развития разного рода бизнес-экосистем: от экосистем маркетплейсов до экосистем так называемых бигтехов. По мнению авторов монографии «Стратегия платформы. Как раскрыть силу сообществ и сетей для развития вашего бизнеса» Лауры и Бенуа Рейлье, экосистемы на базе платформ – это предприятия, которые сочетают бизнес-модели с платформой. Такое сочетание имеет место в крупнейших мировых компаниях, таких как Apple, Google, Microsoft, Amazon, и оно является ключевым фактором

успеха [Reillier, Reillier 2017]. После мирового финансового кризиса 2008 г. всего за 10 лет в десятку крупнейших компаний мира вошли семь компаний, основанных на платформенной модели. Они подверглись серьезной реорганизации с целью включения платформенных бизнес-моделей. Например, экосистема Apple включает бизнес-модели розничной торговли / торговых посредников, затраты – выпуск (межотраслевая модель) и платформенные модели. Последние растут более быстрыми темпами, чем другие составляющие экосистемы Apple [Reillier, Reillier 2017].

Платформенный подход не оставил в стороне и разработки в области исследования модели экономики совместного потребления/использования (ЭСП/ЭСИ) как специфической бизнес-экосистемы. Так, автор статьи «Коллаборативная экономика: причина номер 8, по которой экосистемы – это будущее» Дэвид Киш считает, что экосистемы, представляющие собой самоорганизующиеся целевые сети, будут формироваться на основе потребностей потребителей в различных отраслях. Поэтому понимание экосистемы имеет решающее значение как для бизнес-стратегов, так и для предпринимателей и частных лиц. Экосистемы – это конечная цель разрушительных сценариев и будущее бизнеса [Kish 2015].

В статье «Феномен глобализации экономики совместного использования: программа исследований», опубликованной в журнале “*Journal of International Management*”, резюмируются точки зрения на экосистемы таких авторов, как Янсити, Левиен (2004), Тис (2007), Аднер, Капур (2010), Томас (2014) и др. В результате делается вывод, что экосистемы состоят из заинтересованных сторон вокруг конкретного бизнеса и постоянно развиваются по мере изменения предпочтений клиентов и технологических изменений. Экосистемы рассматриваются как открытые сообщества, состоящие из различных субъектов, таких как прямые поставщики, поставщики дополнительных активов, регулирующие органы, судебная система и исследовательские институты, которые играют разные роли в создании и использовании стоимости. Общим выводом является то, что бизнес-экосистемы являются многообещающей теоретической основой для оценки феномена совместного потребления из-за его более целостного представления о многосторонних сетевых эффектах и участии множества заинтересованных сторон [Parente et al. 2018].

По мнению некоторых французских маркетологов, ЭСП олицетворяет экономический сдвиг, который привел к тому, что развитые экономические сети перешли к более локалистской и коллективистской экосистемной организации, движимой новыми конфигурациями обмена [Ertz, Durif, Arcand 2017, p. 8] (см. рис. 1).

Рис. 1. Платформы шеринговой экономики и основные стейкхолдеры ее бизнес-экосистемы
Источник: Journal of International Management

Развитие экосистем ЭСИ в трактовке ее западных исследователей предстает как динамический процесс, меняющий ЭСИ и ее экосистему вследствие изменения конъюнктуры рынка, предпочтений клиента и потребителя. Так, по мнению Джеффри Хойло, автора статьи «Будущее промышленных экосистем: построенные на платформе и совместной экономике», в основе отраслевых экосистем лежат платформа и ЭСИ. Отраслевые экосистемы – это динамичные образования, которые могут меняться в зависимости от потребностей клиентов и рынка, масштабироваться для удовлетворения объемов и спроса и развиваться, чтобы быть устойчивыми, инновационными и открытыми перед лицом сбоев, конкуренции и изменений.

Сегменты совместного использования в отраслевой экосистеме включают следующее:

- обмен данными и информацией для обеспечения безопасности, сокращение мошенничества, функциональная безопасность и защищенность или новые критически важные инновации, а также межэкосистемная отчетность, например, для обеспечения устойчивости;
- совместное использование новых инновационных приложений для получения данных и аналитики, повышения операционной эффективности или улучшения качества обслуживания клиентов;

- обмен инновационными операциями и опытом, чтобы организации могли оптимизировать и уменьшать свои возможности и возможности для новых продуктов и услуг для удовлетворения потребностей рынка, клиентов и потребителей.

Каждый из элементов будущего отраслевых экосистем на рис. 2 дополняет и усиливает другой, создавая мультипликативный эффект платформы, который приводит к улучшению инноваций, интеллектуальности, клиентскому опыту и доверию [Hojlo 2020] (см. рис. 2).

Рис. 2. Мультипликативный подход к экосистеме ЭСИ

Характерно, что в упомянутой статье Дж. Хойло и во многих зарубежных исследованиях подход к шерингу (ЭСП/ЭСИ) трактуется как сугубо рыночный подход, как разновидность бизнес-модели с элементами ЭСП, такими как коллаборативность, простая кооперация, сетевой характер с упором на ее бизнес-эффективность при фактическом игнорировании социального характера, который изначально закладывался в ее понимание и использование [Авдокушин, Белова 2018]. В исследованиях экосистемы шеринга большинство ее трактовок, в противовес ЭСП/ЭСИ, шеринговая экономика органично вписывается в капиталистическую модель в ее цифровом формате, маркетизируется в форме различных электронных платформ. В качестве примеров шеринговой экономики, в основном как экономики совместного использования, коллаборативной экономики, приводятся компании Amazon, Facebook, Google и др. [Kish 2021]. Эти компании действительно представ-

ляют собой экосистемы, выросшие из центральной платформы и интегрировавшие ряд других платформ, создав соответствующую инфраструктуру с высокой степенью сотрудничества. Однако относить эти компании к модели экономики совместного использования большая натяжка. В данном случае имеет место вертикальная коллаборация, кооперация компаний с коллективно возникшими устремлениями, далекие от идеалов шеринга как экономики совместного потребления/использования. Компании типа Amazon, Google и т. п. – это компании эпохи платформенного цифрового капитализма, склонные к монополии не меньше, чем традиционные корпорации эпохи развитого капитализма. Их глубокое проникновение в современную социальную жизнь не дает существенных оснований относить их к компаниям шеринговой экономики. Они формируют новое качество рынка, когда не производитель приспособливается к спросу, а потребитель. Последний посредством алгоритмических технологий, деятельности маркетологов и пиарщиков хочет то, что навязывает ему производитель, диктующий ему модели поведения, потребления и жизни в целом.

ЭСП – это свобода потребителя, экономика платформенных экосистем, это зачастую диктат производителя, монополизация, управление поведением потребителя. Данный факт уже осознан во многих странах, и ведется борьба с такими экосистемами.

Отождествление шеринга с моделью ЭСИ дает широкие возможности идеологам экосистем использовать модный социальный тренд шеринга, раскручиваемый в западной и восточной научной литературе с конца нулевых XXI в. В связи с этим с теоретической точки зрения надо уточнить предметную область экономики шеринга.

В широком смысле шеринг включает модель ЭСП, а также ЭСИ, как рециркуляционную безотходную экономику, т. е. экономику замкнутого цикла. Если ЭСП – это экономика, в основном нацеленная на оптимизацию потребления ее отдельных элементов в сфере потребления, сродни потребительской кооперации с ярко выраженным социальным характером, то ЭСИ – это сфера шерингового производства, сфера оптимизации хозяйственной системы в целом, где основной характеристикой является коллаборация, кооперация в области вторичного использования, переработки тех или иных материальных невозобновляемых ресурсов. И та и другая модель имеет свой позитивный социальный заряд. Но ЭСП действует в большей степени на микроуровне, а ЭСИ – на макроуровне, т. е. как экономика эффективного использования материальных ресурсов, использования возобновляемых и невозобновляемых ресурсов, индустриальной экологии. Модель ЭСИ в значительной

степени опирается на механизмы действия рециркуляционной безотходной экономики и приобретает самостоятельное значение в рамках развития коллаборативных кооперационных отношений.

Европейская комиссия (ЕК) в 2015 г. определила экономику сотрудничества (*collaborative economy*) как «сложную экосистему услуг по запросу и временному использованию активов, основанную на обмене через онлайн-платформы». По мнению ЕК, инициативы ЭСИ (*sharing economy*) могут стать инструментом для продвижения общих благ, таких как мобильность, благосостояние, городской ландшафт и окружающая среда¹. Развивая данный подход, авторы статьи «Бизнес-модели, экосистемы и общество в экономике совместного использования» рассматривают ЭСИ как социально-экономическую экосистему, которая обычно использует информационные технологии для соединения различных заинтересованных сторон – отдельных лиц, компаний, правительств и других – с целью создания ценности путем совместного использования своих избыточных возможностей для продуктов и услуг [Laamanen et al. 2016].

Следует признать, что некоторые элементы ЭСП/ЭСИ могут быть использованы в решениях платформенных экосистем финансовыми, технологическими гигантами (бигтехами), однако это обстоятельство не дает основания для их отождествления с шеринговой экосистемой. Так, например, ЭСИ как составная часть рециркуляционной экономики стремится реализовать себя как природная экосистема, которая делает материально-энергетические циклы оборота ресурсов замкнутыми. Платформенная экосистема – это корпоративная экосистема с использованием инструментов кооперации, коллаборации, консолидации на основе механизмов слияний и поглощений.

Использование элементов коллаборативных отношений и отождествление этих элементов с шеринговыми отношениями, в особенности с их социальной составляющей, во-первых, приводит к смешению частного и общего, а во-вторых, к размыванию, затушевыванию сути шеринга как прежде всего социально значимого механизма в

¹European Commission (2015). Upgrading the Single Market: more opportunities for people and business [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-550-EN-F1-1.PDF> (дата обращения 31 октября 2021).

Opinion of the European Committee of the Regions – The Local and Regional Dimension of the Sharing Economy (2016/C 051/06) // Official Journal of the European Union, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015IR2698&rid=2> (дата обращения 31 октября 2021).

функционировании современного социума. В-третьих, шеринговые отношения в подобных трактовках предстают как удобный элемент коммерциализации, вписываемый в «незыблемые» принципы рыночной экономики, как элемент платформенного капитализма.

Рассматривая шеринговую экономику как экосистему, зарубежные исследователи общие принципы формирования экосистем переносят на шеринговую экосистему, не придавая особого внимания его определяющей составляющей – социальному характеру, на котором и формируется вся экономика шеринга, его потребительский акцент, упор на экологичность. Так, автор статьи «Рост платформ и цифровых экосистем в экономике совместного использования» Тридип Саха полагает, что экосистемы помогают компаниям стать ближе к клиентам. Экономика совместного использования (sharing economy) стирает границы между отраслями и даже конкурентами и может формировать целые рынки, которые лучше связаны и более эффективны. Взаимосвязанная платформа имеет дополнительную возможность сбора и анализа огромных объемов данных, генерируемых экосистемой, что позволяет использовать более интеллектуальные транзакции и решения, то есть обзоры клиентов и поставщиков, персонализированные рекомендации, предложения и прогнозируемые поставки. Компании либо создают экосистему, либо пытаются стать частью существующей экосистемы [Tridip Saha 2020].

В трактовке авторов статьи «Платформы в одноранговой экономике совместного использования» основные участники экосистемы ЭСИ формируются в следующую структуру (рис. 3).

Рис. 3. Основные участники экосистемы платформы экономики совместного потребления [Wirtz, Kevin Kam Fung So et al. 2019]

По мнению китайских исследователей из Шанхая (Фуданьский университет), экономика совместного использования находится на ранней стадии развития, ее экосистема еще не сформирована в полной мере. Для того чтобы экосистема ЭСИ встала на путь устойчивого развития, китайские специалисты предлагают три направления: согласование обоюдных интересов, сотрудничество для достижения общего успеха и приверженность социальной ответственности [Leung et al. 2019]. Такой подход к формированию экосистемы ЭСИ носит достаточно выраженный социальный характер и приближен к изначальной сути шеринга как социально ориентированной модели развития экономики, в противовес ее сугубо коммерциализированной трактовке. Схематично экосистема в трактовке китайских исследователей выглядит следующим образом (рис. 4).

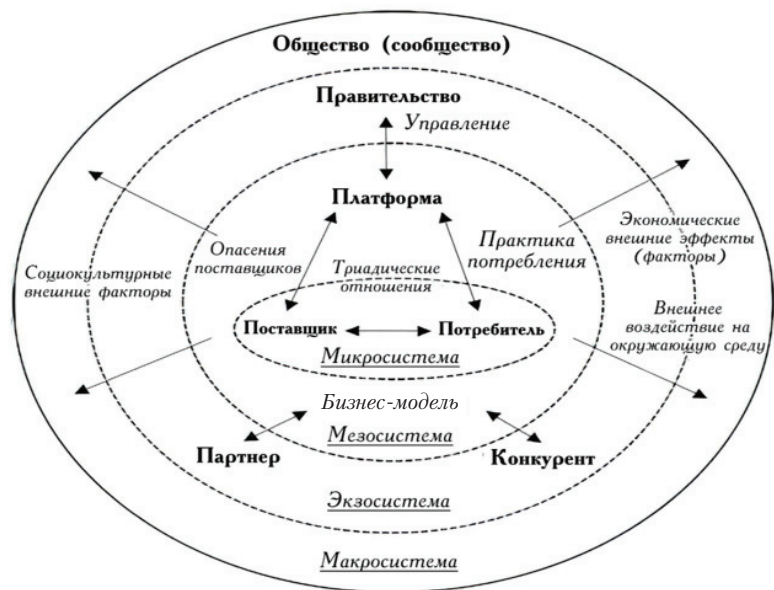

Рис. 4. Место экосистемы в экономике совместного использования

Экономика шеринга – ЭСП/ЭСИ в условиях развития цифровой трансформации современного общества объективно подвержена появлению в ее структурах в той или иной степени развитых платформенных организаций, становящихся основой их формирую-

щихся экосистем. Однако вряд ли все сегменты ЭСП/ЭСИ могут трансформироваться в экосистемы. В сегменте ЭСП, например, одноранговые модели вряд ли способны к созданию подобных образований, да и более сложные системы ЭСП могут в ряде случаев претендовать на создание протоэкосистем. Другое дело – сегмент шеринга ЭСИ, здесь создание экосистем представляется магистральным путем организации и развития этой модели, достаточно сложной и многоликой. И здесь понятно внимание западных исследователей к созданию и использованию экосистем в этой сфере. Однако при этом не следует смешивать элементы простой или сложной кооперации, коллаборации, свойственные бизнес-процессам, с шерингом и соответственно выдавать модели коммерческих платформ (типа Uber, Airbnb, Facebook, «Сбер» и т. п. и т. п.) за экосистемы шеринга. То, что выдается за шеринг (ЭСИ) многими западными исследователями, в большей степени относится к модели рециркуляционной экономики, где ЭСП/ЭСИ предстает как ее составная часть (рис. 5).

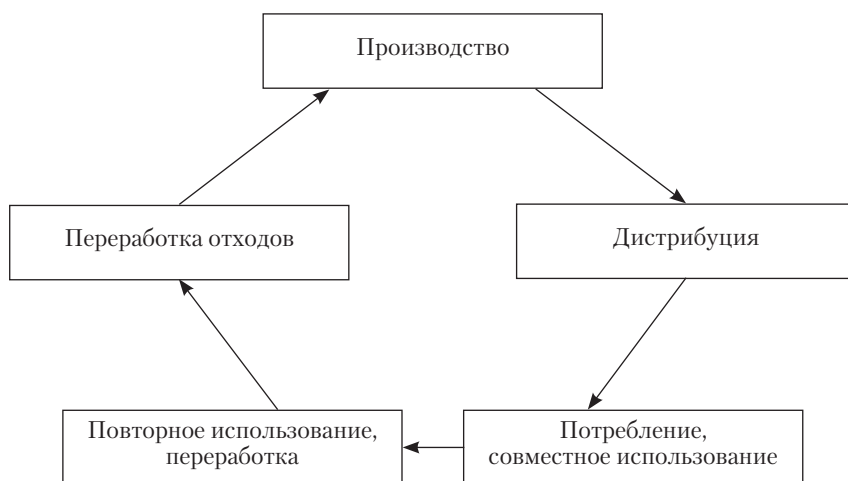

Рис. 5. Модель рециркуляционной экономики
[Рязанова, Золотарева 2021, с. 15]

В рециркуляционной экономике минимизация потребления первичного сырья и объема перерабатываемых ресурсов и неизбежных отходов, отправляемых на уничтожение (захоронение), встает вопрос: а каким образом достигается эта минимизация, как

наиболее эффективно использовать эти ресурсы? И здесь модель ЭСП можно рассматривать как один из путей достижения искомого результата. При этом важным инструментом использования шеринга (ЭСП/ЭСИ) является превращение потребителя в пользователя товара, возвращаемого после периода его использования производителю, который, в свою очередь, на его основе либо создает другой продукт с использованием старых, но сохраняющих потребительскую стоимость элементов, блоков, конструкций и т. п., либо его утилизирует. Этот процесс предполагает трансформацию потребителя в пользователя, ответственного за экологию, окружающую среду, нацеленного на дружественное, бережливое отношение к невозобновляемым ресурсам.

Анализируя публикации российских исследователей в области становления и развития платформенных экосистем, следует констатировать, что основное их внимание привлечено к формированию и функционированию экосистем крупных финансовых организаций («Сбер», ВТБ и др.) и высокотехнологичных компаний, так называемого бигтеха в сфере информационных технологий, электронной торговли, мобильных телесистем. Именно в этих сферах, конкурируя друг с другом, формируются развитые интегрированные экосистемы. В России экосистемы создаются чаще на базе крупных банков, а за рубежом – на основе бигтехов. Заметную роль в формировании экосистем играет модель маркетплейса. По мере развития этой модели, прежде всего в электронной коммерции, ведущие маркетплейсы формируют свои экосистемы, большинство же небольших маркетплейсов, как правило, вливаются в структуру экосистем крупных компаний [Авдокушин 2021]. Соответственно экосистемы рассматриваются российскими исследователями в рамках развития в основном крупного бизнеса. По их мнению, экосистема – это

...система взаимодействия компаний – провайдеров услуг, регуляторов, потребителей, включающая в себя как конкуренцию, так и сотрудничество с целью предоставления пользователю того или иного сервиса. <...> Преимущества от использования экосистемы получают не только ее участники, но и потребители, которые, безусловно, могут рассчитывать на различные льготы, доступные им лишь при взаимодействии партнеров [Радюкова и др. 2019, с. 29–38].

Данный подход разделяет и российский исследователь В.И. Сильванович. Он отмечает, что крупнейшие цифровые платформы «связаны друг с другом различными уровнями интеграции, функциональной совместимости, совместного использования

данных и открытости и, по существу, являются проприетарными экосистемами» [Сильванович 2019].

В России функционирует ряд крупных цифровых экосистем – «Яндекс», «Сбер», Mail.ru Group и др. Среди них безусловным лидером является «Яндекс», на который приходится 57% общей выручки трех указанных экосистем, 87 сервисов, в то время как на «Сбер» и Mail.ru Group – соответственно 60 и 30 собственных и приобретенных сервисов². Небольшие сервисы, работающие по модели шеринга, например «ДомКлик», «Беру!», ДосДос, находятся в рамках экосистемы «Сбера».

Маркетплейсы, получившие повсеместное распространение в модели функционирования современного бизнеса [Авдокушин 2021], использующие инструменты кооперации, шеринга, придерживаются, как правило, трех бизнес-моделей с той или иной степенью развитости их экосистем.

Первая модель предполагает, что весь полученный от производителя товар хранится на складах маркетплейса (собственных или арендованных). Информация о товарах поставщиков размещается на электронной витрине маркетплейса, а сами товары хранятся на его складах. Эта модель активно используется в России. Вторая модель – это когда информация о товарах поставщиков размещена на онлайн-витрине маркетплейса, но физически она хранится на складе у поставщика. Такую модель использует AliExpress, дочерняя компания китайской Alibaba, а также маркетплейс Goods.

Третья модель работы маркетплейсов – это модель, использующая элементы первой и второй бизнес-схем. Маркетплейсы демонстрируют те или иные товары поставщика на своих электронных витринах, а сами товары хранятся на складах как маркетплейса, так и поставщиков. Смешанная форма маркетплейса характерна как для его специализированных форм, так и для комплексных платформ. В мировой практике этой модели придерживается такой интернет-гигант, как Amazon, в России – компания Ozon.

В процессе формирования маркетплейсов среди них выделяются универсальные, которые привлекают и реализуют достаточно широкий перечень товаров на основе развитой экосистемы. В России это Wildberries, Ozon, Яндекс-Маркет, а также специализированные маркетплейсы, например Citilink (электроника и техника), Lamoda (одежда, обувь, аксессуары), Arteka.ru и другие. К числу специализированных маркетплейсов можно отнести и отраслевые электронные торговые компании «Северсталь», «Газпром» и др.

² Соколов А. Экосистемный взгляд // Ведомости. 2021. 24 февр.

Экосистемы небольших маркетплейсов более специализированы в отличие от банковских структур и бигтехов. На их платформах потребитель не будет искать билеты, кредиты, квартиры и другие услуги. Для этого есть специализированные электронные платформы со своей экосистемой, действующие вне интегрированных платформ крупных компаний. Однако процесс консолидации, поглощения небольших экосистем способствует постепенно тому, что крупнейшие банки и бигтехи будут конвергировать, сращиваться, поглощая или вступая в альянсы с независимыми маркетплейсами либо с сервисами, входящими в другие экосистемы, формируя широкие интегрированные монополистического типа экосистемы.

При анализе экосистем российские исследователи, акцентируя свое внимание на экосистемах крупных компаний, мало внимания обращают на формирование платформенных экосистем шеринга (ЭСП/ЭСИ). Это объясняется, во-первых, относительной неразвитостью использования этой модели в России. Российский рынок шеринга заметно отстает в масштабах и уровне интеграции различных сервисов от китайского и американского – стран-лидеров в области цифровизации экономики. Во-вторых, несмотря на развитие некоторых разновидностей цифровых платформ, прежде всего маркетплейсов, наиболее развитые экосистемы создаются, как отмечалось выше, в сфере финансов (крупными банками) и высокотехнологичными компаниями (бигтехами). И те и другие конкурируют друг с другом, стремятся монополизировать значительную долю рынка услуг, перестроить правила функционирования рынков в целом, в некоторых случаях пытаются действовать независимо от государства. Естественно, эти действия привлекают внимание различных аналитиков и государственных регуляторов.

Российские компании, работающие в системе ЭСП, как правило, включаются в структуры экосистем крупных компаний, становящихся в той или иной степени их функциональным звеном, либо действуют самостоятельно, но без формирования развитой экосистемы. Примером могут служить краудфандинговые интернет-площадки, обеспечивающие привлечение средств в малый и средний бизнес. С 1 июля 2021 г. на рынке краудфандинга могут оперировать только площадки, включенные в реестр Банка России (41 оператор на середину 2021 г.). Эти краудфандинговые инвест-платформы действуют пока самостоятельно, без создания своих экосистем. Для их создания необходимо время, чтобы сформировать пул качественных заемщиков (на практике у многих из них наблюдается рост просроченной задолженности), создать систему оценки рисков заемщиков, системы скоринга и методики

андеррайтинга. Есть и ряд других примеров по функционированию компаний по модели шеринга. Однако они точечны, фрагментированы и не представляют масштабной структуры. Поэтому мало кому из российских компаний, действующих по модели шеринга, удастся создать свою экосистему, в особенности в сегменте ЭСП. В сегменте ЭСИ их удел, в основном – вхождение в состав экосистем крупных компаний. Как нам представляется, будущее экосистем в России, их создание наиболее перспективно в сегменте ЭСИ, хотя отдельные экосистемы могут формироваться и использоваться в сегменте ЭСП.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00180 «а».

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-010-00180 “a”.

Литература

- Авдокушин 2021 – *Авдокушин Е.Ф.* развитие цифровых платформ в современной экономике // Вопросы новой экономики. 2021. № 2. С. 4–13.
- Авдокушин, Белова 2018 – *Авдокушин Е.Ф., Белова Л.Г.* Экономика совместного потребления – формирующийся сегмент новой экономики. Ч. 1 // Вопросы новой экономики. 2018. № 2. С. 4–14.
- Радюкова и др. 2019 – *Радюкова Я.Ю., Архипова Ю.К., Сутягин В.Ю., Колесниченко Е.А.* Развитие экосистем в современной экономике: возможности и последствия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 6. С. 29–38.
- Рязанова, Золотарева 2021 – *Рязанова О.Е., Золотарева В.П.* Циркулярная экономика: Учеб. пособие. М.: Кнорус, 2021. 118 с.
- Сильванович 2019 – *Сильванович В.И.* Экосистема цифровых технологий и векторы цифровой трансформации экономики и общества: теоретические положения // Цифровая экономика – экономика будущего: исторические предпосылки, правовая основа и экономический эффект: Сб. ст. Междунар. научно-практ. конф. Минск, 28 февраля 2019. Минск, 2019. С. 87–90.

- Срничек 2020 – *Срничек Н.* Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. 2-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 128 с.
- Ertz, Durif, Arcand 2017 – *Ertz M., Durif F., Arcand M.* An analysis of the origins of collaborative consumption and its implications for marketing // *Academy of Marketing Studies Journal*. 2017. Vol. 21. № 1. P. 1–17.
- Hojlo 2020 – *Hojlo J.* The Future of Industry Ecosystems: Built on the Platform and Sharing Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.idc.com/2020/09/23/the-future-of-industry-ecosystems-built-on-the-platform-and-sharing-economy/> (дата обращения 31 октября 2021).
- Kish 2015 – *Kish D.* The Collaborative Economy: No 8 Reason Ecosystems Are the Future [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thenextevolution.com/2015/06/01/the-collaborative-economy-no-8-reason-ecosystems-are-the-future/> (дата обращения 31 октября 2021).
- Kish 2021 – *Kish D.* What Platforms Innovators Underestimate (Part 2) – Ecosystem Intent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thenextevolution.com/2021/06/13/what-platform-innovators-underestimate-part-2-ecosystem-intent/> (дата обращения 31 октября 2021).
- Laamanen et al. 2016 – *Laamanen T., Pfeffer J., Ke Rong, Van de Ven A.* Business Models, Ecosystems, and Society in the Sharing Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.5465/amd.2016.0037> (дата обращения 31 октября 2021).
- Xi Y. Leung et al. 2019 – *Leung Xi Y., Lan Xue, Han Wen.* Framing the sharing economy: Toward a sustainable ecosystem // *Tourism Management*. 2019. Vol. 71. P. 44–53 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261517718302358?via%3Dihub> (дата обращения 31 октября 2021).
- Parente et al. 2018 – *Parente R.C., José-Mauricio G.G., Ke Rong.* The Sharing Economy Globalization Phenomenon: A Research Agenda // *Journal of International Management*, 2018. Vol. 24. P. 52–64.
- Reillier, Reillier 2017 – *Reillier L.C., Reillier B.* Platform Strategy: how to unlock the power of communities and networks to grow your business. Routledge, 2017. 240 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazon.com/Platform-Strategy-Communities-Networks-Business/dp/1472480244> (дата обращения 31 октября 2021).
- Tridip Saha 2020 – *Tridip Saha.* The Rise of Platforms and Digital Ecosystems in the ‘Sharing Economy’ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.technologymagazine.com/ai/rise-platforms-and-digital-ecosystems-sharing-economy> (дата обращения 31 октября 2021).
- Wirtz, Kevin Kam Fung So et al. 2019 – *Wirtz J., Kevin Kam Fung So et al.* Platforms in the peer-to-peer sharing economy // *Journal of Service Management*. 2019. Vol. 30. № 4. P. 452–483 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JOSM-11-2018-0369/full/html> (дата обращения 31 октября 2021).

References

- Avdokushin, E.F. (2021), "Development of digital platforms in the modern economy", *Issues of the New Economy*, no. 2, pp. 4–13.
- Avdokushin, E.F. and Belova, L.G. (2018), "The sharing economy is an emerging segment of the new economy", part 1, *Issues of the New Economy*, no. 2, pp. 4–14.
- Kish, D. (2015), *The Collaborative Economy: No 8 Reason Ecosystems Are the Future*, available at: <https://www.thenextevolution.com/2015/06/01/the-collaborative-economy-no-8-reason-ecosystems-are-the-future/> (Accessed 31 October 2021).
- Kish, D. (2021), "What Platforms Innovators Underestimate (Part 2) – Ecosystem Intent", available at: <https://www.thenextevolution.com/2021/06/13/what-platform-innovators-underestimate-part-2-ecosystem-intent/> (Accessed 31 October 2021).
- Radyukova, Ya.Yu., Arkhipova, Yu.K., Sutyagin, V.Yu. and Kolesnichenko, E.A. (2019), "Development of ecosystems in the modern economy. Opportunities and consequences", *Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*, vol. 9, no. 6, pp. 29–38.
- Ryazanova, O.E. and Zolotareva, V.P. (2021), *Tserkulyarnaya ekonomika* [Circular economy. Study Guide], Knorus, Moscow, Russia.
- Hojlo, J. "The Future of Industry Ecosystems: Built on the Platform and Sharing Economy", available at: <https://blogs.idc.com/2020/09/23/the-future-of-industry-ecosystems-built-on-the-platform-and-sharing-economy/> (Accessed 31 October 2021).
- Ertz, M., Durif, F. and Arcand, M. (2017), "An analysis of the origins of collaborative consumption and its implications for marketing", *Academy of Marketing Studies Journal*, vol. 21, no. 1, pp. 1–17.
- Wirtz, J., Kevin Kam Fung So et al. (2019), "Platforms in the peer-to-peer sharing economy", *Journal of Service Management*, vol. 30, no. 4, pp. 452–483, available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JOSM-11-2018-0369/full/html> (Accessed 31 October 2021).
- Reillier, L.C. and Reillier, B. *Platform Strategy: how to unlock the power of communities and networks to grow your business*, Routledge, London and New York, available at: <https://www.amazon.com/Platform-Strategy-Communities-Networks-Business/dp/1472480244> (Accessed 31 October 2021).
- Parente, R.C., José-Mauricio, G.G. and Ke Rong (2018), "The Sharing Economy Globalization Phenomenon: A Research Agenda", *Journal of International Management*, vol. 24, pp. 52–64.
- Silvanovich, V.I. (2019), "Ecosystem of digital technologies and vectors of digital transformation of the economy and society. Theoretical provisions", *Tsifrovaya ekonomika – ekonomika budushchego: istoricheskie predposylki, pravovaya osnova i ekonomicheskii effect*, Sb. st. mezhdunar. nauchno-praktich. konf. Minsk, 28 fevralya 2019 [The digital economy is the economy of the future. Historical premise, legal basis and economic impact], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41660071> (Accessed 31 October 2021).

- Srnicek, N. (2020), *Platform Capitalism*, tr. from English and scientific ed. by M. Dobryakova, 2 nd ed., Izd. dom VShE, Moscow, Russia.
- Laamanen, T., Pfeffer, J., Ke Rong, and Andrew Van de Ven (2016), *Business Models, Ecosystems, and Society in the Sharing Economy*, available at: <https://doi.org/10.5465/amd.2016.0037> (Accessed 31 October 2021).
- Tridip Saha. "The Rise of Platforms and Digital Ecosystems in the 'Sharing Economy' ", available at: <https://www.technologymagazine.com/ai/rise-platforms-and-digital-ecosystems-sharing-economy> (Accessed 31 October 2021).
- Xi Y. Leung, Lan Xue and Han Wen (2019), "Framing the Sharing Economy: Toward a Sustainable Ecosystem", available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261517718302358?via%3Dihub> (Accessed 31 October 2021).

Информация об авторах

Евгений Ф. Авдокушин, доктор экономических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1; aef2005@yandex.ru

Елена Г. Кузнецова, кандидат экономических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1; elez.elena@gmail.com

Information about the authors

Evgenii F. Avdokushin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; aef2005@yandex.ru

Elena G. Kuznetsova, Cand. of Sci. (Economics), Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; elez.elena@gmail.com

Методологические аспекты изучения инновационной инфраструктуры

Ирина Г. Павлова

*Белгородский технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, Россия, 79803294873@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен анализ инновационной инфраструктуры с точки зрения ее методологической основы, который включает в себя рассмотрение особенностей трактования данного понятия, приведены свойства и элементы комплекса взаимозависимых структур инновационной деятельности. Отражается необходимость формирования такой инновационной инфраструктуры, которая впоследствии даст толчок не к экстенсивному развитию экономики (трансформация количественных параметров в целях расширенного воспроизводства как финансовых, так и материальных ресурсов), а целенаправленно к инновационному (быстро изменяющиеся темпы совершенствования жизнедеятельности людей способствуют ускорению вызова к качеству предоставляемых товаров и услуг, их диверсификации – создание и формирование технопарков, технополисов и производства, основой богатства которых являются интеллектуальная продуктивность и капитал). Также исследованы структура и составляющие, представлен функционал инновационной инфраструктуры в разрезе трех позиций, выделены основные подходы к исследованию текущего процесса. Представленный анализ позволил прийти к выводу о том, что инновации – связующее цивилизованное звено между компаниями. Центральная проблема сегодня – образование аргументов инновационного образа действия всех субъектов экономики и расширение их совместного осуществления с сектором исследований и методразработок с поддержкой на выработанную инновационную инфраструктуру.

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, инновационное развитие, трансфер технологий

Для цитирования: Павлова И.Г. Методологические аспекты изучения инновационной инфраструктуры // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 101–110. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-101-110

Methodological aspects of studying innovation infrastructure

Irina G. Pavlova

*Shukhov Belgorod State Technological University,
Belgorod, Russia, 79803294873@mail.ru*

Abstract. The author analyzes the innovation infrastructure from the point of view of its methodological basis, with consideration of the features for the concept interpretation; besides he gives the properties and elements of the complex of interdependent structures in innovation activity. The article reflects the need to form such an innovative infrastructure, which will subsequently give an impetus not to extensive economic development (transformation of quantitative parameters in order to expand the reproduction of both the financial and material resources), but to purposefully innovative one (rapidly changing rates of improvement in people's life contribute to accelerating the demand for the quality of goods and services provided and for their diversification – creation and formation of technoparks, technopolises, the production facilities, of which the basis is intellectual productivity and capital). The structure and components are also studied, the functionality of the innovation infrastructure is presented in the context of three positions, the main approaches to the study of the current process are highlighted. The presented analysis allowed drawing a conclusion that innovation is a link between companies in a civilized way. Today the central issue is the formation of arguments for the innovative way of action of all economic entities and the expansion of their combined implementation with the research and development sector with support for the developed innovative infrastructure.

Keywords: innovative infrastructure, innovative development, technology transfer

For citation: Pavlova, I.G. (2021), "Methodological aspects of studying innovation infrastructure", *RSUH/RGGU Bulletin "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 101–110, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-101-110

Любой механизм не будет функционировать в полной мере при условии, если будет отсутствовать или недостаточно отражен какой-либо элемент; описанный процесс имеет отражение непосредственно в любой сфере деятельности, в частности в экономической. Так, например, наиболее актуальной проблемой в течение большого промежутка времени является повышение уровня экономического развития. В свою очередь перспективное направление по реализации данной цели – разработка обновлен-

ной инновационной экономики. Это возможно осуществить с помощью ее основного элемента, а именно благодаря инновационной инфраструктуре.

В настоящее время имеет отражение значительное количество подходов к трактованию инфраструктурного оснащения. Необходимо в первую очередь выделить базисное определение данного понятия – это совокупность скоординированных структур, основной функцией которых являются обслуживание и осуществление надзора по упорядочиванию этих координаций [Малыхина, Брежнев, Божков 2019].

Построение инновационной инфраструктуры происходит с использованием конкретных организаций, чья деятельность непосредственно связана с инновационными процессами¹. Поэтому инновационная инфраструктура – взаимосвязь между организациями, в последующем предполагающая реализацию инновационной деятельности на различных уровнях структурирования, таких как макро- и микроуровни [Дорошенко, Ряпухина 2019].

Особое внимание следует уделить именно методологическим аспектам изучения инновационной инфраструктуры, которые обеспечивают действенную работу инновационных процессов. Это также ключевой фактор, функцией которого является подготовка к приспособлению экономики к быстро развивающимся технологиям и продуцированию, сформированному на базе интегративного и долгосрочного прессинга между инновационной сферой и рынком [Суховой 2013].

Как известно, мировая практика обладает ценным опытом образования инновационной инфраструктуры и определенных ее элементов. При этом стоит выделить, что государственное участие в данном процессе весомо, так как в разных странах применяются абсолютно различные методы и формы такого воздействия. Помимо существующих отличий можно проследить следующие общие принципы, такие как:

- 1) основоположник формирования инновационной инфраструктуры – государство. Его функции заключаются в организации правовых, организационных и экономических условий и конструкций, которые в свою очередь позволят замотивировать участников процесса вовлекаться в инновационный бизнес, результат которого – получение дохода;

¹Инновационная инфраструктура предприятия [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnik.ru/innovacionnyu_menedzhment/innovacionnaya_infrastruktura_predpriyatiya/ (дата обращения 28 января 2021).

- 2) применяется системный подход, который заключается в получении и обработке знаний государством в целях проведения без нарушения следующего пути: начиная с научных исследований до внедрения инноваций, где данные знания выступают как ключевые элементы, на рынке как интеллектуальной собственности, так и наукоемких товаров и услуг [Кошелева 2013].

В частности, можно сказать, что сама по себе инновация обеспечивает весомый прорыв, значительную трансформацию от старого к новому. Первостепенными свойствами инновации выделяют научно-техническую новизну, производственную специализированность, возможность соответствовать ожиданиям рыночному спросу, средство получения прибыли и отражение социально-экономической результативности. С позиции А.А. Мешкова, инновация представляет собой структурированный процесс, развитие которого происходит благодаря определенным законам, которые переплетены с базовыми элементами социальных систем, в будущем в корне преобразуют структуру². Специалист в области социологии инноваций Н.И. Лапин в своих трудах отражает многогранность трактовки понятия «инновация».

Инновация или нововведение, есть процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой или лучшего удовлетворения уже известной потребности людей, общества; одновременно это есть процесс сопряженных с данным обществом изменений в той социокультурной и вещественной среде, в которой совершается жизненный цикл инноваций³.

Автор акцентирует внимание на таких стадиях жизненного цикла инноваций, как программа, анализ, углубление, увеличение производства, продвижение инноваций на рынок, рутинизация объекта. Поэтому очень важно именно поддержание активного сотрудничества с внешней средой. По мнению О.В. Чистяковой,

...инновационная деятельность изображает объединение научных, технологических, координационных, материальных и негосударствен-

²Мешков А.А. Основные направления исследования инновации в американской социологии // Социологические исследования = СОЦИС. 1996. № 5. С. 117–128.

³Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: Учеб. пособие. М.: Университетская книга: Логос, 2008. 328 с.

ных мероприятий, имеющих вектор на коммерциализацию аккумулированных знаний, технологий и исследований⁴.

Если рассматривать строение инновационной инфраструктуры, то можно ее охарактеризовать как комплекс организаций, различающихся по определенным показателям. По функциональному признаку инновационная инфраструктура представлена в виде трех функций: координационной, системообразующей и инновационной.

Исходя из Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»

...инновационная инфраструктура – совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг⁵.

Ученые, исследуя данную тему, не пришли к единой интерпретации инновационной инфраструктуры. Следовательно, существуют следующие подходы к трактовке данного термина:

- системный;
- комплексный;
- структурно-функциональный.

Системный подход – подход, в основе которого лежит анализ инновационной инфраструктуры как системы (О.С. Аванесян, В.С. Кортов, Ж.Ю. Уланова). С точки зрения Ж.Ю. Улановой,

инновационная инфраструктура есть структура скоррелированных и комплементарных организаций всевозможной ориентации и разнообразных организационно-правовых форм, хронология их коммуникации, которые гарантируют воплощение в жизнь этапов инно-

⁴Чистякова О.В. Формирование и развитие инновационной инфраструктуры предпринимательства на мезоуровне, теория, методология и практика: Дис. ... д-ра экон. наук [Электронный ресурс]. URL: http://www.istu.edu/docs/science/2014/gefence/chistjakova_dis.pdf (дата обращения 1 февраля 2021).

⁵Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения 1 февраля 2021).

вационного процесса, берущие начало с технологического овладения выработанной научной разработки⁶.

В то же время при анализе инновационной инфраструктуры необходимо брать во внимание принципы единства, взаимосовместимости, функционально-структурной организации системности, организованности, распространенности.

Следующий подход – комплексный (О.В. Балакирева, А.Н. Мярин, А.В. Ширяев, А.А. Эдилерская), его особенность заключается в том, что все оценивается как комплекс в целом. Стоит отметить высказывание А.Н. Мярина:

...инновационная инфраструктура есть сочетание организационных и экономических институтов, в первую очередь создающих среду внедрения инновационных процессов хозяйствующими субъектами на базе принципов финансовой продуктивности национальной экономики и ее экономических субъектов⁷.

Завершающий подход – структурно-функциональный (Г.С. Гамидов, И.Г. Дежина, Т.А. Исмаилов, В.Г. Колосов, Н.А. Маренков, Н.О. Османов, Б.Г. Салтыков, М.А. Хачеян), где инновационная инфраструктура представляет собой определенную цепь статических элементов, реализующих фиксированные функции. Речь идет о таких функциях, как гарантирующая, мотивационная, объединяющая. В силу функционального подхода появляется возможность оценивать составляющие инновационной инфраструктуры, позволяющие в итоге разрабатывать, вводить и применять инновации.

Анализируя вышеизложенный материал, необходимо дать обобщенное понятие инновационной инфраструктуры. Итак, роль инновационной инфраструктуры велика, но при этом важно, чтобы она была в виде объединенного сетчатого формообразования, главная функция которого отражалась в мультипликации не на краткосрочной основе инновационного развития, например, относительно региона с помощью инструментов рассеивания инноваций. Таким образом, происходит процесс концентрации всех организаций и подразделений инновационной инфраструктуры в единую четко сформулированную систему, где они имеют свое территориальное

⁶ Уланова Ж.Ю. Теоретические основы формирования и развития инновационной структуры. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004.

⁷ Мярин А.Н. Проблемы и перспективы развития субъектов инновационной инфраструктуры на территории Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. 2006. № 3 (43). С. 44–47.

отражение в разных частях региона [Павлова 2019]. Причем важно проследить особенность, которая выражается в процессе интеграции: операция осуществляется в двух формах – горизонтальной и вертикальной.

На сегодняшний день существует большое разнообразие группировки на подсистемы и отличительные черты направления объектов инновационной инфраструктуры по данным подсистемам [Бережная, Павлова, Сотникова 2019]. В особенности часто встречается инновационная инфраструктура, охватывающая составляющие, представленные на рис. 1.

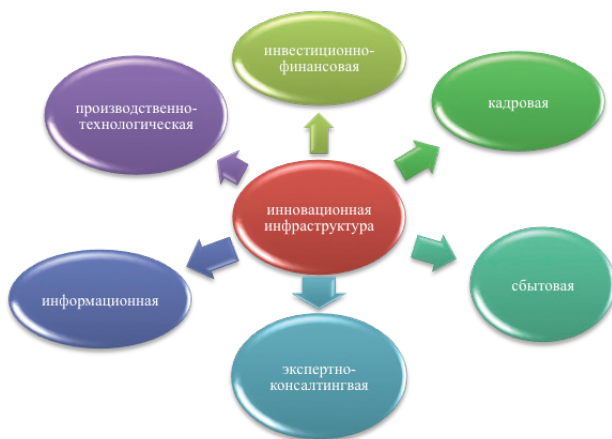

Рис. 1. Составляющие инновационной инфраструктуры⁸

Целесообразно в ходе анализа инновационной инфраструктуры проследить движение ее элементов по траектории следующим курсам:

- 1) поддержка, выражающаяся в движении инноваций, применяемая относительно к инновационным предприятиям;
- 2) конструирование и формирование необходимых условий для изучения нововведений, а также активное участие во внедрении эффекта от научных исследований в хозяйственный оборот и рассмотрение возможности технологического совершенствования разработок;

⁸Ватаман И.В. Инновационная инфраструктура: проблемы и тенденции развития // Проблемы современной экономики: Материалы VI Международ. науч. конф. Казань, август 2017 г. Казань: Молодой ученый, 2017. С. 15–18.

3) содействие в дальнейшем онтогенезе технологий, помощь при введении инновационных продуктов на различных предприятиях [Малыхина, Бережная 2019].

Современной российской экономике присуще наличие следующих признаков: трансформация к инновационно-ориентированной модели развития экономики, эластичность и наличие богатого багажа знаний и компетенции для введения инноваций. Следовательно, данный процесс внедрения позволит модифицировать в лучшую сторону качество выпускаемых товаров и услуг, но при этом также служить подспорьем для перехода к инновационному типу развития [Павлова, Сотникова 2021].

Российская экономика в наши дни, а особенно сейчас, в период COVID-19, особо остро ощущает на себе быстроизменяющиеся условия во всех сферах жизни людей. Это касается не только российской экономики, но и экономики всех остальных стран. Можно сказать, что уже видны последствия этой пандемии: во-первых, уровень ВВП в России сократился в разы, например, в 2019 г. он составлял 109 трлн 193,2 млрд рублей, в 2020 г. – 106 трлн 606,6 млрд рублей. Самым неожиданным событием прошлого года стало падение цены поставочных контрактов на нефть марки WTI до отрицательных значений. Карантин в России и в других странах привел к беспрецедентному ослаблению спроса на нефть. Поэтому в тот момент на фондовом рынке произошли активные покупки. Обвал был выкуплен в короткие сроки. Долларовый индекс продемонстрировал отрицательную динамику, индекс МосБиржи инноваций в 2020 г. составил 15,92 рублей.

Таким образом, развитие инновационной деятельности возможно в том случае, если инфраструктура будет иметь симбиоз объектов и субъектов инновационной деятельности, в который входит оказание услуг по формированию и внедрению инновационной продукции. Но при этом инновационная система должна характеризоваться положительной нормативно-правовой базой и продуктивной системой вывода на рынки продукции инновационных предприятий.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (FZWN – 2020-0016).

Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia (FZWN – 2020-0016).

Литература

- Бережная, Павлова, Сотникова 2019 – *Бережная А.В., Павлова И.Г., Сотникова А.А.* Оценка и перспективы развития инвестиционно-инновационного потенциала Белгородской области // *Пространственное развитие территорий: Сб. науч. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. г. Белгород, 28 ноября 2019 г.* / Отв. ред. Е.А. Стряжкова. Белгород: Эпицентр, 2019. С. 42–50.
- Дорошенко, Ряпухина 2019 – *Дорошенко Ю.А., Ряпухина В.Н.* Анализ региональных моделей инновационного развития в контурах политики неоиндустриализации // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета.* 2019. № 4 (78). С. 47–51.
- Кошелева 2013 – *Кошелева Т.Н.* Инновационная инфраструктура как важнейшая предпосылка развития малого предпринимательства в условиях становления национальной инновационной системы // *European Social Science Journal.* 2013. № 6 (34). С. 407–414.
- Малыхина, Бережная 2019 – *Малыхина И.О., Бережная А.В.* Анализ принципов организации и способов стимулирования инновационной деятельности регионов // *Белгородский экономический вестник.* 2019. № 2 (94). С. 57–61.
- Малыхина, Брежнев, Божков 2019 – *Малыхина И.О., Брежнев А.Н., Божков Ю.Н.* Влияние инфраструктурной поддержки на формирование и стимулирование инновационно-инвестиционных источников экономического развития региона // *Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики».* 2019. № 2. С. 131–134.
- Павлова 2019 – *Павлова И.Г.* Анализ динамики развития инновационной инфраструктуры в Белгородской области // *Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований: Сб. докл. Всерос. научно-практич. конф. научно-педагогических работников общего и профессионального образования.* Орёл: ОрелГУЭТ, 2019. С. 45–49.
- Павлова, Сотникова 2021 – *Павлова И.Г., Сотникова А.А.* Strategy for implementing the innovative development trajectory of regional economic systems in the context of neo-industrial challenges // *IV Međunarodna naučna konferencija. Regionalnira zvoji prekopograničnasaradnja, Pirot, januar 2021.* С. 349–355.
- Суховой 2013 – *Суховой А.Ф.* Инновационная инфраструктура как инструмент развития социально-экономической системы региона // *Экономика региона.* 2013. № 2 (34). С. 120–132.

References

- Berezhnaya, A.V., Pavlova, I.G. and Sotnikova, A.A. (2019), "Assessment and development prospects of the investment and innovation potential of the Belgorod region", *Prostranstvenno razvitie territorii: sbornik nauchnyh trudov II Mezhduнародnoi nauch.-prakt. konf., g. Belgorod, 28 noyabrya 2019 g.* [Spatial development of ter-

- ritories. Coll. of scientific work. Proceedings of the II Intern. scientific-practical conf. Belgorod, November 28, 2019], Stryabkova, E.A. (ed.), Epitsentr, Belgorod, Russia, pp. 42–50.
- Doroshenko, Yu.A. and Ryapuhina, V.N. (2019), “Analysis of regional models of innovative development in the contours of neo-industrialization policy”, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 4 (78), pp. 47–51.
- Kosheleva, T.N. (2013), “Innovative infrastructure as the most important prerequisite for the development of small business in the context of the formation of a national innovation system”, *European social science journal*, no. 6 (34), pp. 407–414.
- Malykhina, I.O. and Berezhnaya, A.V. (2019), “Analysis of the principles of organization and ways to stimulate the innovation in the regions”, *Belgorodskii ekonomicheskii vestnik*, no 2 (94), pp. 57–61.
- Malykhina, I.O., Brezhnev, A.N. and Bozhkov, Yu.N. (2019), “Impact of the infrastructural support upon the formation and stimulation of innovative investment sources for the regional economic growth”, *Eurasian international scientific and analytical journal “Problems of the Modern Economy”*, 2019. no. 2, pp. 131–134.
- Pavlova, I.G. (2019), “Analysis of the development dynamics of innovative infrastructure in the Belgorod region”, *Aktual'nye aspekty fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy: sb. dokl. Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov obshchego i professional'nogo obrazovaniya* [Current aspects of the fundamental and applied research. Collection of reports of the All-Russian scientific and practical conference for scientists and teachers in general and vocational education], OrelGUET, Orel, Russia, pp. 45–49.
- Pavlova, I.G. and Sotnikova, A.A. (2021), “Strategy for implementing the innovative development trajectory of regional economic systems in the context of neo-industrial challenges”, *IV Medunarodna naučna konferencija. Regionalnirazvojiprekogranichnas aradnja, Piro, januar 2021*, pp. 349–355.
- Sukhovei, A.F. (2013), “Innovative infrastructure as a tool for the development of the socio-economic system of the region”, *Ekonomika regiona*, 2013, no. 2 (34), pp. 120–132.

Информация об авторе

Ирина Г. Павлова, аспирант, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия; 308012, Россия, Белгород, ул. Костюкова, д. 46; 79803294873@mail.ru

Information about the author

Irina G. Pavlova, post-graduate student, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia; bld. 46, Kostyukova Street, Belgorod, Russia, 308012; 79803294873@mail.ru

УДК 336.71

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-111-122

Банковская система России: региональный аспект

Анна В. Осиповская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Remizav14@gmail.com*

Аннотация. В статье дается оценка состояния банковской системы России в региональном разрезе. Исследование проводится на основе анализа ряда социально-экономических показателей, предложенных в одной из методик оценки региональной банковской системы.

В работе приведены и рассчитаны данные по федеральным округам, включающие показатели институционального развития и характеристики деятельности банков, такие как величина активов, доля активов в ВРП, кредиты в экономике. На основе анализа полученных показателей выделены особенности, присущие банковской системе на современном этапе.

Ключевые слова: банковская система, региональная банковская система, институциональные характеристики, оценка уровня развития

Для цитирования: Осиповская А.В. Банковская система России: региональный аспект // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 111–122. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-111-122

Banking system of Russia. Regional aspect

Anna V. Osipovskaya

*Russian state University for the Humanities, Moscow, Russia,
Remizav14@gmail.com*

Abstract. The article provides an assessment of the state of the Russian banking system in the regional context. The study is carried out on the basis of an analysis of a number of socio-economic indicators proposed in one of the methods for assessing the regional banking system. The paper presents and calculates data for federal districts, including indicators of institutional development and characteristics of banks' activities, such as the value of assets, the share of assets in GRP, loans to the economy. Based on the analysis of the obtained indicators, the features inherent in the banking system at the present stage are highlighted.

© Осиповская А.В., 2021

Keywords: banking system, regional banking system, institutional characteristics, assessment of the level of development

For citation: Osipovskaya, A.V. (2021), "Banking system of Russia. Regional aspect", RSUH/RGGU Bulletin. "Economy. Management. Right" Series, no. 4, pp. 111–122, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-111-122

Исследованию отечественной банковской системы посвящено много работ (Г.Г. Фетисов, О.Г. Солнцев, Г.Н. Белоглазова, Лейзин и другие). Авторы анализируют состояние и развитие банковской системы на основе функциональных показателей и институциональных характеристик, влияние глобализации, кризисов, санкций [Белоглазова 2011; Лейзин, Неуструева 2019]. Значительно меньше внимания уделяется вопросам функционирования региональных банковских систем. Здесь сложились два направления исследований: анализ банковского сектора конкретного региона [Смирных 2015; Спиратто 2018; Евгенова, Фещенко 2020] и подходы к оценке состояния и значения региональной банковской системы [Вишняков 2019]. Комплексный подход к анализу развития региональной банковской системы предлагается в статье коллектива авторов под руководством доктора экономических наук А.В. Пенюгаловой [Пенюгалова и др. 2008]. Они предлагают использовать систему показателей, сгруппированных по следующим направлениям: показатели институционального развития региональной банковской системы, показатели, характеризующие роль региональной банковской системы в экономике региона, показатели, характеризующие финансово-экономические аспекты деятельности региональных банковских систем, показатели устойчивости и рентабельности деятельности и системного функционирования. Сравнительный анализ региональных банковских систем Республики Чувашия и Республики Татарстан проведен в статье А.Ф. Савдеровой, Е.Ю. Федоровой [Савдерова, Федорова 2016]. Для анализа использованы институциональные показатели (количество кредитных организаций, их филиалов и внутренних структурных подразделений в регионе), финансовые результаты деятельности и обеспеченность финансовыми услугами.

В своей работе мы проведем исследование банковской системы в разрезе федеральных округов. Это очень укрупненный анализ, но он позволит сделать предварительные выводы о состоянии банковской системы России в региональном аспекте.

Начнем исследование с институциональных показателей, данные о которых представлены в табл. 1.

Таблица 1

Макроэкономические показатели,
характеризующие развитие регионов

Регион	Количество КО, филиалов и внутренних структурных подразделений (ВСП)			Из них	
	КО	филиалы	ВСП	филиалы и ВСП данного региона	филиалы и ВСП других регионов
Центральный федеральный округ	253	111	7573	6884	800
Северо-Западный федеральный округ	37	86	2829	426	2489
Южный федеральный округ	24	68	3233	726	2575
Северо-Кавказский федеральный округ	10	30	781	39	772
Приволжский федеральный округ	57	95	6659	966	5788
Уральский федеральный округ	23	100	2674	562	2212
Сибирский федеральный округ	23	79	3494	225	3348
Дальневосточный федеральный округ	15	49	1836	474	1411

Источник: по данным Банка России¹.

Анализ институциональных показателей свидетельствует о неравномерном территориальном распределении кредитных организаций. Больше всего кредитных организаций расположено в Центральном федеральном округе (ЦФО) – 253 (57% от всех кредитных организаций). На него же приходится и больше всего внутренних структурных подразделений (ВСП) (7573). Вторым

¹Обзор банковского сектора Российской Федерации. Статистические показатели. № 208. 2020 г., февр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/#highlight=2020%7Cфевраль%7Cбанковского%7Cсектора (дата обращения 25 сентября 2021).

регионом по количеству кредитных организаций и ВСП является Приволжский федеральный округ – 57 КО и 6659 ВСП.

Рассмотрим развитие филиальной сети в регионах. Наиболее развита филиальная сеть в ЦФО – 111 единиц. Совсем незначительны отстают Уральский федеральный округ – 100 единиц и Приволжский федеральный округ – 95 единиц. Однако из данного количества филиалов только малая часть является филиалами «местных» самостоятельных банков (т. е. зарегистрированных на данной территории). Центральный банк не публикует данные отдельно по количеству филиалов региональных и инорегиональных банков, поэтому обратимся к данным по количеству филиалов и ВСП в совокупности. Так, в ЦФО зарегистрировано 800 филиалов и ВСП банков других регионов (что составляет всего чуть более 10%), в Северо-Западном федеральном округе – 2489 (или 88%), в Приволжском федеральном округе – 5788 (87%), в Уральском федеральном округе – 2212 (83%), в Сибирском федеральном округе – 3348 (96%), в Дальневосточном федеральном округе – 1411 (77%). На основе этих данных можно сделать вывод, что в регионах банковский сектор характеризуется доминированием иногородних филиалов. Исключение – ЦФО, где расположено большинство крупных банков – лидеров по величине активов и капитала. Из 100 крупнейших банков по величине активов только 27 банков зарегистрированы не в ЦФО.

Тенденцией последних лет является сокращение кредитных организаций. Проследим, как изменилось количество банков по федеральным округам. Данные представим на рис. 1. За два года количество кредитных организаций сократилось в целом по России с 561 до 442 (на 22%). В ЦФО количество банков сократилось с 319 до 253 (на 21%), в СЗФО – с 43 до 37 (на 14%), в ЮФО – с 35 до 24 (на 32%), в ПФО – с 71 до 57 (на 20%), в УФО – с 26 до 23 (на 12%), в СФО – с 32 до 23 (на 28%), в ДФО – с 18 до 15 (на 17%). При общей тенденции динамика по округам отличается. Больше всего сократилось количество банков в Южном и Сибирском федеральных округах.

Для оценки институционального развития банковского сектора по округам рассчитаем показатели количества ВСП, приходящихся на одну головную КО с учетом действующих в регионе филиалов, и показатель «экспансии», определяемый как отношение филиалов и внутренних структурных подразделений к КО, их филиалам и внутренним структурным подразделениям, зарегистрированным в регионе. Полученные значения представим в таблице.

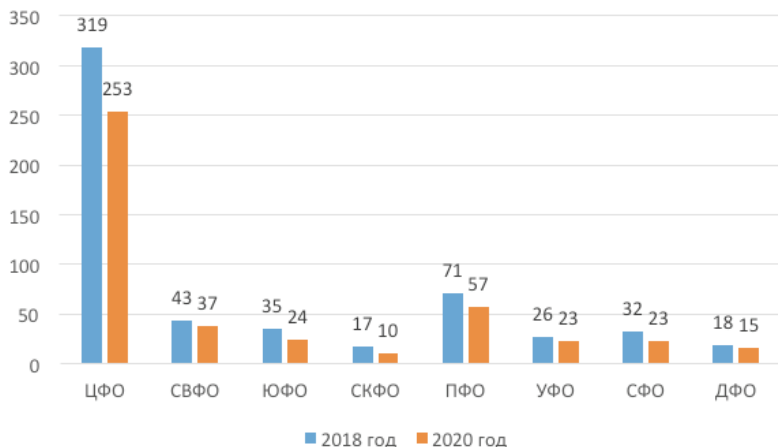

Рис. 1. Распределение кредитных организаций по федеральным округам

Таблица 2

Показатели институционального развития банковского сектора региона

Показатель	ЦФО	СВФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Количество ВСП на одну КО с учетом филиалов	21,1	23	35	19,5	43,8	21,7	34,3	28,7
Показатель «экспансии»	0,11	5,37	3,43	15,75	5,65	3,78	13,5	2,88

Источник: рассчитано по данным Банка России².

²Обзор банковского сектора Российской Федерации. Статистические показатели. № 208. 2020 г., февр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/#highlight=2020%7Cфевраль%7Cбанковского%7Cсектора (дата обращения 25 сентября 2021).

Данные таблицы показывают, что наиболее развитую сеть структурных подразделений имеют Приволжский, Сибирский и Южный федеральные округа. В ПФО на одну кредитную организацию с учетом филиалов (в том числе иногородних банков) приходится 43 структурных подразделения – это дополнительные офисы, операционные кассы вне кассового узла, кредитно-кассовые офисы и др. Отметим, что в ЦФО на одну кредитную организацию (с учетом действующих филиалов) приходится 21 ВСП. Это связано с тем, что половина банков – это банки Москвы и Московской области, которые развивают филиальную сеть и открывают структурные подразделения за пределами региона и за пределами федерального округа. Кроме того, ЦФО отличается большим количеством кредитных организаций, зарегистрированных на территории округа (253 из 442). И хотя этот показатель свидетельствует о развитии банковской инфраструктуры, его значение для анализа состояния банковского сектора снижается ввиду развития дистанционных каналов доставки банковских услуг. В последние несколько лет банки оптимизируют филиальную сеть и сокращают структурные подразделения. Развитие информационных технологий, биометрических систем ведет к тому, что банки развивают системы дистанционного банковского обслуживания.

Для оценки функционального развития банковского сектора используем несколько показателей, они приведены в табл. 3. Начнем с величины активов. Величина активов свидетельствует о масштабе деятельности банка (на микроуровне) и масштабе и возможностях банковского сектора на региональном уровне. По этому показателю округа сильно отличаются. Величина активов банков ЦФО составляла на начало 2020 г. 75 трлн руб. – около 80% активов всей банковской системы. Заметим, что такие показатели обеспечивает Москва, без которой показатели банковского сектора ЦФО не существенно бы отличались от остальных. На СЗФО приходится 17% активов, ЮФО – около 1%, ПФО и УФО – чуть более 1% активов. Доля банковских активов Сибирского федерального округа, достаточно развитого промышленного региона с валовым региональным продуктом почти на уровне с Северо-Западным федеральным округом, составляет всего 0,2% совокупных активов. Таким образом, мы видим огромные диспропорции в развитии российской банковской системы.

По экономическому развитию регионы существенно отличаются, поэтому для дальнейшего анализа рассмотрим показатель отношения активов к ВРП. В зарубежных странах с развитыми экономиками значение этого показателя находится примерно на уровне 100%. В целом по банковскому сектору в нашей стране на

Таблица 3

Социально-экономические показатели развития региона и банковского сектора

Округ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Активы	75 390 446,2	16 932 649,3	67 8280,1	18 747,5	1 474 224,5	1 214 284,5	228 450,7	5 971 487,7
Отношение активов к ВРП, %	228	160	10,3	0,8	10,5	9,2	2,3	10,2
Кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям, млн руб.	26 092 659,2	6 779 938,1	246 981	7458,6	289 311,2	185 448,6	47885,3	126 903,8
Доля кредитов в активах, %	34,6	40	36,4	39,8	19,6	15,2	20,9	21,3
ВРП на душу населения, руб.	835 858,8	752 847,2	400 883,7	23 2012,9	480 457,9	1 070 596,6	535 321,0	730 107,7
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	47 252	37 920	29 953	24 386	28 268	36 855	27 198	37 949

Источники: по данным Банка России Росстата^{3,4,5}.

³ Банк России. Отдельные показатели деятельности кредитных организаций [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/pdtko_sub/ (дата обращения 23 сентября 2021).

⁴ Росстат. Валовой региональный продукт 2016–2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 29 апреля 2021).

⁵ Росстат. Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения 25 сентября 2021).

начало 2020 г. отношение активов к ВВП составило 90%. По округам мы имеем следующие значения. В ЦФО показатель составил 228%, в СЗФО – 160%. По четырем округам – Южному, Приволжскому, Уральскому и Дальневосточному – показатель находится на уровне 10%. В СФО и СКФО отношение активов к ВРП составило 2,3 и 0,8. Таким образом, банковским сектором, способным обеспечить финансовыми услугами регион, обладают только ЦФО и СЗФО. При этом на Москву приходится почти 74 трлн руб. активов из 75 трлн руб. по ЦФО в целом. Такая же ситуация и в Северо-Западном федеральном округе. То есть без учета Москвы и Санкт-Петербурга эти округа имели бы показатели менее 1%.

Основное назначение банков в экономике – осуществлять кредитование хозяйства. По объему кредитов, предоставленных нефинансовым организациям, ЦФО занимает первое место, на него приходится 77% кредитов. ЦФО показывает такое значение за счет Москвы, которая является финансовым центром, сосредоточив колоссальные финансовые ресурсы. Без учета Москвы доля остальных регионов в ЦФО составляет менее 1%. Похожая ситуация и в Северо-Западном федеральном округе.

Данные свидетельствуют о том, что местные региональные банки не смогли бы обеспечить кредитами регион. Самым слабым (по рассматриваемому показателю) является банковский сектор Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов.

Обращает на себя внимание еще один показатель – доля кредитов нефинансовым организациям в кредитном портфеле. Максимально этот показатель составляет 40% в СЗФО, в остальных округах находится на уровне 20–30%. Это свидетельствует о том, что роль банков в кредитовании экономики невысока. Ситуация в регионах сильно отличается. Например, в Костромской области всего около 20% кредитного портфеля приходится на кредиты нефинансовым организациям, около 42% – на кредиты физическим лицам и более 30% – на кредиты банкам. Похожая ситуация в Тульской области. Эти регионы являются лидерами по объемам кредитов в ЦФО после Москвы и Московской области. В последние годы значительно увеличились объемы кредитов физическим лицам и их доля в структуре кредитного портфеля. Есть регионы, где кредиты, предоставленные физическим лицам, превышают объемы кредитов, предоставленных нефинансовым организациям, например в Ростовской области. Вопрос «с чем это связано» требует дальнейшего изучения. Либо нет потребности в кредитных ресурсах у бизнеса, либо банки не удовлетворяют имеющийся спрос.

Наша страна характеризуется неравномерным социально-экономическим развитием. Эту неравномерность мы видим и в состоя-

нии банковского сектора. Можно предположить, что более экономически развитые регионы имеют более развитый банковский сектор. Проанализируем еще один показатель – ВРП на душу населения (табл. 4). Самые высокие показатели в УФО, ЦФО и ДФО. Здесь следует заметить, что по регионам федерального округа показатели достаточно сильно варьируются. Этот показатель не дает полной картины о богатстве региона и его жителей, так как зависит от количества населения. Одним из регионов с самым высоким показателем ВРП на душу населения является Чукотка из-за малой численности населения. Таким образом, этот показатель не дает объективного представления об уровне жизни населения. Посмотрим на показатели среднедушевых доходов населения по федеральным округам. Самые высокие среднедушевые доходы в ЦФО, СЗФО, ДФО и УФО.

Уровень развития региональных банковских систем зависит от многих факторов, среди которых уровень социально-экономического развития региона, для оценки которого многие авторы предлагают использовать показатели ВРП, ВРП на душу населения и среднедушевых доходов. Проранжируем эти показатели, чтобы посмотреть, существует ли между ними зависимость.

Таблица 4

Ранги социально-экономических показателей
по федеральным округам

Округ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
	Ранг по показателю							
Активы	1	2	5	8	3	4	7	6
ВРП	1	4	6	8	2	3	4	7
ВРП на душу населения, руб.	2	3	7	8	6	1	5	4
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	1	3	5	8	6	4	7	2

Результаты таблицы позволяют предположить, что абсолютно четкой зависимости между факторами не прослеживается и требуется проведение исследования статистическими методами. Хотя по некоторым показателям и отдельным регионам ранги совпадают.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) банковская система России характеризуется неравномерным региональным развитием как по институциональным, так и по функциональным показателям;
- 2) регионы, по сути, не имеют самостоятельных банковских систем (в смысле, что их основу составляют самостоятельные банки). Доминируют в регионах филиалы и внутренние структурные подразделения инорегиональных банков;
- 3) реализацию функций банковской системы обеспечивают крупные банки, зарегистрированные в Москве и Санкт-Петербурге.

Мы проводили укрупненный анализ, который позволил выделить черты, присущие российской банковской системе. Безусловно требуется дальнейшее исследование банковских систем на уровне отдельных регионов, которое мы и планируем в дальнейшем.

Литература

- Белоглазова 2011 – *Белоглазова Г.Н.* Стратегия развития регионального сегмента банковской системы // Банковское дело. 2011. № 2. С. 28–31.
- Вишняков 2019 – *Вишняков И.П.* Направления устойчивого развития региональной банковской системы в современных условиях: Дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/finansy/napravlenija-ustojchivogo-razvitija-regionalnoj-bankovskoj-sistemy-v-sovremennyh.html> (дата обращения 1 октября 2021).
- Евгенова, Фещенко 2020 – *Евгенова Е.В., Фещенко В.В.* Анализ перспектив развития региональной банковской системы в Брянской области // Глобальный научный потенциал. 2020. № 2 (107). С. 138–141.
- Лейзин, Неуструева, Пак 2019 – *Лейзин И.Б., Неуструева А.С., Пак В.В.* Анализ структуры и динамики развития банковского сектора РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 10-2. С. 74–79.
- Пенюгалова и др. 2008 – *Пенюгалова А.В., Цициашвили С.С., Платонова Ю.Ю., Кравчишин А.С.* Развитие региональной банковской системы в рыночной экономике // Финансы и кредит. 2008. № 22 (310). С. 2–10.
- Савдерова, Федорова 2016 – *Савдерова А.Ф., Федорова Е.Ю.* Комплексная оценка развития региональной банковской системы // Научное образовательное пространство: перспективы развития: Сб. материалов III Междунар. научно-практич. конф.: В 2 т. Т. 2. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 168–174 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27387701> (дата обращения 20 сентября 2021).

- Спиратто 2018 – *Спиратто Д.С.* Основные тенденции развития банковской системы Приморского края // *Аллея науки*. Т. 4. № 6 (22). С. 196–201.
- Смирных 2015 – *Смирных Т.А.* Современное состояние и основные тенденции развития банковской системы Белгородской области // *Актуальные проблемы экономики в условиях реформирования современного общества: Материалы III Междунар. научно-практ. конф.* Белгород: Белгородский гос. нац. иссл. ун-т, 2015, С. 93–96 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23313108> (дата обращения 20 сентября 2021).

References

- Beloglasova, G.N. (2011), “Development strategy for the regional segment of the banking system”, *Bankovskoe delo*, no. 2, pp. 28–31.
- Vishnyakov, I.P. (2019), *Directions of sustainable development of the regional banking system in modern conditions*, Ph.D. Thesis, South Federal University, Rostov/Don, available at: <http://www.dslib.net/finansy/napravleniya-ustojchivogo-razvitiya-regionalnoj-bankovskoj-sistemy-v-sovremennyh.html> (Accessed 1 October 2021).
- Evgenova, E.V. and Feshchenko, V.V. (2020), “Analysis of prospects for the development of the regional banking system in the Bryansk region”, *Globalnyi nauchnyi potentsial*, no. 2 (107), pp. 138–141.
- Leizin, I.B., Neustrueva, A.S. and Pak, V.V. (2019), “Analysis of the structure and dynamics of development of the banking sector in the Russian Federation”, *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 10-2, pp. 74–79.
- Penyugalova, A.V., Tsitsiashvili, S.S., Platonova, Yu.Yu. and Kravchishin, A.S. (2008), “Development of the regional banking system in a market economy”, *Finansy i kredit*, no. 22, pp. 2–10.
- Savderova, A.F. and Fedorova, E.Yu. “Comprehensive assessment of the development of the regional banking system”, *Nauchnoe obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitiya, Sb. materialov III Mezhdunar. nauchno-praktich. konf.* [Scientific educational space. Development prospects, in 2 vols., vol. 2], TsNS “Interaktiv plus”, Cheboksary, pp. 168–174, available at: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27387701> (Accessed 20 September 2021).
- Spiratto, D.S. (2018), “The main trends in the development of the banking system of the Primorsky Territory”, *Alleya nauki*, no. 6, pp. 196–201.
- Smirnykh, T.A. (2015) “The current state and main trends in the development of the banking system of the Belgorod region”, *Aktual'nye problemy ehkonomiki v usloviyakh reformirovaniya sovremennogo obshchestva* [Current issues of economy during the reforming of modern society], *Materialy III Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.*, Belgorodskii gos. natsional'nyi issled. un-t, Belgorod, Russia, pp. 93–96 [Online], available at: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23313108> (Accessed 20 September 2021).

Информация об авторе

Анна В. Осиповская, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Remizav14@gmail.com

Information about the author

Anna V. Osipovskaya, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Remizav14@gmail.com

УДК 352+620.9

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-123-136

Проблемы развития моногородов
в сфере обеспечения всеобщего доступа
к недорогим, надежным, устойчивым
и современным источникам энергии для всех
(цель № 7 целей устойчивого развития):
лучшие практики России и Швеции

Антонина А. Серегина

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
durdyueva@mail.ru*

Марта В. Рябиченко

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
marta-r@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена следованию целям устойчивого развития (ЦУР) в России и Швеции, в частности, в ней рассматривается достижение данными странами цели № 7 ЦУР, включающей в себя обеспечение всеобщей доступности к электроэнергии, чистому топливу и технологиям для приготовления пищи, использование возобновляемых источников энергии и сокращение выбросов CO₂. Кроме того, в статье рассматривается вопрос развития моногородов в странах мира, а также достижение ими цели № 7 ЦУР. Приоритетное внимание уделяется примерам лучших практик достижения цели № 7 ЦУР в моногородах России и Швеции.

Ключевые слова: Россия, Швеция, моногорода, Онега, Кируна, цели устойчивого развития, ЦУР

Для цитирования: Серегина А.А., Рябиченко М.В. Проблемы развития моногородов в сфере обеспечения всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех (цель № 7 целей устойчивого развития): лучшие практики России и Швеции // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 123–136. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-123-136

© Серегина А.А., Рябиченко М.В., 2021

Issues of single-industry towns development
in the sphere of ensuring the access to affordable,
reliable, sustainable and modern energy for all (SDG 7).
Russian and Swedish best practice

Antonina A. Seregina

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, durdyyeva@mail.ru*

Marta V. Ryabichenko

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, marta-r@inbox.ru*

Abstract. Currently, much attention is paid to the implementation of the Sustainable Development Goals (SDG) in Russia and Sweden. The article, in particular, considers how those countries archived the SDG goal № 7 that plays an important role in ensuring the general access to electric energy, clean fuels and cooking technologies; renewable energy sources and reduction in CO₂ emissions. In addition, the article looks into the development of single-industry towns in the countries of the world, as well as their achievement of SDG goal 7. Priority is given to examples of best practices for achieving SDG Goal 7 in single-industry towns in Russia and Sweden.

Keywords: Russia, Sweden, single-industry towns, Onega, Kiruna, Sustainable Development Goals, SDG

For citation: Seregina, A.A. and Ryabichenko, M.V. (2021), “Issues of single-industry towns development in the sphere of ensuring the access to affordable, reliable, sustainable and modern energy for all (SDG 7). Russian and Swedish best practice”, *RSUH/RGGU Bulletin “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 123–136, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-123-136

Цели в области устойчивого развития были приняты ООН в 2015 г. как ответ на вызовы современности в области экономического равенства, социальной защиты, изменений климата, защиты окружающей среды, здравоохранения, образования, возможности трудоустройства. Кроме того, в настоящий момент данные цели обеспечивают критическую основу для выздоровления от COVID-19¹.

¹17 целей для преобразования нашего мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения 8 июня 2021).

ООН выделила 17 целей, которые должны быть достигнуты странами в полной мере к 2030 г. Одна из целей, которую мы рассмотрим в нашей статье более подробно, звучит так: «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» и предполагает обеспечение всеобщей доступности к электроэнергии, чистому топливу и технологиям для приготовления пищи, использование возобновляемых источников энергии и сокращение выбросов CO_2 .

Обеспечение бесперебойного доступа к источникам электроэнергии, воде и информационным технологиям чрезвычайно актуально в условиях эпидемий, так как данные ресурсы являются важнейшими условиями для получения своевременных и качественных медицинских услуг, в том числе с использованием телемедицинских технологий, не допуская наступления гуманитарной катастрофы.

Пандемия COVID-19, хоть и привела к негативным последствиям в сфере экономик стран мира, все же помогла сократить выбросы углекислого газа в атмосферу, тем самым несколько сдержав развитие парникового эффекта. Оксфордская школа предпринимательства и окружающей среды имени Смита опубликовала доклад, в котором сказано, что инвестирование в «зеленые» технологии может обладать позитивным эффектом не только в борьбе с изменением климата, но и в деле оживления экономики в постпандемийный период [Herburn, O'Callaghan et al. 2020].

Ключевым элементом модели устойчивого развития города является инфраструктура, ее развитие, а также доступ к электро-, тепло-, водным ресурсам и газоснабжению [Бедняков 2021].

Развитая инфраструктура является ключевым показателем и основой экономического процветания, позволяя, кроме того, успешнее и результативнее продвигать глобальные и местные приоритеты развития, в том числе направленные на достижение целей устойчивого развития³. Это также было отмечено на саммите «Группа двадцати» (G20), который проходил в 2018 г. в Буэнос-Айресе, где была подчеркнута необходимость увеличения объема инвестиций в инфраструктуру и определена «дорожная карта» по инфраструктуре

² Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / Под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2016. 298 с.

³ В соответствии с проведенным ВЭБ РФ, АНО «Национальный Центр ГЧП» и АЕСОМ исследованием «Инфраструктура для устойчивого развития. Как привлечь инвестиции в новое качество проектов», 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/downloads/infrastructure-for-sustainability-web.pdf> (дата обращения 8 июня 2021).

как классу активов, одобренная лидерами – участниками саммита. На саммите G20, состоявшемся в 2019 г. в Осаке, были приняты шесть добровольных принципов по инвестициям в качественную инфраструктуру⁴.

Первый принцип предполагает повышение позитивного влияния инфраструктуры на достижение ЦУР и роста национальной экономики, обозначает цель осуществления качественных инвестиций. Целью будет являться максимизация положительного воздействия инфраструктуры на социальную среду, развитие, экономику, окружающую среду. Результатом достижения цели будут служить такие показатели, как увеличение количества рабочих мест и спроса на них, привлечение новых инвесторов и частных инвестиций, увеличение показателей экономического развития. Кроме того, инвестиции должны учитывать экономические, социальные и экологические аспекты и руководствоваться общими принципами достижения ЦУР до 2030 г., национальными и местными стратегиями, а также быть адаптированными к местным законам и правилам отдельных стран.

Следующий принцип основывается на необходимости учитывать соотношение «цена–качество» и оценивать возможные затраты на проект, в том числе на эксплуатацию и техническое обслуживание, и выгоды от его реализации, выбирая между созданием нового проекта и обновлением уже существующего. Также при реализации инфраструктурных проектов необходимо использовать инновационные и передовые технологии.

Реализация третьего принципа предусматривает обязательный учет как положительного, так и отрицательного воздействия инфраструктурных проектов на окружающую среду при их реализации. Информация об этом должна быть прозрачна и открыта. Поэтому, руководствуясь данным принципом, необходимо создавать возможности для «зеленого» финансирования и уменьшения уровня вредных выбросов в атмосферу, принимая во внимание национальные стратегии и обязательства стран.

Четвертый принцип – устойчивость к катастрофам, рискам и чрезвычайным происшествиям, которая подразумевает управление

⁴Принципы по инвестициям в качественную инфраструктуру были приняты 9.06.2019 г. на встрече министров финансов и управляющих Центрального банка в рамках председательства Японии в «Группе двадцати» в 2019 г., неофициальный перевод доступен на сайте Минфина России, документ от 18.12.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129246-printsipy_g20_po_investitsiyam_v_kachestvennuyu_infrastrukturu (дата обращения 8 июня 2021).

возможными рисками инфраструктуры на этапе планирования, а также предполагает необходимое страхование объекта и обеспечение надежности инфраструктуры и ускоренного восстановления инфраструктурного объекта в случае наступления катастрофы или происшествия.

В пятом принципе говорится о создании инклюзивной инфраструктуры, позволяющей включить в ее функционирование граждан для обеспечения их экономического участия, учитывая интересы всех слоев общества, соблюдая права человека и уважая потребности людей, обеспечивая недискриминационную доступность к инфраструктуре, а также равные возможности доступа к рабочим местам с безопасными условиями труда.

Последний принцип предполагает повышение качества управления инфраструктурой для обеспечения экономической эффективности в долгосрочном периоде посредством создания четких правил и функционирования социальных институтов, координации действий на всех уровнях управления, минимизации рисков, а также борьбы с коррупционными проявлениями. Здесь снова указывается на значимость оценивания соотношения затрат и выгод, также на мониторинг эффективности реализации мер государственной политики в сфере реализации инфраструктурных проектов и их качества.

В середине XX в., в эпоху развития индустриального общества, в большинстве промышленных стран мира стали возникать моногорода. В настоящее время термин «моногород» трактуется по-разному, в зависимости от конкретной страны. Моногородом считают город, промышленные предприятия в котором принадлежат одной отрасли; город при промышленном предприятии; город, полностью находящийся в собственности одной компании; поселение, обеспечивающее деятельность шахты, и т. п. [Развитие 2013].

Моногорода в своем развитии имеют как свои недостатки, так и явные преимущества. К таким преимуществам можно отнести высокий уровень общего образования населения, наличие научных и инженерных школ по перспективным направлениям промышленности, выгодное географическое расположение, достаточно большой внутренний рынок [Чаркина, Мирошников 2017].

Кризис моногородов может быть вызван двумя причинами – отраслевой и географической. Отраслевая причина заключается в падении спроса и цен на продукцию, устаревании технологий и оборудования. Одним из способов избежать кризиса по этой причине является модернизация предприятия, а также его репрофилирование для удовлетворения новых возникших потребностей потенциальных покупателей. Географическая причина – это ухудшающееся экономико-географическое положение моногорода

вследствие его удаленности от транспортного узла и основных потребителей. Если решить проблему никак не удастся, то необходимо предпринять шаг по переезду моногорода и переселению его жителей.

Если жизнь в моногороде характеризуется безработицей, низкими доходами его жителей, снижением экономической активности, оттоком населения, то можно говорить о том, что город или район становится депрессивным.

Для моногородов и других индустриальных объектов, пришедших в упадок, используют понятие «ржавый пояс». За счет таких объектов увеличивается площадь города или поселка, снижается транспортная доступность, некоторые предприятия загрязняют окружающую среду из-за устарелого производства, что также отрицательно сказывается на здоровье людей [Пузанов 2021].

Для достижения цели № 7 ЦУР в моногородах необходимо использовать рекомендации, перечисленные ниже, позволяющие наиболее успешно развивать сферу энергетики региона⁵.

Прежде всего национальное и местное управление инновациями в сфере энергетики должно быть подкреплено долгосрочным финансированием, а также должно реализовываться международное сотрудничество в рамках политики и стратегий, ориентированных на миссию, в том числе в области чистой энергии. Посредством рыночной политики, налоговых льгот, гармонизированных международных стандартов, механизмов ценообразования на выбросы углерода необходимо ускорить спрос на экологически чистые и устойчивые энергетические технологии и инновации.

Создание инклюзивной и интегрированной среды для инноваций позволит использовать цифровизацию в бизнес-моделях, укрепляя потенциал и знания о цифровых технологиях для преодоления цифрового разрыва. Необходимы постоянное использование мониторинга, оценки, отчетности, планирования, эффективное управление синергизмом и компромиссами.

В моногородах различных стран проводятся мероприятия с целью достижения ЦУР, избежания экономического упадка и привлечения новых кадров. Примеры лучших зарубежных практик развития моногородов в сфере обеспечения всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех (цель № 7 ЦУР) отражены в табл. 1.

⁵High-level Dialogue on Energy Technical Working Group on Innovation, Technology and Data, Final Draft Report as of 19 May 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://enb.iisd.org/sites/default/files/2021-06/enb0310e.pdf> (дата обращения 8 июня 2021).

Таблица 1

Лучшие зарубежные практики развития моногородов в сфере обеспечения всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех (цель № 7 ЦУР)

Город, страна	Состояние	Меры по достижению ЦУР
Ньюфаундленд и Лабрадор (Канада)	До 2000 г. относились к депрессивным в социально-экономическом плане регионам	Причиной экономического роста послужила организация и развитие морских ферм и аквакультуры в провинции с 2000 г. на основании стратегического плана, выработанного руководством
Рурский регион (Германия)	Возможного обвала производства удалось избежать посредством реструктуризации экономики и регулирования угольной промышленности	К концу 1980-х гг. на базе промышленной Рурской области началось активное формирование современного регионального кластера экологических технологий, высокотехнологичных предприятий по разработке новых материалов и производству очистительных сооружений
Кастлфорд (Англия)	В Кастлфорде в 1990-х было закрыто три шахты, однако от безработицы жителей спасли производство одежды Burberry и помощь правительства	Сейчас доход городу приносит обустроенная снежная трасса недалеко от Кастлфорда, куда приезжают сноубордисты со всей Европы, а также электростанция, построенная недалеко от города
Острава (Чехия)	Бывший шахтерский моногород, в котором в 1994 г. была прекращена подача угля и в 1998 г. был закрыт металлургический комбинат	Был переделан властями в крупный туристический центр с развитой и доступной инфраструктурой

Окончание табл. 1

Город, страна	Состояние	Меры по достижению ЦУР
Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китайская Народная Республика)	Регион, с одной стороны, экономически активно развивающийся, а с другой стороны, являющийся одним из основных «проблемных» районов	Модернизация района в соответствии с программой «Большое освоение Запада», которая направлена на активное развитие инфраструктуры и рассчитана на период до 2050 г.
Новая Зеландия	Предпринимает целенаправленные усилия по построению справедливой и устойчивой системы власти в соответствии с принятой «Концепцией благосостояния»	В соответствии с Концепцией, правительство должно работать по четырем направлениям, достигая по ним максимальных показателей, служащих индикаторами благосостояния страны: природный капитал (экология, окружающая среда, природные ресурсы); человеческий капитал (навыки и знания людей, их физическое и психологическое здоровье); социальный капитал (ценности и нормы общества, например верховенство права, доверие); финансовый/физический капитал (финансовые и материальные активы, т. е. дома, дороги, машины, заводы, больницы и др.)
Кируна (Швеция)	Неразрывно связан с крупнейшим в мире месторождением железной руды. Из-за близости рудника к границам города в 2003 г. в земле возле домов появились первые трещины	Правительство Кируны приняло решение перенести Кируну на безопасное расстояние. В январе 2007 г. городской совет проголосовал за перенос центра города на три километра в сторону от представляющей опасность шахты. Проект по перевоплощению Кируны в современный экогород будет полностью реализован к 2100 г. Проект будет иметь мультипликативный эффект

В российской практике цель № 7 ЦУР достигается в результате реализации различных проектов, самые известные из них – производство солнечных батарей и панелей на заводе «Хевел» в Новочебоксарске, а также проект «НПК Морсвязьавтоматика» по разработке электрических катамаранов “Cityvolt”, “Ecoscruiser”, “Ecovolt”, имеющих мультифункциональную платформу, предусматривающую высокобезопасное использование электроэнергии и снижение затрат на эксплуатацию транспортных средств.

Способствует достижению цели № 7 ЦУР также просветительская работа, например проведение Всероссийского фестиваля энергосбережения и экологии «Вместе ярче» при поддержке Министерства энергетики Российской Федерации, проект “Green Zoom”, созданный АНО «Научно-исследовательский Институт устойчивого развития в строительстве».

Одним из положительных примеров достижения ЦУР в практике развития моногородов России является город Онега в Архангельской области как один из успешно функционирующих городов, в границах которого в 2018 г. была создана территория опережающего социально-экономического развития «Онега». Кроме градообразующих предприятий по производству леса (АО «Онежский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат», ОАО «Онегалес»), предприятий по производству, передаче и распределению тепловой энергии (ОАО «Онега-Энергия» и ОАО «Предприятие котельных и тепловых сетей») в г. Онега также успешно функционирует компания по производству биотоплива (гранулированных пеллет) АО «Бионет». Продукция компании сертифицирована и может экспортироваться как на территорию России, так и в Европу и страны Азии.

Пеллеты изготовлены из продуктов отходов лесопереработки, являются экологически чистыми и безвредными, хотя при сжигании выделяют такое же, как уголь, количество энергии. Они не вызывают аллергии, не имеют запаха, дым от них бесцветен, при их горении происходит уменьшение выделения диоксида серы и других вредных веществ по сравнению с выделениями от жидкого топлива и угля. Кроме того, исключается опасность взрывов, вредных выбросов, пролива горючего, а производство, хранение и транспортировка пеллет позволяют уменьшить загрязнение окружающей среды.

Если рассматривать пример Швеции в достижении ЦУР, можно отметить, что Швеция следует целям в области устойчивого развития, являясь примером для других стран, так как находится на втором месте в рейтинге прогресса 165 государств – членов ООН по достижению всех 17 ЦУР [Sachs et al. 2021].

Примером использования экологически чистых технологий и энергоэффективности является опыт шведской компании “Scania” по созданию автомобилей на электрической тяге. Кроме того, можно отметить следующие компании, также представленные и на российском рынке, – торговая сеть “ИКЕА”, имеющая свой Центр экологии и экономии, автостроительные компании “Volvo Trucks”, проводящая полые испытания биотоплива на основе диметилового эфира, представившая дизельный двигатель, работающий на метане, и “Volvo Cars”, сократившая уровень выделений в атмосферу паров растворителей, а также создавшая возможность вторичной переработки компонентов новых автомобилей Volvo, розничная сеть по торговле одеждой “H&M”, предлагающая товары из экологичных материалов, производитель товаров личной гигиены и продукции медицинского назначения “Essity”, работающий над достижениями ЦУР, а также швейцарско-шведская корпорация, специализирующаяся в области электротехники, энергетического машиностроения и информационных технологий “ABB”, которая ввела в эксплуатацию первые в мире распределительные устройства высокого и среднего напряжения с использованием новой экологически чистой газовой смеси [Цвериянашвили 2019].

Одним из успешно развивающихся ЦУР городов Швеции является Кируна, моногород, расположенный в Лапландии, в лене Норботтен. Самый северный город Швеции был образован в 1890-х гг. недалеко от месторождения железной руды, сначала как рабочий поселок, а уже в 1908 г. Кируна получила права города. Более половины жителей были заняты в промышленности, рост Кируны был обусловлен экономической ситуацией и спросом на руду.

Строительство шахты, проводимое компанией “Luossavaara-Kiirunavaara Aktiebolaget” (LKAB), началось в 1962 г. Со временем шахта достигла границ города, что было не вполне безопасно для жителей города из-за пустот, образовавшихся под землей вследствие взрывов, проводимых во время добычи руды. Об опасности обрушения города компания LKAB предупреждала жителей еще в 1980-х гг.

В 2002 г. в Кируне произошло самое большое землетрясение в Швеции, связанное с добычей полезных ископаемых, в 2003 г. в земле возле домов уже появились первые трещины, а в 2004 г. LKAB уведомил мэрию города о расширении шахты, что означало угрозу обрушения домов и иных строений и комплексов, поэтому правительством Кируны было принято решение перенести город.

В январе 2007 г. городской совет проголосовал за перенос центра города, культурных и популярных зданий из опасной зоны возможного обрушения земли в районе рудника в новые места в Кируне. Кроме зданий власти решили перенести также водопро-

водную систему, трассу и железную дорогу⁶. Большую часть расходов по осуществлению данного проекта берет на себя компания ЛКАВ, временные рамки его реализации составляют сто лет⁷.

Компания ЛКАВ является глобальным поставщиком железной руды, добывает и продает полезные ископаемые, а также, как и на производстве АО «Бионет» в г. Онега, производит топливные пеллеты прямого восстановления – биотопливо, позволяющее сократить выбросы CO₂ в атмосферу⁸.

Кроме того, Шведское энергетическое агентство поддержало инициативу ЛКАВ в области устойчивой подземной добычи (Sustainable Underground Mining) по разработке безуглеродного цифрового автономного рудника на больших глубинах⁹.

Проект по перемещению Кируны является мультипликативным, т. е. может служить образцом и применяться другими странами в случае возможных угроз, в том числе при последствиях глобального потепления.

Показатели достижения ЦУР в России и Швеции с каждым годом улучшаются, средний показатель у России повысился с 73,15 в 2018 г. до 73,75 – в 2021 г., средний показатель у Швеции вырос с 85,53 в 2018 г. до 85,6 – в 2021 г.¹⁰ Данные показателей достижения цели № 7 ЦУР отражены ниже (табл. 2).

⁶ *Swedell H.* Uppdrag: flytta stan. Aftonbladet, 2007 [Электронный ресурс]. URL: Available at: <https://www.aftonbladet.se/debatt/a/ka02jX/uppdrag-flytta-stan> (дата обращения 16 июня 2021); *Flytten av Kiruna fortsätter.* LKAB, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lkab.com/sv/nyhetsrum/pressmeddelanden/flytten-av-kiruna-fortsatter/> (дата обращения 22 июня 2021).

⁷ *Benson T.* Systembolaget etablerar sig i nya Kiruna centrum. Framtid, 2020, no. 1 p. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lkab.com/sv/SysSiteAssets/documents/publikationer/lkab-framtid/lkab-framtid-nr-1-2020-web.pdf> (дата обращения 23 июня 2021).

⁸ *Strategi och mål.* LKAB, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lkab.com/sv/om-lkab/lkab-i-korthet/strategi-och-mal/> (дата обращения 23 июня 2021); *Järnmalmspellet och fines.* LKAB, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lkab.com/sv/produkter/jarnmalmspellet-och-fines/> (дата обращения 26 июня 2021).

⁹ *Benson T.* Satsning på CO₂ – fri underjordsbrytning får stöd från Energimyndigheten // Framtid. 2020. № 1. P. 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lkab.com/sv/SysSiteAssets/documents/publikationer/lkab-framtid/lkab-framtid-nr-1-2020-web.pdf> (дата обращения 26 июня 2021).

¹⁰ The overall performance of all 193 UN Member States. Cambridge, June 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://dashboards.sdindex.org/rankings> (дата обращения 25 июня 2021).

Таблица 2

Сравнительная характеристика достижения цели
№ 7 ЦУР Россией и Швецией (данные 2021 г.)

	Россия	Швеция
Место в рейтинге достижения ЦУР	46/165	2/165
Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии	100%	100%
Доля населения, имеющего доступ к экологически чистым видам топлива и технологиям приготовления пищи	98,3%	100%
Выбросы CO ₂ в результате сжигания топлива для производства электроэнергии и отопления на единицу общего объема производства электроэнергии	1,5	0,2

Кроме того, у России и Швеции есть совместные успешно реализуемые проекты – российско-шведское цинкодобывающее предприятие «Павловское» (архипелаг Новая Земля), и завод по производству первичного алюминия “Kubal” компании «Русал» (г. Сундсвалль).

Однако, несмотря на столь успешные практики, сравнивая показатели достижения цели № 7 ЦУР Швецией и Россией (данные 2017–2018 гг.), представленные в совместном отчете Международного энергетического агентства, Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, Статистического отдела Организации Объединенных Наций (СОООН), Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), можно сделать вывод о необходимости не только поддерживать функционирование данных проектов, но и реализовывать новые проекты, в том числе и совместные, направленные на достижение данной цели не только в моногородах, но и в целом по стране.

Литература

- Бедняков 2021 – *Бедняков А.С.* Роль инфраструктуры в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и конкурентоспособности: актуальные вопросы в России и за рубежом // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 155–161.
- Пузанов 2021 – *Пузанов А.С.* Аналитический доклад по вопросам управления развитием моногородов // Институт экономики города. М., 2021.

- Развитие 2013 – Развитие моногородов России / Колл. авторов; Под ред. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый ун-т, 2013. 168 с.
- Цвериянашвили 2019 – *Цвериянашвили И.А.* Шведский опыт политики устойчивого развития: достижения и перспективы // Реализация целей устойчивого развития: европейский и российский опыт: Сб. науч. статей по материалам конференции. СПб., 2019. С. 194–199.
- Чаркина, Мирошников 2017 – *Чаркина Е.С., Мирошников С.Н.* Развитие моногородов: проблемы и решения // Теоретическая и прикладная экономика. Электронный журнал / Под ред. А.Н. Дегтярева. 2017. № 2. С. 46–53.

References

- Bednyakov, A.S. (2021) “The Role of Infrastructure in Ensuring Sustainable Socio-economic Development and Competitiveness. Current Issues in Russia and Abroad”, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 1 (127), pp. 155–161.
- Charkina, E.S. and Miroshnikov, S.N. (2017), “Development of single-industry towns. Issues and solutions”, Degtiaryov, A.N. (ed.), *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika. Electronic Journal*, no. 2, pp. 46–53.
- Hepburn, C., O’Callaghan, B., Stern, N., Stiglitz, J. and Zenghelis, D. (2020), “Will COVID-19 fiscal recovery packages accelerate or retard progress on climate change?”, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 36 (Supplement 1).
- Hepburn, C., O’Callaghan, B., Stern, N., Stiglitz, J. and Zenghelis, D., Will COVID-19 fiscal recovery packages accelerate or retard progress on climate change? // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 36 (Supplement 1).
- Il’ina, I.N. (ed.) (2013), *Razvitie monogorodov Rossii* [Development of single-industry towns in Russia], Finansovyi universitet, Moscow, Russia.
- Puzanov, A.S. (2021), *Analiticheskii doklad po voprosam upravleniya razvitiem monogorodov* [Analytical report on the management of the development of single-industry towns], Institut Ekonomiki goroda, Moscow, Russia.
- Sachs, J., Schmidt-Traub, G., Kroll, C. and LaFortune, G. (2021), *The Decade of Action for the Sustainable Development Goals*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Tsverianashvili, I.A. (2019) “Swedish Experience in Sustainable Development policy. Achievements and Prospects”, *Realizatsiya tselei ustoichivogo razvitiya: evropeiskii i rossiiskii opyt: Sb. nauch. statei po materialam konferentsii* [Implementation of Sustainable Development Goals: European and Russian Experience. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the Conference], Saint Petersburg, Russia, pp. 194–199.

Информация об авторах

Антонина А. Серегина, кандидат политических наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; durdyeva@mail.ru

Марта В. Рябиченко, магистрант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; marta-r@inbox.ru

Information about the authors

Antonina A. Seregina, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; durdyeva@mail.ru

Marta V. Ryabichenko, Master student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; marta-r@inbox.ru

УДК 347.7

DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-137-149

Проблемы разграничения и применения норм, предусматривающих реализацию права на банковскую и коммерческую тайну

Станислав В. Тимофеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, timofeev@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются институты банковской и коммерческой тайны в контексте применения норм, которыми регулируются данные понятия. Проводятся разграничения сфер применения банковской тайны и коммерческой тайны, выявляются пробелы в законодательстве и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: банковская тайна, коммерческая тайна, кредитная организация, банк, предпринимательская деятельность, коммерческая деятельность, банковское законодательство,

Для цитирования: Тимофеев С.В. Проблемы разграничения и применения норм, предусматривающих реализацию права на банковскую и коммерческую тайну // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 137–149. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-137-149

Issues of delimitation distinction and application of norms providing for the implementation of the right to bank and commercial secrets

Stanislav V. Timofeev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
timofeev@rggu.ru*

Annotation. The article examines the institutions of banking and commercial secrets in the context of the application of the rules that govern the concepts. A distinction is made between the spheres of application of banking secrets and commercial secrets, gaps in legislation are identified and ways to eliminate them are proposed.

© Тимофеев С.В., 2021

Keywords: Banking secrets, commercial secrets, credit organizations, banks, entrepreneurial activities, commercial activities, banking legislation.

For citation: Timofeev, S.V. (2021), “ Issues of delimitation distinction and application of norms providing for the implementation of the right to bank and commercial secrets”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 4, pp. 137–149, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-4-137-149

Введение

Среди современных ученых, анализирующих вопросы банковской и коммерческой тайны, нет единого мнения относительно сущности этих явлений, а в силу этого в правовой науке отсутствует также и единый подход к вопросу о соотношении этих двух институтов. Для того чтобы попытаться разграничить эти институты, необходимо провести анализ понятийного аппарата в банковской деятельности, а также в предпринимательской деятельности, которая по своей сущности соотносится с коммерческой деятельностью.

Итак, предпринимательская деятельность – это «самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или от оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»¹; «дело, приносящее доход или другую материальную выгоду»².

Под коммерческой деятельностью понимается

...предпринимательская деятельность, предусматривающая покупку сырья, материалов, комплектующих, готовых товаров и последующую их продажу с целью получения прибыли, деятельность в области предпринимательства, связанная с организацией производства, созданием систем продаж, куплей и продажей товаров, услуг, информации и т. д., а также удовлетворения потребностей населения³;

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²Словарь бизнес-терминов. Предпринимательская деятельность // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения 18 сентября 2021).

³Словарь бизнес-терминов. Коммерческая деятельность // Словари и энциклопедии на Академике.

...система целенаправленных мероприятий, процедур и видов работ по обеспечению рентабельного функционирования объекта в условиях товарно-денежных отношений. Вид деятельности, ориентированный на получение дохода и удовлетворение потребностей населения⁴;

...деятельность по производству товаров и оказанию услуг для третьих лиц (физических и юридических) с целью получения коммерческой выгоды и удовлетворения потребностей населения⁵.

В словаре синонимов предпринимательская деятельность рассматривается как коммерческая деятельность (коммерция)⁶, при этом банковская деятельность, по мнению многих исследователей, также относится к предпринимательской, коммерческой деятельности⁷.

Под банковской деятельностью понимается «деятельность, предпринимаемая банками, включает в себя личное обслуживание (физических лиц) а также предоставляет коммерческие услуги предприятиям и корпорациям. Целями банковской деятельности являются: получение долгосрочной прибыли, устойчивое развитие банка, расширение пакета банковских услуг, улучшение качества обслуживания клиентов, наращивание собственного капитала банков, повышение рыночной стоимости акций банка⁸.

⁴Терминологический словарь библиотекаря по социально-экономической тематике. Коммерческая деятельность // Словари и энциклопедии на Академике.

⁵Экономика. Глоссарий. Коммерческая деятельность // Словари и энциклопедии на Академике.

⁶Словарь синонимов. Предпринимательская деятельность // Словари и энциклопедии на Академике.

⁷См., например: *Трофимов К.Т.* Проблемы правоспособности банка // *Хозяйство и право.* 2005. № 4. С. 89–95; *Черникова Е.В.* Публично-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации (финансово-правовые аспекты): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 432 с.; *Кучера Ю.В.* Административно-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации: Дис. ... канд юрид наук. Омск, 2000. 155 с.; *Жуков Е.Ф., Соколова Ю.А.* Банковское дело. М.: Юрайт, 2015. 591 с.; *Маркунцов С.А.* О необходимости законодательного закрепления понятия «банковская деятельность» // *Российская юстиция.* 2006. № 4. С. 35–38.

⁸Финансовый словарь. Банковская деятельность // Словари и энциклопедии на Академике; Большой юридический словарь. Банковская деятельность // Там же; *Финансы.* Оксфорд. толковый словарь: англо-русский: [3300 терминов] [Батлер Б., Джонсон Б., Сидуэлл Г., Вуд Э., Клаттербак Б.]. 2-е изд. М.: ИНФРА: Весь мир, 2000. С. 115–116.

На основании вышеизложенных подходов к определению таких понятий, как «предпринимательская деятельность», «коммерческая деятельность» и «банковская деятельность», мы приходим к выводу о том, что по своему содержанию и целевым установкам предпринимательская деятельность и коммерческая деятельность являются тождественными понятиями, а поэтому их правовое значение также является одинаковым. В силу этого целями предпринимательской и коммерческой деятельности являются удовлетворение потребностей населения и извлечение прибыли, что указывает на коммерческий характер этих видов деятельности.

Анализируя содержание банковской деятельности, мы также обнаруживаем и коммерческую составляющую, которая выражается, в первую очередь, в получении долгосрочной прибыли банками, расширении пакета услуг, наращивании собственного капитала банками, а также повышении стоимости акций банка. Кроме этого, расширение пакета услуг, улучшение качества обслуживания клиентов банков указывают на то, что банки заинтересованы в удовлетворении потребности населения в банковских продуктах и услугах.

Соответственно банки по своей сути являются не только финансово-кредитными учреждениями, но еще и коммерческими предприятиями, так как извлекают из своей деятельности коммерческую выгоду⁹.

В связи с этим очевидно, что раз понятия предпринимательской и коммерческой деятельности являются синонимами, по своей сути их функционал тождествен, цели одинаковы, а банки являются не только финансово-кредитными, но еще и коммерческими организациями; цели, которые предусматривает банковская деятельность, практически совпадают с коммерческой (предпринимательской) деятельностью, а поэтому банковская деятельность является составной частью коммерческой (предпринимательской) деятельности.

Основная часть

Вопросы банковской деятельности в Российской Федерации регламентируются специальным законом от 2.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹⁰, однако, по нашему

⁹ Энциклопедия инвестора // Словари и энциклопедии на Академике.

¹⁰ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 02.07.2021) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

мнению, является неправильным, что законодатель не ввел в основные понятия, которые используются в этом Федеральном законе, определение «банковская деятельность», тем самым не дав возможности правоприменителям установить ее признаки и впоследствии отграничивать данную деятельность от смежных с ней деятельностей, таких, как, например, коммерческая или предпринимательская.

Попытаемся исключить этот пробел в банковском законодательстве, а именно в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности», путем внесения дополнения в ч. 1 ст. 1 (Основные понятия настоящего Федерального закона) п. 4 («Банковская деятельность»), который предлагается изложить следующим образом:

Банковская деятельность – коммерческая деятельность финансово-кредитных, коммерческих организаций (предприятий) – банков, осуществляемая на основе выданного специального разрешения (лицензии) компетентными органами, имеющими право на осуществление банковских операций в виде привлечения денежных средств во вклады физических и юридических лиц, размещение этих средств от своего имени на определенных условиях, таких, как возвратность, открытость, платность, срочность, а равно открытия и ведения счетов указанных лиц в целях получения банком долгосрочной прибыли, устойчивого его развития, наращивания собственного капитала, повышения финансовой стоимости активов банка, а также расширения пакета услуг, улучшения качества обслуживания клиентов.

Кроме этого, считаем целесообразным внести изменения в п. 1 ч. 1 ст. 1 этого же Федерального закона, где имеется понятие «Банк», и представить п. 1 ч. 1 ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» в следующей редакции:

Банк – коммерческая, финансово-кредитная организация (предприятие), созданная в установленном законом порядке и действующая на основании специального разрешения (лицензии), выданного Банком России, имеющего право на осуществление банковских операций в виде привлечения денежных средств во вклады физических и юридических лиц, размещение этих средств от своего имени на определенных условиях, таких, как возвратность, открытость, платность, срочность, а равно открытия и ведения счетов указанных лиц в целях получения банком долгосрочной прибыли, устойчивого его развития, наращивания собственного капитала, повышения финансовой стоимости активов банка, а также расширения пакета услуг, улучшения качества обслуживания клиентов.

Отсюда следует, что банковская тайна по своему объему содержания входит в коммерческую тайну, при этом являясь ее составной частью, как общее и частное. Этой же точки зрения придерживается и Л.Г. Ефимова [Ефимова 2001, с. 280–297].

Разобравшись с тем, что банковская деятельность является составной частью коммерческой (предпринимательской) деятельности, банковская тайна является составной частью коммерческой тайны как общее и частное, сделаем попытку определить их соотношение и разграничение.

Таблица 1

Признаки банковской и коммерческой тайны

Коммерческая тайна	Банковская тайна
1) информация особого порядка, обладающая конфиденциальностью;	1) информация особого порядка, обладающая конфиденциальностью;
2) суть конфиденциальной информации выражается в сведениях о научно-технической, технологической, производственной, финансово-экономической деятельности или иных сведениях (в том числе составляющих секреты производства (ноу-хау)), имеющих действительную или потенциальную коммерческую ценность, разглашение которых может привести к высоким материальным потерям в производстве и повлиять в целом на экономическую безопасность Российской Федерации;	2) суть конфиденциальной информации выражается в сведениях о состоянии банковского вклада клиента, банковском счете, движении по счету, а также в информации о клиенте;
3) конфиденциальная информация является недоступной для третьих лиц, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации;	3) конфиденциальная информация является недоступной для третьих лиц, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации;
4) обеспечение сохранности конфиденциальной информации является обязанностью тех лиц, которые ею обладают;	4) обеспечение сохранности конфиденциальной информации является обязанностью служащих кредитной организации (банка);

Окончание табл. 1

Коммерческая тайна	Банковская тайна
5) установлена юридическая ответственность за разглашение конфиденциальной информации со стороны лиц, ответственных за обеспечение ее сохранности;	5) установлена юридическая ответственность за разглашение конфиденциальной информации со стороны лиц, ответственных за обеспечение ее сохранности;
6) конфиденциальная информация является доступной только для тех лиц (физических и юридических), которые имеют к ней доступ в соответствии с правовым режимом, регламентирующим реализацию этой информации;	6) конфиденциальная информация является доступной только для владельцев банковской тайны, к которым относятся клиенты банка, а также их наследники. Кроме них, конфиденциальная информация по банковской тайне доступна для пользователей банковской тайны – тем лицам, которым она доступна по должности, а также в связи с действующим законодательством;
7) может быть продана, передана или оглашена другим лицам по желанию владельца информации;	7) не может быть предоставлена в чье-либо пользование;
8) коммерческая тайна устанавливается в особом порядке владельцем, руководителем предприятия, учреждения, организации в соответствии с Положением о коммерческой тайне, разработанным на предприятии, в учреждении, организации, и уставом этих предприятий, учреждений, организаций	8) банковская тайна устанавливается законом

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что соотношение банковской и коммерческой тайны выражается в том, что и в коммерческой тайне, и в банковской тайне информация имеет конфиденциальный характер. При этом эта конфиденциальная информация имеет закрытый характер и является недоступной для третьих лиц. В случае если информация, составляющая банковскую или коммерческую тайну, будет разглашена лицам, которые не имеют на нее никакого юридического права, то в отношении виновных лиц будут применены меры юридической ответственности.

В качестве разграничения банковской и коммерческой тайны следует отнести содержательную сторону той конфиденциальной информации, которая отнесена к одному из видов этих тайн.

Сущность конфиденциальной информации коммерческой тайны заключается в охране сведений о научно-технической, технологической, производственной, финансово-экономической или иной деятельности (в том числе составляющих секреты производства (ноу-хау)), имеющих действительную или потенциальную коммерческую ценность, разглашение которых может привести к высоким материальным потерям в производстве и повлиять в целом на экономическую безопасность Российской Федерации.

Сущность конфиденциальной информации банковской тайны заключается в охране информации о состоянии банковского вклада клиента, банковском счете, движении по счету, а также информации о клиенте.

Кроме этого, в отношении коммерческой тайны обеспечение сохранности конфиденциальной информации является обязанностью тех лиц, которые ею обладают, чего не скажешь о лицах, которые обязаны обеспечивать банковскую тайну в соответствии с законом. К этим лицам относятся служащие кредитной организации (банка). Наряду с этим банковская тайна не может быть предоставлена в чье-либо пользование, при этом режим коммерческой тайны говорит о том, что информация, отражающая коммерческую тайну, может быть продана, передана или оглашена другим лицам по желанию ее владельца.

Однако конфиденциальная информация, составляющая коммерческую тайну, может быть доступна только для тех лиц, которые в соответствии с правовым режимом коммерческой тайны имеют к ней доступ, при этом режим банковской тайны определяет, что доступ к сведениям, составляющим банковскую тайну, имеют только клиенты банка и их наследники, а также банк (кредитная организация) и те служащие банка (кредитной организации), которым эта конфиденциальная информация доверена и доступна по должности, а также в соответствии с действующим законодательством.

И последнее отграничение банковской тайны от коммерческой заключается в том, что режим банковской тайны устанавливается законом, а режим коммерческой тайны – владельцем или руководителем предприятия, учреждения, организации в соответствии с Положением о коммерческой тайне, разработанным на предприятии, в учреждении, организации в соответствии с уставом, правилами внутреннего распорядка данного предприятия, учреждения, организации.

В правоотношениях, представляющих собой отношения в сфере банковской или коммерческой тайны, при правоприменении воз-

никает множество правовых проблем, которые создают определенные трудности в вопросах применения законодательства. Суть этих проблем касается вопроса: нормы какой отрасли законодательства применять для регулирования того или иного вопроса, касающегося банковской или коммерческой тайны, – гражданского, финансового или банковского? Правильное определение норм соответствующего законодательства дает возможность предопределить точную квалификацию правоотношений, а затем уже определить, какой иск можно будет заявлять в суд для защиты своего права на неприкосновенность информации.

Как известно, вопросы банковской тайны и вопросы коммерческой тайны регулируются различными нормативно-правовыми актами. Так, вопросы функционирования банковской системы, реализации различных банковских операций регламентируются нормами банковского права. В свою очередь все вопросы, которые касаются банковских сделок с участием кредитных организаций, подпадают под регулирование норм гражданского права. То есть вопросы, которые возникают в системе организационно-правовых отношений в кредитных организациях, регламентируются нормами корпоративного права. Отсюда делаем вывод о том, что общественные отношения, которые возникают в сфере банков и иных кредитных организаций, работают на основе норм и принципов различных отраслей права, а поэтому регулируются также различными методами.

В этой связи правоприменитель должен в точном соответствии с регулированием общественных отношений определить метод правового регулирования и в точности определить правоотношение, в котором возникло правонарушение, чтобы впоследствии восстановить справедливость и законные права и интересы участников этих правоотношений.

В целях определения сущности правоотношения необходимо определиться в том, какая правовая природа заложена в таких понятиях, как «банковская операция», «банковская сделка», а также в чем проявляется их сходство и различие, то есть соотношение.

Как правило, в гражданском праве такое понятие, как «банковская операция», не применяется, поскольку этот термин является сугубо банковским и регламентируется банковским законодательством. А гражданское право регламентирует общественные отношения, содержание которых составляют отношения имущественные, имущественно-стоимостные, а также личные неимущественные отношения. Отсюда становится ясно, что в круг этих отношений включены вопросы, касающиеся совершения сделок, а если сделки совершаются в банковской сфере, то и банковские сделки регла-

ментируются только гражданским правом. С подобной позицией согласен А.Г. Братко, который утверждает, что «сделка, которая сопровождается конкретной банковской операцией, в конечном итоге относится к гражданско-правовой сделке, которая совершается именно кредитной организацией» [Братко 2006, с. 22, 43].

Л.Г. Ефимова придерживается аналогичной позиции, только, в отличие от А.Г. Братко, называет подобные сделки «банковскими сделками», а не «сделками, совершаемыми с участием кредитных организаций» [Ефимова 2001, с. 188–194]. К подобным сделкам Л.Г. Ефимова относит договоры банковского счета, вклада, финансирования под уступку денежного требования, доверительного управления имуществом, банковскую гарантию, а также кредитные договоры, расчетные сделки и другие договоры.

В ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» четко определены виды банковских операций и виды банковских сделок. Перечень их является закрытым, дополняться этот перечень может только федеральным законом. В силу этого, одной из сторон данных правоотношений является банк. При этом участники этих правоотношений имеют равные права, для одной и для другой стороны правоотношений договор по осуществлению сделки имеет одинаковую юридическую силу, поэтому никто из участников этого договора не может повлиять на его правовую природу. Поэтому, применяя нормы ст. 153 ГК РФ, где отражается понятие «сделка», можно в полной мере определить, что вышеуказанные мероприятия, которые отражают вопросы банковских сделок, суть которых описана в ст. 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности», можно в полной мере отнести к гражданско-правовым банковским сделкам. Соответственно банковские операции должны регулироваться нормами банковского права, а банковские сделки – нормами гражданского права.

Недостатком ФЗ «О банках и банковской деятельности» является и то, что этот закон, являющийся основополагающим в банковской деятельности и регулирующий отношения в сфере банковской деятельности и деятельности кредитных организаций, не дает определений «банковская операция» и «банковская сделка», однако перечисляет их виды.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что банковская операция не может относиться ни к банковской сделке, ни к гражданско-правовой сделке, так как не устанавливает, не изменяет объем правомочий участников правоотношений. Она только решает вопросы обеспечения банковской сделки, а в силу этого банковская сделка по своему сущностному содержанию шире, чем банковская операция.

Кроме проблем определения вида правоотношений в рамках банковской тайны и метода правового регулирования, на наш взгляд, существует еще проблема, которая связана с моментом, который определяет начало возникновения правоотношений между банком (кредитной организацией) и клиентом банка, а поэтому и возникают отношения по вопросу охраны банковской тайны. В ч. 1 ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» указывается, что банковская тайна гарантируется только в отношении банковских операций, счетов и вкладов своих клиентов и корреспондентов. А как тогда быть, если договор с банком еще не заключен, то есть не подписан сторонами, а все сведения, которые требует банк, будущий возможный клиент уже передал в банк для проведения проверки службой безопасности и последующим принятием решения о выдаче, например, кредита. Ведь вся информация, которая передана в банк, является конфиденциальной и должна охраняться как банковская тайна несмотря на то, что кредитный договор еще не заключен.

По нашему мнению, подобный пробел возможно восполнить, если в ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» ввести понятие «клиент банка»,

под которым следует понимать лицо, которое предоставило в банк требуемые для заключения в дальнейшем договора с банком сведения о своем финансовом положении, имуществе, о своих установочных данных, финансовых счетах, кредитных обязательствах в связи с реализацией банком своих профессиональных полномочий.

При такой постановке вопроса интересы клиента банка будут полностью защищены, так как моментом начала реализации банковской тайны в отношении переданной информации будет являться время, когда эта информация была передана сотруднику банка и этот сотрудник внес переданную информацию в анкету.

Однако, как представляется, этого недостаточно. В нормах ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» и в ст. 857 ГК РФ существуют некоторые противоречия относительно того, какие сведения охраняются в рамках банковской тайны. Нормы ст. 857 ГК РФ устанавливают, что банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте¹¹, в свою очередь норма ст. 26 ФЗ «О банках и банковской дея-

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

тельности» гарантирует банковскую тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. По нашему мнению, для устранения этого противоречия необходимо положения ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» привести в соответствие с нормой ст. 857 ГК РФ.

С этой целью предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 26 вышеуказанного закона и представить ее в следующей редакции:

Кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах, а равно личных данных своих клиентов и корреспондентов. Банк и все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, о счетах и вкладах, личных данных ее клиентов и корреспондентов.

В ч. 1 ст. 26 этого Федерального закона законодатель предусмотрел возможность отнесения к банковской тайне иных сведений, которые установит кредитная организация, если таковые сведения не противоречат Федеральному закону. Это право сразу же породило проблему отнесения сведений к перечню конфиденциальной информации, которая охраняется как банковская тайна.

Заключение

По нашему мнению, перечень всех сведений, которые имеют конфиденциальную основу и рассматриваются как тайна, будь то банковская, коммерческая, государственная и иная другая, должен быть определен положением федерального законодательства, список сведений должен быть закрытым и соответственно дополняться или устраняться только на основании внесения изменения в закон. Если давать возможность кредитной организации вносить дополнения в перечень сведений, составляющих банковскую тайну, то это внесет дополнительную путаницу в институт банковской тайны и породит дополнительные проблемы, связанные с ее применением.

В этой связи мы предлагаем исключить из ч. 1 ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» слова «а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону», оставив редакцию этой части статьи в представленном выше виде.

Литература

Братко 2006 – *Братко А.Г.* Банковское право: Курс лекций. М.: ЭКСМО, 2006. 704 с.

Ефимова 2001 – *Ефимова Л.Г.* Банковские сделки: право и практика: Монография. М.: НИМП, 2001. С. 188–194.

References

Bratko, A.G. (2006), *Bankovskoe pravo: Kurs lektzii* [Banking law: Course of lectures], EKSMO, Moscow, Russia, 704 p.

Efimova, L.G. (2001), *Bankovskie sdelki: pravo i praktika* [Banking Transactions: Law and Practice], Monograph, NIMP, Moscow, Russia, pp. 188–194.

Информация об авторе

Станислав В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; timofeev@rggu.ru

Information about author

Stanislav V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 047; timofeev@rggu.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Н.К. Егорова

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 16.12.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1353

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru